

филоlogos '26

ЕЛЕЦКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. А. БУНИНА

Выпуск

2 (69)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.А. БУНИНА»

ФИЛОLOGOS

Выпуск 2 (69)

Елец – 2026

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: ПИ № ФС77-40325 от 15 июня 2010 г.).

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Редакционная коллегия

О.А. Харитонов, канд. филол. наук (Елец, Россия) – гл. редактор; **Т.Е. Автухович**, д-р филол. наук (Гродно, Беларусь), **В.Р. Аминева**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **В.А. Бурцев**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **С. Георгиева**, д-р филологии (Пловдив, Болгария), **А. Золтан**, д-р филол. наук (Будапешт, Венгрия), **Б.П. Иванюк**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **Э. Инаныр**, д-р филол. наук (Стамбул, Турция), **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук (Донецк, Донецкая народная республика, Россия), **Р.О. Муталов**, д-р филол. наук (Москва, Россия), **А.Н. Паикуров**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **Е.А. Попова**, д-р филол. наук (Липецк, Россия), **С.А. Скуридина**, д-р филол. наук (Воронеж, Россия), **А.Г. Степанов**, канд. филол. наук (Москва, Россия), **Е.М. Тюленева**, д-р филол. наук (Иваново, Россия), **А.А. Чевтаев**, канд. филол. наук (Санкт-Петербург, Россия), **Е.А. Шаронова**, д-р филол. наук (Саранск, Россия), **В.И. Шульженко**, д-р филол. наук (Пятигорск, Россия), **Г.Н. Ягафарова**, д-р филол. наук (Уфа, Россия), **М. Яхьяпур**, канд. филол. наук (Тегеран, Иран), **М.В. Сапрыкина** (Елец, Россия) – отв. секретарь.

Ф 54 ФИЛОLOGOS. – Выпуск 2 (69). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2026. – 133 с.

69-й выпуск научного журнала «Philologos» объединяет исследования по поэтике и жанрологии, истории литературы, лингвистике и дискурс-анализу, семантике, фонетике и лексикологии, междисциплинарным исследованиям и научной мемуаристике.

Адресуется профессиональной аудитории.

The 69th issue of the scientific journal "Philologos" combines research on poetics and genre studies, literary history, linguistics and discourse analysis, semantics, phonetics and lexicology, interdisciplinary research, and scientific memoirs.

The issue is intended for the targeted audience.

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2026
© Авторы статей, 2026

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Поэтика и жанрология / Poetics and Genre Studies

<i>Иванюк Б.П.</i> Жанровые модификации медитативной поэзии: дума, думка, ноктюрн (словарный формат)	6
<i>Ivanyuk B.P.</i> Genre Modifications of Meditative Poetry: Duma, Dumka, Nocturne (Dictionary Format)	6
<i>Любарский Р.В.</i> Поэтика цикла рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни»	11
<i>Lubarsky R.V.</i> The Poetics of Evgeny Zvyagin's Cycle of Short Stories "Wandering Lights"	11
<i>Жиляков С.В.</i> Мнемоническая лирика Е.А. Евтушенко: жанровая традиция и новаторство	19
<i>Zhilyakov S.V.</i> Mnemonic Lyrics of E.A. Yevtushenko: Genre Tradition and Innovation ...	19
<i>Ковалев Б.В.</i> Стилеметрическая поэтика романа Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»: первые итоги	29
<i>Kovalev B.V.</i> The Stylometric Poetics of G. Garcia Marquez's Novel "One Hundred Years of Solitude": First Results	29

История литературы / History of Literature

<i>Цзи Сунчэнь, Хабибуллина А.З.</i> Русская классика и основы сравнительного литературоведения в Китае (на материале творчества А.П. Чехова)	39
<i>Ji Songchen, Khabibullina A.Z.</i> Russian Classics and the Foundations of Comparative Literature in China (Based on the Works of A.P. Chekhov)	39

Лингвистика и дискурс-анализ / Linguistics and Discourse Analysis

<i>Волгина Е.В.</i> Маскулинные и феминные метафоры как основа нарратива англоязычного юридического дискурса: от бинарности к синтезу	48
<i>Volgina E.V.</i> Masculine and Feminine Metaphors as the Basis of the Narrative of English-Language Legal Discourse: from Binarity to Synthesis	48
<i>Кривоносова А.И.</i> Концепт гостеприимства в художественном тексте: лексико-семантический и прагматический анализ (на материале русской и англоязычной литературных традиций)	55
<i>Krivososova A.I.</i> The Concept of Hospitality in a Literary Text: Lexico-Semantic and Pragmatic Analysis (Based on Russian and English Literary Traditions)	55
<i>Филатова А.В.</i> Сфера-источник КРИМИНАЛ как способ метафоризации действительности в научно-популярном русскоязычном биологическом дискурсе	67
<i>Filatova A.V.</i> The CRIME Source Domain as a Means of Reality Representation in Popular Science Russian Language Biology Discourse	67

Семантика, фонетика, лексикология / Semantics, Phonetics, Lexicology

<i>Вохминцева А.В., Скуридина С.А.</i> Термины родства папа, батюшка и их производные в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	74
<i>Vokhmintseva A.V., Skuridina S.A.</i> The Terms of Kinship Papa, Father and Their Derivatives in F.M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"	74
<i>Егорова С.С.</i> О лексическом просторечии в рассказе Н.В. Успенского «Хорошее житье» (1858)	83
<i>Egorova S.S.</i> About the Lexical Vernacular in the Story of N.V. Uspensky "The Good Life" (1858)	83
<i>Карданов М.Л., Шугушева Д.Х.</i> Параллельные значения звуков в адыгских и латинском языках	91
<i>Kardanov M.L., Shugusheva D.H.</i> Parallel Meanings of Sounds in the Adygh and Latin Languages	91
<i>Рутенко А.А.</i> Наименования посуды в русском языке: семантические изменения	99
<i>Rutenko A.A.</i> Names of Dishes in the Russian Language: Semantic Changes	99

Междисциплинарные исследования / Interdisciplinary Research

<i>Терин А.А.</i> Этноглуттонический компонент киножанра ужасов (на материале художественного фильма «Sinners» режиссера Р. Куглера)	109
<i>Terin A.A.</i> The Ethnoglutton Component of the Horror Film Genre (Based on the Material of the Feature Film "Sinners" Directed by R. Coogler)	109

Научная мемуаристика / Scientific Memoiristics

<i>Кораблев А.А.</i> В жанре метажизни	116
<i>Korablev A.A.</i> In the Genre of Metalife	116

Для авторов	133
--------------------------	-----

*21 апреля 2026 года ушел из жизни
доктор филологических наук, профессор,
создатель журнала «Филологос»
Борис Павлович Иванюк.*

ПОЭТИКА И ЖАНРОЛОГИЯ / POETICS AND GENRE STUDIES

Б.П. Иванюк

B.P. Ivanyuk

ЖАНРОВЫЕ МОДИФИКАЦИИ МЕДИТАТИВНОЙ ПОЭЗИИ: ДУМА, ДУМКА, НОКТЮРН (СЛОВАРНЫЙ ФОРМАТ)

GENRE MODIFICATIONS OF MEDITATIVE POETRY: DUMA, DUMKA, NOCTURNE (DICTIONARY FORMAT)

Публикация объединяет словарные статьи о жанровых модификациях (дума, думка, ноктюрн) медитативной поэзии, отличной от философской и исповедальной, риторической и суггестивной. В каждой статье дается определение жанра, излагается его персонифицированная история, обозначены его тематические и стилевые вариации. Особое внимание уделено скрещиванию медитативной поэзии с другими жанровыми формами и мотивами, прежде всего, элегической типологии. Привлекается широкий историко-литературный материал мировой поэзии.

Ключевые слова: медитативная поэзия, дума, думка, ноктюрн.

The publication combines dictionary entries on genre modifications (duma, dumka, nocturne) of meditative poetry, which differs from philosophical and confessional, rhetorical, and suggestive poetry. Each entry provides a definition of the genre, outlines its personalized history, and identifies its thematic and stylistic variations. Special attention is given to the cross-breeding of meditative poetry with other genre forms and motifs, particularly the elegiac typology. A wide range of historical and literary materials from world poetry is included.

Key words: meditative poetry, thought, dream, nocturne.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-6-10

МЕДИТАТИВНАЯ ПОЭЗИЯ (лат. meditatio – углубленное размышление) – жанр раздумий об экзистенциальных проблемах человека.

В этом отличие М. п., с одной стороны, от философской поэзии, основным предметом размышления которой является антропологическая (судьба родового человека) и онтологическая тематика (поэма «О целокупности мира» Бернарда Сильвестриса, Франция, XII в.; английские поэмы «Опыт о человеке», 1733–1734, А. Поупа, «Королева Маб», опубл. в 1813, П.Б. Шелли; «На смерть князя Мещерского», 1779, Г. Державина, «О чем ты воешь, ветр ночной?», 1830-е гг., Ф. Тютчева), а с другой, от исповедальной лирики с ее адресованным рассказом о содержании саморефлексии («Исповедь стихотворная» латинского поэта XI в. Альфана Салернского; поэма французского трувера

XIII в. Рютбёфа «Покаяние»; «Сознание», 1854, П. Вяземского; поэма «Исповедь», 1831, М. Лермонтова), что, впрочем, не исключает их вероятного скрещивания.

В сравнении с риторической поэзией, рефлексорной в отношении к литературной традиции, прежде всего, жанровой, с одной стороны, и суггестивной лирикой с ее поэтикой ассоциативного внушения, с другой («Сон на море», 1829, Ф. Тютчева; «Уныние», 1889, М. Метерлинка, Бельгия), М. п. отличается индивидуализированной рефлексией. Однако, не имея четкой структуры, М. п. пользуется жанровыми формами лирической думы, думки и ноктурна или адаптирует к своему профильному содержанию жанровые возможности жалобы, стансов, молитвы, в особенности, элегии: «О благе раздумья» Т. Во, Англия, XVI в.; «Различные размышления» (1688) в жанре французской «легкой поэзии» Антуанетты Дезульер, «Размышления в моей комнате» В.Г. ван Фоккенброха, Нидерланды, XVII в.; два больших цикла «Предварительных медитаций» (1678–1725) Э. Тэйлора, США; поэма «Жалоба, или ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1745) Э. Юнга, Англия; «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1750) Т. Грея, Англия; «Медитации» (1820) и «Новые поэтические медитации» (1823) А. Ламартина, Франция; «Молитва. Как дни, о Господи, убоги!..» (1889) М. Метерлинка (Бельгия); «Правда песни» Х.Г. Дурана, Колумбия, XX в.; «Стансы на суету», опубл. в 1784, И. Хемницера, «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829), «Когда за городом задумчив я брожу...» (1836) А. Пушкина, «Выхожу один я на дорогу...» (1841) М. Лермонтова.

ДУ́МА – лирический или лиро-эпический жанр медитативной поэзии.

Происхождение литературной Д. связано с романтизмом. Лиро-эпическая Д. возникает в контексте общеизвестного интереса поэтов-романтиков к фольклору, в частности, к национальной героической и исторической песне: цикл «Исторических песен» (1816) польского поэта Ю. Немцевича, высоко оцененный К. Рылеевым; украинские сб. «Исторические думы» (опубл. в 1842) Т. Падурь и «Степные думы и напевы» (опубл. в 1889) И. Манжуры; «Москва (Дума)» (1837) В. Бенедиктова. Сюжет такой Д. представлял собой оторефлексированное авторским сознанием событие национальной истории, и в этом плане славянская лиро-эпическая Д. явилась жанровым аналогом западноевропейской литературной баллады. В русской поэзии ее инициировал К. Рылеев не без непосредственного влияния украинской народной Д. (термин «дума» ввел русский и украинский ученый М. Максимович), не забытой и в XX в. («Дума про Опанаса», 1926, Э. Багрицкого, «Дума о Зинько Самгородском», опубл. в сб. 1943 г. «Современникам» украинского поэта Т. Осьмачки). Рылеевские Д. («Смерть Ермака», 1821; «Иван Сусанин», 1822, и др.) являются поэтической переработкой эпизодов отечественной истории, заимствованных из «Истории Государства Российского» Н. Карамзина. Историческая Д. встречается и в XX в. («Дума», 1908, словена О. Жупанчича; «1812», 1942, С. Городецкого).

Лирическая Д., более древняя, представлена двумя элегическими вариантами. Первый – общественная элегия, воспроизводящая историческое самочувствие национального коллектива от имени поэта-пророка (цикл «Думки вечерние», 1838–1840, словака Л.В. Штура; «Дума», 1838, М. Лермонтова). Второй – элегия-размышление на экзистенциальные темы, родственная западноевропейскому жанру медитации (А. Пушкин называет «Поэтические медитации», 1820, А. Ламартина думами) и ставшая, по сути, русской национальной формой элегии, представленной в творчестве многих русских поэтов: Н. Гнедича («Дума. Печален мой жребий, удел мой жесток!» и «Дума. Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви...», 1832), Н. Языкова («Дума. Одну минуту, много две...», 1825), В. Раевского («Предсмертная дума. Меня жалеть?... О люди, ваше ль дело?», написанная в сибирской ссылке, опубл. 1846), П. Вяземского («Дорожная дума. Колокольчик однозвучный...», 1830; «Еще дорожная дума. Колокольчик, замотайся...», «Еще дорожная дума. Опять я на большой дороге...», 1841); А. Кольцова, многие стихотворения которого имеют жанровый подзаголовок «Дума» («Умолкший поэт», «Великое слово», «Молитва» и «Могила», 1836; «Дума двенадцатая», 1840, и др.),

И. Мятлева («Скучно», 1842), А. Апухтина («Дорожная дума», 1865 или 1866), Я. Полонского («Ночная дума», 1874), К. Павловой («Дума. Когда в раздор с самим собою...», «Дума. Хотя усталая, дошла я...» и «Вчера листы изорванного тома...», 1843; «Дума. Сходилась я и расходилась...» и «Дума. Не раз себя я вопрошаю строго...», 1844; «Думы. Я снова здесь, под сенью крова...», 1847), К. Случевского («Думы. Когда тяжёлая истома сердце давит...», 1881), Арс. Тарковского («Дума. И горько стало мне, что жизнь моя прошла...», 1946).

Представительной формой Д. в русской поэзии является цикл: «Ночные думы» (1844) А. Плещеева, «Житейские думы» (1850–1857) Ап. Майкова, «Элегии и думы» (сб. «Вечерние огни», 1883) А. Фета, «Мечты и думы» (1880-е) К.Р. (Константина Романова), одноименные «Думы» В. Брюсова (сб. «Urbi et Orbi», 1903), А. Белого (сб. «Урна», 1909), С. Городецкого (сб. «Думы», 1943).

Помимо элегических, типичных для любой национальной поэзии, к примеру, китайской («Думы», вошедшие в цикл «Девять элегий» Цюй Юаня, сер. 4 – п. четв. III вв. до н.э.; «С холма Цзи смотрю на древности» Чэнь Цзы-аня, VII в.; «Осенние думы» Ли Бо, VIII в.; «Ночная дума» Су Дун-по, XI в.), встречаются Д. с иной тематической и/или стилевой доминантой, с другими жанровыми мотивами: сатирические «Раздумья пииты» (1797) Н. Николева, апокалиптическая «Дума» (1834) Ф. Глинки, политическая «Дума при гробе Оленина» (1853) Н. Добролюбова, социальные – «Дума» (1891) Ф. Богусевича и персонажная «Дума. Сторона наша убогая...» (1861) Н. Некрасова, «Дума» (1860) с вплетенными мотивами желания и просьбы поляка Вл. Сырокомли, псевдофольклорная «Думы лирика», 1856, украинца С. Руданского, каторжная «Дума беглеца на Байкале. Славное море – привольный Байкал...» (1848) Дм. Давыдова, ироничные «Думы оптимиста» (1871) А. Жемчужникова, «Дума в Царском селе» (1889) с визионерскими и экфрастическими мотивами К. Фофанова, социально-политические (после поражения революции 1905–1906 гг.) «Мои думы» белорусской поэтессы Алоизы Пашкевич (псевд. Тётка).

Нередко дума становится предметом поэтической рефлексии: «Ох, мои вы думы, думы...» (1839) Т. Шевченко, «Думы» (1831) А. Хомякова (диалог с собственными думами), «Думы. Меня навещают угрюмые гости...» (1835) К. Аксакова, «Думы. Зачем они ко мне собрались, думы...» (1906) Н. Гумилева.

ДУМКА – жанр лирической медитации в славянской поэзии.

Название происходит от музыкального жанра, возникшего в XVIII в. в Польше и распространившегося в других странах, преимущественно восточнославянских. Источники поэтической Д. – общеевропейская элегия и народная лирическая песня, иногда балладного типа. Формируется в среде «украинской школы» польских романтиков («Думки», 1844, Ф. Жиглинского, сб. «Думы и думки», 1861, Й.Б. Залесского и др.). К одной из основных модификаций Д. относится общественная элегия, близкая по тематике и поэтике фольклорной думе, что нередко подтверждается их соседством под одной обложкой, к примеру, «Думы и думки» в украинском альманахе, изданном в 1837 г. в Венгрии, «Русалка Днестровая». В большей степени представлена личностная дума, нередко заимствующая жанровые мотивы и стилистику валеты (лат. vale – прощай), жалобы, ноктюна. К этой жанровой форме обращались украинские поэты Т. Шевченко, в «Кобзарь» (1840) которого входят четыре персонажные Д.: «Ветер буйный, ветер буйный!» (женский плач о доле), «К чему мне черные брови...» (парфений), «Тяжело и трудно в мире жить...» (жалоба казака), «Думка. Течет вода в синее море...» (плач казака на чужбине), Ю. Федькович («Дикие думки», 1876), А. Метлинский (сб. «Думки и песни и еще кое-что», 1839), О. Маковей (цикл «Думки», 1885), белорусские – Ф. Богусевич («Думка», 1887) и Я. Купала («Моя думка», 1910), словацкий поэт Л. В. Штур (цикл «Думки вечерние», 1838–1840).

НОКТЮРН стихотворный (фр. nocturne от лат. nocturnus – ночной) – жанр медитативной поэзии, ночное размышление.

Происходит от одноименного инструментального жанра, созданного для фортепиано русским ирландцем Дж. Фильдом и разработанного романтиками (Ф. Шопен, Р. Шуман, Ф. Лист) с их установочным интересом к иррациональному («ночному») бытию человека, к его экзистенциальной меланхолии. Одни искусствоведы связывают его с итальянской, напоминающей серену («вечерняя песня»: «Дама к другу не была...» провансальского поэта XIII в. Гираута Рикьера, творца жанра; «Вечерняя песнь», 1852, А. Хомякова), музыкальной пьесой *potturmo*, исполняемой по вечерам на природе, другие же – их различают. В поэзии оба жанровых понятия, по сути, совпадают. О музыкальном происхождении Н. с. свидетельствует «Ноктюрн. Шопеновский ноктюрн *Es-dur'ный...*» (1899) Г. Гессе (Германия).

Н. с. типологически близок по эмоциональному настрою лирическим элегии и думе, в особенности при общем для них «ночном» фокусе поэтической рефлексии, хотя встречаются Н. с. с иным стилевым заданием, создающим эффект жанрового травестирования, к примеру, юмористический «Nocturno. *Выхожу с тоскою неизбежной...*» (1863) украинского поэта Л. Глебова, сатирический сонет «Ноктюрн. *Ночное празднество в Бергаме. Оттого ли...*» (1900) А. Самена (Франция).

Широкий контекст «ночной» поэзии («Ночь» – одноименные стихотворения Семена Боброва, М. Муравьева, В. Жуковского, В. Кюхельбекера, М. Лермонтова и др.), отсутствие в Н. с. какого-либо четкого стихотворного регламента как коммуникативного признака жанра и его импровизационный характер компенсируются жанровым названием, нередко поддержанного начальным стихом и/или соответствующими ключевыми словами.

В европейской поэзии XIX–XX вв. жанр представлен в творчестве Г. Кёллера, Швейцария («Вечерняя песнь»), А.Т. Кентала, Португалия (сонет «Ноктюрн. *О зыбкой ночи нелюдимый сын...*»), ирландца Дж. Джойса («Ноктюрн. *Рой бледных звезд...*»), Э. Лейно, Финляндия («Ноктюрн. *Над полями крики коростеля...*»), испанцев Х.Р. Хименеса («Ноктюрн. *Туча: черный дымище...*», «Ноктюрн. *Моя слеза и звезда...*») и Ф. Гарсия Лорки (цикл «Ноктюрны из окна»), Я. Лехоня, Польша («Ноктюрн. *Что я? Всего лишь лист, сорванный с дерева ветром...*»), чеха В. Незвала («Ноктюрн. *Как садовник, склоняясь над ветвями вод...*»).

В поэзии других регионов XIX–XX вв. Н. с. репрезентирован именами О. де Андраде, Бразилия (миниатюра «Ноктюрн. *Там, за окнами все еще лунно...*»), Р. Дарио, Никарагуа («Ноктюрн. *Тишина ночи, болезненная тишина...*»), Р.С. Хилльера, США («Ноктюрн. *Живущий в чаще призрак – это я...*»), чилийских поэтов Габриэлы Мистраль (молитва «Ноктюрн. *Ах, Отец наш Небесный, мне больно!*») и В. Уидобро («Ноктюрн. *Время течет, словно капли дождя по стеклу...*»), Йоланды Бедрегаль, Боливия («Ноктюрн слез. *По ночам, когда нас слезы душат...*»), Х.А. Сильвы, Колумбия (цикл «Ноктюрны» с жанровой доминантой плача), Киносита Мокутаро, Япония (экфрасис «Ноктюрн. К Картина А. Уистлера "Ноктюрн в синих и золотых тонах"»), поэтов с Островов Зеленого Мыса Ж. Барбоза («Ноктюрн. *Мигает керосиновая лампа...*») и М. Лопеса (цикл «Ноктюрны»).

Русская традиция обращения к Н. с. и его жанровой памяти – богата и непрерывна: «Ночь. *Как ночь прекрасна и чиста...*» (1828) С. Шевырева, «Nocturno. *Как пуст мой деревенский дом...*» (1840) Н. Огарева, «Ноттурно. *Как не любить тебя, таинственная ночь?..*» (1842) Е. Ростопчиной, «Ноктурно. *Полночь глухая. Ты думаешь: все уж уснуло...*» (1844–1847) Ю. Жадовской, «Ночь. *Отчего я люблю тебя, светлая ночь...*» (1850) Я. Полонского, «Notturmo. *Ночь тиха... Едва колышет...*» (1844) и «Notturmo. *Я слышу, знакомые звуки...*» (1845) А. Плещеева, «Notturmo. *Далеко до блеска мая...*» (1889) Л. Трефолева, «Nocturno. *Темную выбери ночь и в поле, безлюдном и голом...*» (1890) И. Анненского, «Notturmo. *Не мечты ли мне напели...*» (1891) и «Notturmo. *Полосы лунного света легли...*» (1895) К. Фофанова, «Ноктюрн. *Крики чайки бесслонезной...*» (1903) З. Бухаровой, «Nocturne. *Час полночный... Миг неясный...*» (1907) и цикл «Вечерние песни»

(1911) Ю. Балтрушайтиса, «Ноктюрн. Бледнел померанцевый запад...» (1908) и «Nocturno. Навевали смуть бывшего окарины...» (1909) И. Северянина, визионерский «Notturmo. Безумья буйным бременем тяжел...» (1918) С. Городецкого, «Notturmo. Ропот воли в сумраке полей...» (1926) Вяч. Иванова, «Ноктюрн. Глубокой ночью вышел...» (1943) Г. Тюрка, «Ноктюрн. Мотались тени на стене...» (1969) Е. Клячкина, «Ноктюрн. Кричи, не кричи...» (сб. «Голубая трава», 1973) М. Визи (М. Турковой), послание «Литовский ноктюрн Томасу Венцлова» (1974) И. Бродского, «Ноктюрн. Между мною и тобою – гул небытия...» (1977) Р. Рождественского.

Жанровой антитезой Н. с. можно считать абад (утренняя песня).

Информация об авторе

Борис Павлович Иванюк,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской филологии
и журналистики.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология,
метафорология.
ORCID ID: 0000-0003-0225-2060
SPIN-код: 8454-1321, AuthorID: 651987
E-mail: odinal47@mail.ru

Поступила в редакцию 07.02.2026;
одобрена после рецензирования 15.05.2026;
принята к публикации 15.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Boris P. Ivanyuk,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Russia, Lipetsk region, Yelets,
Kommunarov str., 28.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Head of the Department
of Russian Philology and Journalism.
Research interests: poetics of text, genre studies,
metaphorology.
ORCID ID: 0000-0003-0225-2060
SPIN-code: 8454-1321, AuthorID: 651987
E-mail: odinal47@mail.ru

The article was submitted 07.02.2026;
approved after reviewing 15.05.2026;
accepted for publication 15.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Иванюк, Б.П. Жанровые модификации медитативной поэзии: дума, думка, ноктюрн (словарный формат) // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 6–10. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-6-10.

For citation: Ivanyuk, B.P. Genre modifications of meditative poetry: duma, dumka, nocturne (dictionary format) // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 6–10. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-6-10.

Права: © Б.П. Иванюк (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Р.В. Любарский
R.V. Lubarsky

**ПОЭТИКА ЦИКЛА РАССКАЗОВ ЕВГЕНИЯ ЗВЯГИНА
«БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ»**

**THE POETICS OF EVGENY ZVYAGIN'S CYCLE
OF SHORT STORIES "WANDERING LIGHTS"**

Евгений Звягин – один из значимых представителей ленинградского андеграунда конца XX – начала XXI веков. Его рассказы и повести печатались в журналах «Часы», «Нева», «Континент», «Звезда», «Родник», «Аврора» и других. В статье исследуется поэтика цикла рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни». Научная новизна состоит в том, что впервые предпринято изучение произведений Евгения Звягина в контексте историко-литературного процесса. Цель статьи – рассмотреть поэтику «Блуждающих огней» неотрывно от основных мотивов и образов классической литературы. Предпринято изучение образов бесприютных персонажей в рассказах «Без названия», «Точильщик», «Блуждающие огни», «Внутри» и «Монологист». В рассказе «Блуждающие огни», с одной стороны, отмечена постмодернистская ирония, деконструирующая принципы жизни маленького человека, с другой – элемент мистического реализма, основанного на древнегреческом мифе об ожившей статуе Пигмалиона – Галатее. В рассказе «Без названия» рассмотрен мотив неприкаянности, основанный на соответствующем ему образе главного героя, а также авторское обыгрывание незначительности его существования. Актуализировано сочетание образа «маленького человека» и постмодернистского освоения Евгением Звягиным нонселекции, выражающейся в эпистемологической неуверенности. В свою очередь, в «Точильщике» изучен нестандартно воплощенный автором мотив неприкаянности: в произведении актуализируется психически дестабилизированный персонаж, неординарность которого воплощена абсессивно. Показана метафорическая адаптация Евгением Звягиным душевной ограниченности персонажа, являющейся элементом «футлярной поэтики» «Монологиста». Подчеркнута специфика ухода от повседневности с помощью внутреннего диалога «монологиста». Исследован художественный диалог рассказа «Внутри» и произведения А.П. Чехова «Человек в футляре» на основе актуализации «футлярности» главного героя. Сделан вывод о том, что воплощение традиционной для литературы поэтики маленького человека и «футлярной жизни», актуализирующей специфику отгораживания от окружающей среды. При этом архитектура цикла «Блуждающие огни» представляет собой выстроенную случайным образом галерею бесприютных персонажей, различными способами уходящими от неблагоприятной для них повседневности.

Ключевые слова: Евгений Звягин, «футлярная жизнь», «маленький человек», поэтика, цикл «Блуждающие огни».

Evgeny Zvyagin is one of the most significant representatives of the Leningrad underground of the late twentieth and early twenty-first centuries. His short stories and novellas were published in the magazines "Clock", "Neva", "Continent", "Star", "Rodnik", "Aurora" and others. The article explores the poetics of Evgeny Zvyagin's cycle of short stories "Will-o'-the-Wisps". The scientific novelty lies in the fact that for the first time the study of the works of Evgeny Zvyagin was undertaken in the context of the historical and literary process. The purpose of the article is to examine the poetics of "Will-o'-the-Wisps" inseparably from the main motifs and images of classical literature. The study of the images of homeless characters in the stories "Untitled", "Grinder", "Will-o'-the-Wisps", "Inside" and "Monologue" has been undertaken. In the story "Wandering Lights", on the one hand, there is a postmodern irony that deconstructs the principles of a little man's life, on the other – an element of mystical realism based on the ancient Greek myth of the animated statue of Pygmalion – Galatea. The story "Untitled" examines the motif of restlessness based on the corresponding image of the main character, as well as the author's play on the insignificance of his existence. The combination of the image of the "little man" and Evgeny Zvyagin's postmodern exploration of non-selectivity, expressed in epistemological uncertainty, is actualized. In turn, "The Grinder" examines the author's unconventionally embodied motive of restlessness: the work actualizes a mentally destabilized character, whose eccentricity is embodied absently. Evgeny Zvyagin's metaphorical adaptation of the character's mental limitations, which is an element of the "case poetics" of the "Monologue", is shown. The specifics of avoiding everyday life through the internal dialogue of the "monologue player" are emphasized. The artistic dialogue of the story "Inside" and the work of A.P. Chekhov "The Man in the Case" is studied on the basis of the actualization of the "case" of the main character. It is concluded that the embodiment of the poetics of the little man and the "case life", traditional for literature, actualizes the specifics of isolation from the environment. At the same time, the architecture of the "Will-o'-the-Wisps" cycle is a randomly arranged gallery of homeless characters who escape from everyday life in various ways.

Key words: Evgeny Zvyagin, "the life of a case", "the little man", poetics, the cycle "Wandering Lights".

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-11-18

Евгений Звягин – прозаик, начавший свой путь в самиздате. Повести и рассказы, в частности, произведение «Записки сумасброда, или Корабль дураков» и «Сентиментальное путешествие вдоль реки Мойки, или Напиться на халяву» напечатаны в журнале «Часы». Также публиковался в журналах «Континент», «Родник», «Звезда», «Нева», «Аврора» и в других изданиях. С 1993 года является членом Союза Писателей Санкт-Петербурга. С. Павлова рассматривает Е. Звягина как элемента коммуникативной среды ленинградского андеграунда. Так, автор актуализирует его в контексте литературного объединения «"Поэты Малой Садовой" – Татьяна Буковская (1947 г. р.), Евгений Вензель (1947 г. р.), Евгений Звягин (1944 г. р.), Александр Миронов (1948 г. р.), Владимир Эрль (1947 г. р.)» [6, 47]. В связи с недостаточной освещенностью творчества Звягина в научной сфере, данная статья является новаторской: впервые предпринимается исследование поэтики цикла рассказов писателя. В свою очередь, цель статьи – рассмотреть поэтику «Блуждающих огней» неотрывно от основных мотивов и образов классической литературы. Важным аспектом, на наш взгляд, является исследование «Блуждающих огней» в контексте поэтики «футлярной жизни» и «маленького человека», которой посвящено немало научных публикаций. «Футлярная жизнь» актуализируется, в первую очередь, в трилогии рассказов А.П. Чехова. И.Х. Котиева подчеркивает ограниченность

«футлярных» людей: «Антон Павлович Чехов в своих произведениях выражает свое презрение к так называемому "Футляризму". Он ему противен и чужд, ведь Чехов не признает рамки, в которые вгоняют себя герои его произведений» [3, 39]. Однако аналогию футлярной жизни можно найти в зарубежных произведениях, в частности, в творчестве Кобо Абэ. Изучая роман «Человек-ящик», Д.А. Машукова делает вывод о том, что «Кобо Абэ заставляет читателя поверить в реальность вымышленного мира, понять психологию героя, оградившего себя картонной коробкой. Таким образом, К. Абэ создает образ «человека-ящика», который, с одной стороны выступает как аналог чеховского «человека в футляре», с другой, по иному смотрит на саму суть «футлярности»: для героя ящик становится возможностью самоидентифицироваться» [4, 136]. При этом проблема «маленького человека» присутствует, как в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, так и в более поздних текстах. Так, Н.Н.К. Гусейнова отмечает, что «критический реализм, ставший одним из основных направлений в литературе XX столетия, не может быть привлечен к полновесному исследованию без должного внимания к образам "лишнего" и "маленького" человека, к проблеме их своеобразия, связанного с конкретным литературно-историческим контекстом» [1, 245]. Пхэн Юэ вводит в контекст русской классики проблему маленького человека в творчестве китайской писательницы Чи Цзыцзянь. Так, «Чи Цзыцзянь через образы "маленьких" женщин показывает, что их нежное и чувствительное сердце перекликается с красотой природы. Однако угасание этой красоты и страдания женщин вызывают сожаление и боль» [7, 966].

Цикл рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни» состоит из пяти рассказов, в которые входят «Без названия», «Точильщик», «Блуждающие огни», «Внутри» и «Монологист». В первом предложении рассказа «Без названия» автор подчеркивает отстраненность главного героя – Сергеева от окружающей его действительности. Это достигается с помощью воспроизведения мнимости субъекта путем авторского отрицания его присутствия в повседневной реальности. Так, «никакого Сергеева никогда в жизни не было. Это не он слизывал шершавым своим языком с верхней губы некую солнечную муть, не он пробегал по весеннему граду по направлению, через парк...» [2, 28].

Подобное авторское отношение к персонажу коррелирует с эмоциональным состоянием самого Сергеева, вызванным неудовлетворенностью собственной жизнью. В связи с этим, «он загрустил, разнюнился, <...> наскреб пол-ладони мелочи вперемешку с просыпанным табаком, разным мелким свалевшимся сором и прочей чужью, оставляемой самим, как говорится, органическим процессом жизни, жизни печальной и долгой» [2, 28]. Детализация, служащая реалистическим средством изображения художественного мира (просыпанный табак, мелочь), свидетельствует о бедности героя, эпитет «печальная», в свою очередь, подчеркивает неустроенность Сергеева по отношению к повседневности. Поэтому он будто выпадает из нее, что Звягин передает с помощью художественной адаптации одной из ведущих концепции дзен – концепции «несуществования».

С точки зрения вероучения, человека, а также элементов повседневной реальности, не существует. Однако сутью всех вещей является постигаемая мистическим образом пустота. А.А. Медова в связи с этим, подчеркивает иллюзорность понятий человеческого «я» и души: «Аналогично рассматривается и то, что называется душой человека или "Я": нет как таковой сущности человека, нет постоянной души, которая имела бы ценность, есть лишь поток случайных состояний его психики, каждое из которых несубстанционально и обусловлено предшествующим состоянием» [5, 17].

В контексте рассказа Звягин адаптирует «несуществование» как ощущение бесприютности, отрешенности от мира, вызванной неопределенного рода жизненными коллизиями. При этом художественно воплощенная дзен-концепция представляет собой постмодернистское освоение автором нонселекции, выражающейся в эпистемологической неуверенности. Звягин сомневается в существовании собственного героя, из чего следует изображение неопределенности устойчивых представлений о жизни, центром которой является человек. Этому принципу соответствует семантика названия рассказа,

подчеркивающая незначительность описания происходящих в нем событий. Неустойчивость относительно жизни проявляется также в иллюзорности изображения связанных с Сергеевым атрибутов. Звягин поясняет: «В том-то, мастера, и трагичность жизни, что реальные детали ее, сколь настойчиво о них ни талдычь – слепая иллюзия, и даже вот факты средней величины – всего лишь сор на этой горжетке – ну, словом, один резон, если не сказать хуже, – пропил ли Сергеев свою мелочь на пиве, или отдал ее мимо шедшей нищенке» [2, 29]. О неустойчивости свидетельствует и эмоциональное состояние персонажа. Отметим: определенные составляющие окружающей среды вызывают у Сергеева чувство безразличия: персонаж замечает волосок и лоскут фанеры, отделившиеся в ходе драки шахматистов, после чего приходит к выводу, что они, выступающие в качестве одного из маркеров повседневности, значения не имеют. С безразличным отношением коррелирует негативная реакция на элементы повседневности: известная тюрьма-музей Петербурга вызывает у Сергеева отвращение.

Стоит отметить, что изображение дерущихся шахматистов – способ воспроизведения неблагоприятной окружающей среды, в которой Сергеев не находит себе места. Таким образом, уже в первом рассказе цикла возникает мотив неприкаянности, основанный на соответствующем ему образе главного героя. При этом авторское обыгрывание незначительности существования Сергеева (его мнимости, преуменьшения сопряженных с ним явлений: пропил ли он мелочь или отдал нищенке) также отчасти позволяет говорить о традиционном мотиве маленького человека в произведении «Без названия».

Мотив неприкаянности присутствует и в произведении «Точильщик». Он проявляется в специфическом взаимодействии главного героя (повествование ведется от первого лица) с действительностью. Персонаж испытывает ненависть ко всему, что связано с ней, тем самым открыто конфликтует с пространством, в котором он присутствует. Об этом свидетельствует актуализация его негативного эмоционального состояния на ведущих элементах повседневности: «Я ненавижу заплывающие цоколи домов (оближи – узнаешь, какие они на вкус), ненавижу деревья в корявых наростах старости, ненавижу ноздреватый, посыпанный солью наст. Когда я гляжу из окна на жирные тельца городских сизарей, мне хочется трахнуть себя молотком по щиколотке» [2, 31]. Ненависть служит катализатором искажения в восприятии персонажа объектов, его окружающих. Так, троллейбус, загорюничавший ему вид на точильщика, приобретает танатологический маркер и осознанно трансформируется в сопряженное со смертью транспортное средство. Следовательно, «водитель, медлительная скотина, лениво отковыривал приставшую к губе сигаретку, затапывал ее в грязный снег у поребрика, отвязывал толстую веревку от лесенки на корме катафалка» [2, 31].

Постоянное созерцание точильщика – навязчивая идея главного героя, вызванная деструктивным эмоциональным состоянием вследствие психической нестабильности. Наблюдение за точильщиком для персонажа – способ отвлечься от постоянной ненависти к производным окружающего мира. В свою очередь, о психической дестабилизации свидетельствует то, что точильщик «сводит с ума» наблюдателя, а также собственно речь главного героя: «Я стучу кулаками по подоконнику, или пытаюсь что-то смахнуть с лица, или разражаюсь неистовым плачем» [2, 31]. Сопряженная с точильщиком внутренняя дестабилизация созерцателя проецируется и на внешний мир. В связи с этим, в сознании персонажа происходит эстетизация безобразного: внешне непривлекательного лица точильщика, а также специфики его деятельности. Звягин пишет: «Жалкие! Взгляните на лицо! Сколько сладострастия таит этот масляный блин, весь в ямочках и лоснящихся утолщениях, когда он, ритмически покачиваясь, насилует своего рогастого друга!» [2, 32]

Автор показывает диалектику душевного состояния героя, в ходе которой ненависть и навязчивая идея наблюдать за точильщиком трансформируется в наивысшую форму проявления негативного состояния. Катализатором подобной метаморфозы послужил выход наблюдателя из больницы в день работы точильщика, которого не оказалось на месте. Расстройство персонажа по этому поводу связано с тем, что в больнице он поддерживал

собственную абсессию визуализацией неэстетичных привычек объекту своего созерцания. Так, «в больнице, где мое чувство несколько поутихло, я старался сберечь его тем, что вспоминал любимые привычки этого человека: зажав ноздрю пальцем, выдувать из другой сочную соплю, пробовать наточенную секиру ногтем, колупать болячку в углу небольшого рта» [2, 33]. Это обусловлено сильным желанием увидеть точильщика спустя полтора месяца, которое вступило в конфликт с независимыми от бывшего больного жизненными обстоятельствами.

Вышеописанный аспект катализировал в сознании персонажа слияние ненависти и возможного ее проявления, связанного со спецификой деятельности точильщика – точить ножи. Именно поэтому наблюдатель решается спустя продолжительное время подойти к точильщику с просьбой заточить лезвие. О недобрых намерениях «клиента» свидетельствует открытый финал, служащий аллюзией на предполагаемое убийство точильщика, которое представляет собой конечную стадию диалектики психически нестабильного героя. Звягин передает аллюзивное намерение покончить с точильщиком с помощью словосочетаний «дрожа от нетерпения» и «не почувствовал скрытой угрозы»: «Тупица! Он не почувствовал скрытой угрозы в моих словах. И вот я стою перед ним, дрожа от нетерпения, и неотрывно гляжу на лезвие ножа, на котором укрепились и сверкает, все разрастаясь, широкая зеркальная полоса» [2, 34]. Тем самым, мотив неприкаянности в «Точильщике» выражается Звягиным нестандартно: писатель изображает психически дестабилизированного персонажа, который несовместим с действительностью в виду своей ненависти к ней и собственной неординарности, воплощенной абсессивно.

Образ маленького человека в рассказе «Блуждающие огни» конструируется из нескольких элементов, подчеркивающих его незначительность. Обращаясь к читателю, Звягин изображает внешне непривлекательного персонажа, следуя традиции воплощения подобных образов В. Гюго («Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеется»), Г. Леру («Призрак Оперы») и др. При этом внешность звягинского героя сопоставима с описанием Квазимодо («Собор Парижской богородицы», В. Гюго) в виду актуализации схожего с ним физического недостатка – горба, а также неправильной формы тела: «Вы когда-нибудь видели прыщавого горбуна? Перекособоченную станину венчала продолговатая ступа, украшенная длинным осклизлым носом; щеки усеяны словно мелкой малиновой ягодой» [2, 34]. Чтобы показать незначительность своего персонажа, автор вместо имени дает ему обозначение «Мистер Х». Стоит отметить, что «Мистер Х» – человек невысокого социального положения: он работает уборщиком мусоропровода, что косвенно свидетельствует и об отсутствии у него выдающихся способностей к более престижной деятельности. Звягин акцентирует внимание на бедности уборщика и довольствовании малом: неслучайно найденный в мусоропроводе корабль он забирает к себе и использует в качестве ночника.

Неприкаянность маленького человека выражена в двух аспектах: во-первых, в его одиночестве (автор подчеркивает, что в гости к «Мистеру Х» никто не заходил), во-вторых, в его взаимодействии с окружающими людьми. Уборщик мусоропроводов не уверен в себе, что и мешает ему завести отношения с девушкой, тем самым найти себе метафорическое пристанище в жизни. К примеру, он через мусоропровод наблюдал за десятиклассницей, но так и не решился с ней познакомиться: «Он впивался в заголившиеся пышные ее ноги зубами своих гляделок и не мог оторваться, пока сверху, с каких-то неверных высот ухающей трубы не упала и не разбилась, обдав его брюки до пояса, стеклянная реторта с какою-то мутною липкой жидкостью» [2, 35].

Также он наблюдал за богато одетой дамой, которую автор сравнивает с непокоримым для «Мистера Х» Эверестом: «Как далека казалась она ему, как безнадежно желанна! Никогда не взобраться ему на сей человеческий Эверест!» [2, 35]. Бесприютность героя, выраженная в его невозможности взаимодействовать с противоположным полом – он мог только лишь наблюдать – основана на неравенстве их социального положения, а также на уродстве уборщика, которые вступают в бинарную оппозицию с красотой и богатством

девушек. Тем самым, дамы, за которыми наблюдает персонаж, олицетворяют лучшую для него жизнь, которую он не может получить в связи с вышеописанными обстоятельствами, что говорит о неустроенности горбуна по отношению к повседневности, имевшей место быть в произведении «Без названия». Невозможность получить желаемое вызывает у него негативные эмоции, что говорит о невыносимости подобного существования: «Придя в исступление, он в клочья рвал и разбрасывал по комнате драгоценные тома Гуттенберга, дырявил рисунки Серова и Добужинского. Обессиленный, всхлипывал на своем жарком ложе» [2, 36].

Невозможность быть вместе с девушкой воплотилась в его сознании наиболее коррелирующим с его неуверенностью и жизненной неустроенностью образом: желание иметь возлюбленную горбун мысленно переносит на свадебную куклу, прикрепленную к автомобилю. Неслучайно с помощью олицетворения Звягин показывает, как в сознании уборщика кукла приобретает черты живого человека: «Она сидела на капоте автомобиля, бесстыдно оголив маленькие прочные ножки. Розовый кипень платица облекал ее субтильный крепенький стан; ручки, голые и такие трогательные, она протянула к нему, вслед за голубым, неподвижным, но нежным взглядом» [2, 36].

В финале рассказа Звягин пишет, что «повесть о том, как она, поначалу заостенелая и холодная, постепенно начала оживать и любить, мы расскажем в другой раз» [2, 36]. Автор, с одной стороны, использует постмодернистскую иронию, деконструирующую принципы жизни обыкновенного человека, отрывая его от повседневности и перенося в мир грез; с другой – вводит элементы мистического реализма, основанного на древнегреческом мифе об ожившей статуе Пигмалиона – Галатее.

В центре внимания рассказа «Внутри» – поэт. Звягин включает его в единую образную систему цикла «Блуждающие огни» как персонажа одинокого и невыдающейся внешности: «Вида он был совсем неказистого: худенький, невысокорослый» [2, 38]. При этом актуализация неустроенности поэта осуществляется благодаря присущему ему эпитету «несчастный» и упоминания тоски в глазах. Однако, чтобы показать отрешенность героя от повседневного мира, Звягин художественно моделирует чеховскую поэтику «футлярной жизни». Один из «футлярных героев» Беликов «носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний» [8, 159]. Поэт избегает окружающего мира, подобно чеховскому Беликову («Человек в футляре»), существующему в своем футляре, в котором он прячется от реальности.

Однако звягинский герой отгораживается от мира по-другому: в качестве футляра поэт использует памятник Барклаю-де-Толли, проникнув в который через дверцу, он отрешается от связанных с тоскливой жизнью мыслей. Однако звягинская актуализация памятника как пальто с капюшоном поэта вступает в художественный диалог с чеховским Беликовым, создающим себе «скорлупу» из одежды. Так, поэт «надел, стало быть, на себя литого болвана, вроде пальто с капюшоном» [2, 38]. В финале произведения Звягин воссоздает присущий мистическому реализму открытый финал с помощью риторических вопросов, тем самым изображая неопределенность по отношению к судьбе поэта: дверцу в памятники заделали, следовательно, остался ли там поэт или нет. Таким образом, мотив неприкаянности в данном произведении реализуется с помощью художественно адаптированной поэтики воспроизведения «футлярной жизни».

В «Монологисте» показан одноименный персонаж, который по аналогии с горбуном («Блуждающие огни») и Сергеевым («Без названия») «бессеребрян», и вместе с тем, находящийся в неблагоприятном душевном состоянии, которое автор передает метафорически: «А душа, черт ее, бултыхается в стеклянной запаянной трубке. Ходила такая игрушка в начале века – бесенок в жидкой среде, "американский житель"» [2, 40]. Звягин, как и в произведении «Внутри», воспроизводит «футлярную жизнь»,

но применительно к душе монологаиста. Об этом свидетельствует метафорическая адаптация автором душевной ограниченности, являющейся элементом «футлярной поэтики». При этом автор сближает негативное состояние души с составляющей окружающего мира – погодой. Внутренний мир главного героя находится в тесном взаимодействии с внешним: проявление повседневности становится частью его самого. Звягин отмечает: «Снег усилился, потеплело. Но не на душе – там все такая ж зыбкая темь. Погодные условия оказывают чрезвычайное влияние на душу монологаиста. Будучи по природе своей созерцателем, он весь проникается доминантою внешних сил, и тщательно культивируемая праздность фокусирует, как большущая линза, простые сигналы окружающего, которые для иного персонажа – лишь фон» [2, 42].

Подобный феномен пробуждает внутренний диалог, который представляет собой своеобразный уход от тоскливой и рутинной повседневности, которую созерцает монологаист. Ограниченность души персонажируется в качестве отмеченного ранее «американского жителя», с которым и ведется разговор со стороны главного героя. В рассказе находим: «– Господи, – слышен явственный голос "американского жителя", – тоска-то какая зеленая! Снег зеленый? – Зеленый, зеленый! – отвечает монологаист. – Да мы не дальтоники ли? Нет, смеркается. Только что вышли на улицу, а свет уже меркнет. Как жить? – А через не хочу, как жил господин Фаберже» [2, 42]. Отсутствие света, связанного с особенностью зимнего периода, упоминание тоски, а также вопрос «Как жить?» контекстуально передает неблагополучность жизни монологаиста, что является поводом для диалога с «американским жителем». При этом разговор с самим собой определяет семантику именования главного героя, таким образом ведущего монологическую речь.

В целом, архитектура цикла «Блуждающие огни» представляет собой выстроенную случайным образом галерею бесприютных персонажей, различными способами уходящими от неблагополучной для них повседневности: Сергеев (несуществование), герой «Точильщика» (созерцание заточки ножей), «Мистер Х» (жизнь с фигуркой девушки), поэт (присутствие внутри памятника), монологаист (внутренний диалог). При этом, чтобы показать их отрешенность от жизни, автор воплощает традиционную для литературы поэтику маленького человека и «футлярной жизни», актуализирующую специфику отгораживания от окружающей среды. Изображение персонажей и художественного мира основаны на реалистической детализации, подчеркивающей статус человека; элементах мистического реализма, а также на постмодернистской нонселекции и иронии, которые способствуют воссозданию оторванного от повседневности персонажа.

1. Гусейнова Н.Н.К. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 241–245.
2. Звягин Е. Утешительные итоги. Рассказы, эссе. СПб., 2011.
3. Котиева И.Х. Футлярная жизнь в «маленькой трилогии» А.П. Чехова // Вестник науки. 2019. Т. 2. № 2 (11). С. 38–39.
4. Машукова Д.А. Жизнь в ящике как аналогия «футлярной» жизни в романе К. Абэ «Человек-ящик» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6–3 (96). С. 135–137.
5. Медова А.А. Модальная природа сознания: на примере концепций дзен и чань буддизма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1 (107). С. 16–22.
6. Павлова С. Ленинградский литературный андеграунд как культурный феномен: специфика формирования и функционирования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 2. С. 47–49.
7. Пхэн Юэ. Концепция «маленького человека» в романе Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» в контексте русской литературной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 3. С. 961–968.
8. Чехов А.П. Дом с мезонином: Повести и рассказы. М., 1983.

1. Guseynova N.N.K. Obrazy «malen'kogo» cheloveka i «lishnego» cheloveka v literature XIX veka // *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2020. T. 9. № 3 (32). S. 241–245.
2. Zvyagin E. Uteshitel'nye itogi. Rasskazy, esse. SPb., 2011.
3. Kotieva I.Kh. Futlyarnaya zhizn' v «malen'koy trilogii» A.P. Chekhova // *Vestnik nauki*. 2019. T. 2. № 2 (11). S. 38–39.
4. Mashukova D.A. Zhizn' v yashchike kak analogiya «futlyarnoy» zhizni v romane K. Abe «Chelovek-yashchik» // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2020. № 6–3 (96). S. 135–137.
5. Medova A.A. Modal'naya priroda soznaniya: na primere kontseptsiy dzen i chan' buddizma // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1 (107). S. 16–22.
6. Pavlova S. Leningradskiy literaturnyy andegraund kak kul'turnyy fenomen: spetsifika formirovaniya i funktsionirovaniya // *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoy zhizn'yu peterburzhtsev*. 2004. № 2. S. 47–49.
7. Pkhen Yue. Kontseptsiya «malen'kogo cheloveka» v romane Chi Tszyszyan' «Pravyy bereg reki Argun'» v kontekste russkoy literaturnoy traditsii // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2025. T. 18. № 3. S. 961–968.
8. Chekhov A.P. *Dom s mezoninom: Povesti i rasskazy*. M., 1983.

Информация об авторе

Руслан Васильевич Любарский,
МБОУ «Гимназия № 5» города Брянска.
241035, Россия, Брянская область,
Брянск, микрорайон Московский, 56
Кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы.
Научные интересы: постмодернизм, рок-поэтика.
ORCID ID: 0000-0002-9129-0124
SPIN-код: 8674-8253, AuthorID: 846696
E-mail: ludmila12a@rambler.ru

Поступила в редакцию 22.03.2026;
одобрена после рецензирования 11.05.2026;
принята к публикации 11.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Ruslan V. Lyubarsky,
Gymnasium No. 5 of the city of Bryansk.
Bryansk region, 241035, Russia, Bryansk,
Moskovsky microdistrict, 56
Candidate of Philological Sciences,
teacher of Russian language and literature.
Scientific interests: postmodernism, rock poetry.
ORCID ID: 0000-0002-9129-0124
SPIN code: 8674-8253, AuthorID: 846696
E-mail: ludmila12a@rambler.ru

The article was submitted 22.03.2026;
approved after reviewing 11.05.2026;
accepted for publication 11.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Любарский, Р.В. Поэтика цикла рассказов Евгения Звягина «Блуждающие огни» // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 11–18. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-11-18.
For citation: Lubarsky, R.V. The poetics of Evgeny Zvyagin's cycle of short stories "Wandering Lights" // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 11–18. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-11-18.

Права: © Р.В. Любарский (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

С.В. Жилияков
S.V. Zhilyakov

**МНЕМОНИЧЕСКАЯ ЛИРИКА Е.А. ЕВТУШЕНКО:
 ЖАНРОВАЯ ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО**

**MNEMONIC LYRICS OF E.A. YEVTUSHENKO:
 GENRE TRADITION AND INNOVATION**

В статье на основании выборочного художественного материала из поэзии Е.А. Евтушенко, тематически представленного памятью, предлагается рассмотрение взаимосвязи двух противоположных тенденций творчества автора – традиции и новаторства. Несмотря на изначальную противоречивую установку поэтов-«шестидесятников», связанную с ревизией литературного прошлого и в этой связи наметившуюся модернизацию в освоении отретированного временем художественного разнообразия классического наследия, жанровый арсенал поэта убедительно показывает отнюдь не простые отношения между восприятием традиции и нарочитым стремлением его изменить. Так, разнородный жанровый материал, включенный в авторскую переработку, явно демонстрирует органическое единство обеих тенденций, укладывающееся в субъектно-объектную рецепцию литературного процесса. Наблюдающийся синтез традиционализма и модернизации жанров обусловлен, с одной стороны, привычным воздействием индивидуальной поэтической манеры в отношении использования сложившейся системы жанров с весьма четкой установкой на изменение их модальности. Во-вторых, модально-стилистические трансформации жанров мнемонической лирики, инициированные индивидуально-авторским сознанием, оказываются вдобавок детерминированы независимыми процессами динамики парадигм художественности, вызванными, в частности, обращением в рамках «персональной поэтики» (Б.П. Иванюк) к традиционному наследию с целью его адаптации к современным условиям, в результате чего обнаруживаются черты «неотрадиционализма», в целом обновляющего классическое мироотношение. При этом преобразуется «память жанра» (как его онтологическое свойство оставаться в одно и то же время «новым» и «старым»): вместо его рефлексивной способности обращаться к своему прошлому, ища в нем источник стабилизации, память сама становится рефлексией произведения, как бы навязываясь извне – со стороны другого жанра или индивидуально-стилистической манеры письма (фокуса авторского сознания), приобретает статус «памяти о жанре».

Ключевые слова: мнемоническая лирика, жанр, Е.А. Евтушенко, «память о жанре», жанровая традиция, жанровое новаторство.

Drawing on selected artistic material from Yevgeny Yevtushenko's poetry, thematically presented through memory, this article examines the interrelationship between two opposing tendencies in the author's work—tradition and innovation.

Despite the initial contradictory orientation of the "sixties" poets, associated with a revision of the literary past and, in this context, the emerging modernization of the mastery of the time-honored artistic diversity of the classical heritage, the poet's arsenal of genres convincingly demonstrates the far from simple relationship between the perception of tradition and the deliberate desire to change it. Thus, the diverse genre material included in the author's reworking clearly demonstrates the organic unity of both tendencies, consistent with the subject-object perception of the literary process. The observed synthesis of traditionalism and genre modernization is conditioned, on the one hand, by the habitual influence of an individual poetic style in relation to the use of an established system of genres with a very clear focus on changing their modality. Secondly, the modal-stylistic transformations of mnemonic lyric genres, initiated by the individual author's consciousness, are additionally determined by independent processes of the dynamics of artistic paradigms, caused, in particular, by the appeal within the framework of "personal poetics" (B.P. Ivanyuk) to the traditional heritage with the aim of adapting it to contemporary conditions. As a result, features of "neotraditionalism" are revealed, which generally renews the classical worldview. At the same time, the "memory of the genre" (as its ontological property of remaining simultaneously "new" and "old") is transformed: instead of its reflexive ability to turn to its past, seeking in it a source of stabilization, memory itself becomes a reflection of the work, as if imposed from without – by another genre or an individual stylistic manner of writing (the focus of the author's consciousness), acquiring the status of "memory of the genre."

Key words: mnemonic lyrics, genre, E.A. Yevtushenko, "memory of the genre", genre tradition, genre innovation.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-19-28

Научно-методологическая база исследований художественного творчества Е. Евтушенко составляет корпус различных по своей тематической наполненности теоретических изысканий. В их число входят работы, акцентирующие внимание на общем обзоре тематического разнообразия лирики поэта [4], труды, исследующие языковое своеобразие его творческого наследия, в котором отражается национально-государственная действительность [9], описывающие специфику социального измерения поэзии [10], а также рассматривающие отличительные черты субъектной организации художественных произведений [21]. При этом существенно обходится жанровая проблема, особенно, в отношении двух основных векторов ее репрезентации – преемственности и новообразования, которая и является по этой причине актуальной.

В этой связи, следуя основным положениям об эволюции литературного процесса, изложенным в концепции смены художественных парадигм, происходящей в рамках исторической поэтики [1] и вписывающейся в нее этапной истории жанра [8], мы исходим из того, что мнемонические жанры, составляющие, если и не существенную, то отнюдь и не второстепенную, часть лирики в творчестве Е.А. Евтушенко, отражают те особенности поэтики «неотрадиционализма» – типа художественной ориентации в рамках неклассического периода в истории литературы, который «не отвергая в принципе традиционные ценности, увидел их как загадку и тайну, вызывающую к новым духовным и творческим инициативам» [16, 45], приводящим в результате к органичному сочетанию двух противоположных тенденций, нацеленных на одновременное консервирование и обновление эстетико-мировоззренческих. Понятно, что неотрадиционалистское мировидение не могло не затронуть жанра, который является средоточием произведения и метода, средоточием «авторской индивидуальности и общественной целостности» (М.М. Гиршман).

Полагая, что в контексте указанной (а заодно и заявленной в теме данного исследования) проблемы не обойтись только одним «сухим» перечислением перечня жанров, составляющего генологический каталог поэта, обращение к ней потребует пристальной аналитики.

Лирическое наследие Е.А. Евтушенко, разнообразное по тематическому содержанию, жанровой номенклатуре, всецело принадлежа второй половине XX – начала XXI века, обнаруживает на себе воздействие основных принципов и закономерностей эволюции литературного процесса, находящегося под влиянием как объективных (закономерность динамики исторической поэтики), так и субъективных (стиль, поэтологическая позиция) факторов. Можно сказать, что в нем на априорном уровне предстают во всей пестроте многоуровневый жанровый синтез (полиструктурный жанрово-родовой, приводящий «к использованию возможностей разных жанров и литературных родов в структуре одного или нескольких произведений, обладающих определенной общностью» [14, 33]), смешение стилистических мет, сочетание модальностей [20] и проч. При первом приближении к жанровой фактуре выясняется, что лирическая система поэта разграничивается на укрупненно тематические группы – любовную, философскую, гражданскую, публицистическую поэзию. Еще одной несомненной, но в то же время упущенной из фокуса исследовательского внимания, чертой поэтического жанрообразования Евтушенко становится предельно субъективная ревизия прошлого, хотя и укладывающаяся в программные установки «шестидесятников». (Общеизвестно, что предпочтительным для них был пересмотр предшествующей историко-культурной традиции, при котором происходил не радикальный его слом, а восстановление первоначального, идеального смысла «отношений между личностью и социумом, индивидуальной судьбой и историей» [13, т. 1, 122] в попытке нахождения и упрочения утерявшейся и вновь открывшейся правды) Она, если речь идет о конкретном жанре, сказывается в том, что к пассивно-инерционному следованию традиции, направленному на ее сохранение, а потому и обусловленному обращением к «памяти жанра», автором предпринимается активно-реакционная стратегия, приводящая к радикальному переосмыслению известного жанра, отклоняющему его в сторону «памяти о жанре» [6].

Именно так и происходит с «Балладой о стихотворении "На смерть поэта" и о шефе жандармов» (1964), сочиненной в качестве отклика на известный мотив (смерть А.С. Пушкина), представленный за почти полтора века до этого в одноименном произведении «На смерть поэта» (1837) М.Ю. Лермонтова. От прецедента, акцентирующего внимание на причине смерти Пушкина, оно отличается тем, что делает упор уже не на причину смерти, а на том, какое возымело последствие это трагическое событие, включая метафизическое (наказание судьбой), воздействие на его участников. Так, по сути, «Баллада...» является вероятностным, воображаемым продолжением лермонтовского сочинения – его сиквелом.

Отметим, что еще задолго до эмоционально-аналитического восприятия, на конвенциональном уровне [22], предуведомленное жанровым ожиданием сознание читателя включается в контекст обозначенного события смерти поэта, вызывающего в памяти текстовую организацию поэтического некролога Лермонтова, на которую оно ожидает получить балладный отклик, если не интерпретацию.

Поданное, однако, как и многие произведения Евтушенко, в юмористическом ключе, модифицирующем изначально заданный жанр под воздействием соответствующей иронической модальности, стихотворение несколько настораживает неожиданностью лирического повествования. Но эта, свойственная авторскому мировосприятию в целом, манера сатирически относиться к событиям прошедшего проявляется, скорее, не столько в их дискредитации, сколько в стремлении приблизить осмысление прошлого к своему времени, увидеть его в обновленном ключе, дающем возможность иногда для вольной интерпретации, свободной от предшествующей «оттепели» идеологии, укладывающейся в русло мировоззренческих установок «шестидесятников» (о чем было сказано выше).

Собственно самое начало сиквела лермонтовского некролога заставляет понимать, что жанровое стихотворение «На смерть...» является всего лишь мотивом для донесения иной (неклассической) индивидуально-авторской идеи, выраженной нарочито сниженно с характерными для этого подобранными стилистическими языковыми средствами: «обалденье», «гады», «перхоть», «идиотов», «докладец» [5, 359], отдаляющими от привычно возвышенного образа классических образцов литературы XIX века.

Идейно-тематический аспект репрезентации произведения «На смерть...» смыкается с формально-композиционным (представление о жанре «На смерть...» на уровне мотива), оба показательно выводятся в первой заголовочной части заголовке «Баллада о стихотворении "На смерть поэта"...». Судя по всему, некроложное стихотворение «На смерть...» находится в фокусе рамочного и доминантного жанра баллады, и такое опосредованное «памятью о жанре» представление ядерного жанра в данной номинативной конструкции принимает вид его тематизации.

Если «На смерть...», являясь тематическим ориентиром, предлагает тот ассоциативный фон, вокруг которого и концентрируется концепция всего произведения, воспроизводящая в «памяти о жанре» историческую обстановку, трагическое и резонансное событие (дуэльная смерть А.С. Пушкина), которому оно и было посвящено, то балладная канва конституирована нависающей с внешней стороны над предполагаемым виновником смерти поэта Бенкендорфом тревоги, вызванной ожидаемым вневременным ответом (наказанием) со стороны Божьего суда.

Перформатив тревоги (согласно В.И. Тютю, он является жанрообразующим для баллады и генетически связан также с перформативами угрозы, колдовским вызыванием злых духов [19, 23]), смешанный с иронией, артикулируется Евтушенко с первых строк: «Я представляю *страх и обалденье*, / когда попало в Третье отделение / "На смерть поэта"...» [5, 358]; он же структурно присутствует в качестве неотвратимого наказания за содеянное в шестикратной анафоре, являющейся фактически рецитацией лермонтовского источника и произносимой, словно заклинание, отовсюду – от метели, Волги и т.д. – фразой: «Есть Божий суд...» [5, 359]. Им же и завершается в виде морального вывода-коды в заключительной (шестой) строфе произведение: «но вечно – надо всеми подлецами, / жандармами, придворными льстецами, / которые бесчинствуют и лгут, звучит с неумолимостью набата: / "*Есть Божий суд...*"» [5, 359].

Концовка, а также общая форма *лирического квадрата*, в котором общее количество стихов равно числу стихов в каждой строфе, введенному в квадрат ($6 \times 6 = 36$), выражает солидарность баллады с жанром поэтического некролога и четче обрамляет мысль о фатальной неизбежности наказания. Рамочный по своей сути жанр баллады, с помощью аллюзии и реминисценций упрочивает восстановление в памяти стихотворение «Смерть поэта», вероятностным художественным продолжением которого он является. Можно сказать, что имеющее балладную доминанту, перемежаемую с пародийной модальностью, произведение явилось той востребованной временем формой, в которой выражен ответ на вековечный вопрос – притязание власти на свободу творчества. Оно стало своеобразным мнемоническим актом «канонизации посредством социальных механизмов, внеположенных литературе» [11, 28–29] и приемлемых для данного времени текстовых фрагментаций прошлого, закрепляющих преемственную связь традиции с современностью.

Больше того, мнемоническая рефлексия балладной канвы оказывается востребованной, поскольку она вскрывает более тесные связи поэтов, переключаясь через мотив неотвратимости наказания судьбы, источником которого у Пушкина является маленькая трагедия «Каменный гость» (1830), где концовка высвечивает в образе метафизического судьи – командора воплощенное наказание смертью, прерывающей земной путь Дон Гуана: «Пожатье каменной его десницы! / Оставь меня, пусти – пусти мне руку... / Я гибну – кончено – о Дона Анна!» [15, т. 2, 478]. (Обращает на себя внимание стилистически подчеркнутое в конце строки – сильной ударной позиции – слово «десницы», имеющее богословскую коннотацию, отсылающую аллюзией к ветхозаветному

словосочетанию «простер десницу свою», означающему охранительную или (как в данном случае) разрушительную потенцию Бога.) Можно предположить, что Евтушенко таким образом старается войти в интертекстуальный диалог с образами «пушкинского мифа о губительной статуе» [23, 159], импонирующего произведению и воспроизводящего концептуальную идею *поэтического фатума*.

Одним из лучших урбанистических произведений, пронизанных чувством неуютности человека среди городской агломерации, является «Нью-Йорская элегия» (1967). Надо сказать, что в нем все узнаваемые атрибуты элегии сохранены и рассыпаны бисером по художественной ткани жанра. Лирическое «я», представляющееся одиноким ночным посетителем («В Центральном парке города Нью-Йорка / среди ночей, продрогнувший, ничей, / я говорил с Америкой негромко – / мы оба с ней устали от речей» [5, 520]), неприкрыто свидетельствует о душевной печали, вызванной нахождением в символическом локусе современной цивилизации – центре крупнейшего города США. Усталость, покинутость, заброшенность, отчужденность – вот ряд однородных существительных, с помощью которых можно охарактеризовать состояние субъекта лирической речи. Как нельзя лучше подчеркивается это анафорическим и внутритекстовым повтором эпитета «потерянный», представляющим лейтмотив произведения, вписывающийся также в традиционный набор топики и стилистических мет элегического жанра, как и в логику «индивидуальной ситуации, вечной неудовлетворенности, ставшей во главу угла окружающее его разнородное, загроможденное вещами, пространство: «потерянных детей», «потеряно лизали», «потерянных лесами», «потерянными бусинками». Семантический акцент эпитета усиливает утвердившийся у поэта в качестве индивидуальной манеры стиля альтернирующий ритм [3, 277–279], способствующий совпадению естественного языкового ударения со стиховым. Видимое многообразие вещей, находящихся в центре внимания лирического сюжета, выступает контрастом к этой осмысленности урбанистической разобщенности, общей ситуации молчания, аналогичной отсутствию, хотя и они представляют собой, скорее, по приведенной аналогии, склад ненужных предметов.

Особо подчеркнем, в представленной элегии именно перед эпизодами с *потерянностью* весьма отчетливо выступает синкретизм памяти/забвения. Конечно, можно понять указанный синкретизм в контексте естественной амбивалентности памяти и забвения, известной и неоднократно обсуждаемой представителями искусства еще в начале XX века [17]. Однако же здесь, вероятно, двуединство психических процессов служит выделению главной идеи – экзистенциальной утраты человеком опоры в мировом пространстве современной и всепоглощающей цивилизации. Ею же и определяется самая пограничность «памяти/забвения», которая соотнобразуется с одновременным нахождением субъекта духовно – в самоотстранении от мира (здесь на каноническое анахоретство наслаивается сартровская «заброшенность» человека в бытие), материально же – в расположенном в центре городе хронотопе. В целом же показывается, что материальный прогресс выталкивает человека из обжитой среды, ставит его вместе с вещным миром в позицию покинутости и отчужденности, разобщенности.

Нужно сказать, что элегическое мировидение, согласующееся с философской позицией, в произведении находит свое предсказуемо закономерное воплощение, продолжая реализовывать обозначенный классический контраст между шумной толпой дня и ночными думами одинокого субъекта. (Программные маркеры жанра в уже приводимом фрагменте сохранили это противопоставление в самом начале –зачинной ситуации диалога лирического «я» и города: «В Центральном парке города Нью-Йорка / среди *ночей*, продрогнувший, *ничей*, / я говорил с Америкой негромко – / мы оба с ней устали от речей» [5, 520].) Новизна же жанрового подхода Евтушенко при понимании им традиционной мнемонической конституции элегии видится в перестановке акцента с ситуации абсолютного одиночества на предполагаемую, хотя и непродуктивную, попытку установления коммуникации с внешним миром с помощью воображаемого диалога с городом (разрыв непреодолимой самозамкнутости субъекта), в синхронизировании

(психологический параллелизм) мотива одиночества и тоски человека и вещей, а также в обозначении предполагаемого выхода из тотальной элегичности – в обнаружении одинокого «Другого» в эпилоге («...искала виновато, / не зная, что об этом я молю, / *потерянность* неведомая чья-то / *потерянность* похожую мою» [5, 521]). Можно сказать, что в этом неконцептуальном сдвиге жанра достигается компромисс между следованием «памяти жанра» и отступлением от нее («память о жанре»).

Рефлексия воспоминания в мемуарной лирике подчеркнута экспонирована в заключительных стихах неравнострофного произведения «Дневник памяти» (1959). В них концепт памяти выступает в образе свойства личности, обогащающей ее, придающей ей неразложимую целостность водного потока:

Но, как и старцам, высохшим жестоко,
кровь юности их помнится всегда,
как *память о прозрачности истока*
хранит в низовьях мутная вода... [5, 205]

Здесь приходит на ум пассаж из Н.А. Бердяева, характеризующий с философской (онтологической) стороны память, представляющую собой «первичный факт личности и с ней связано единство "я"» [2, 97]. Ценность памяти, как это ни парадоксально, состоит в ее умении воспроизвести самый дорогой сердцу момент, который становится для личности превыше всего, несмотря на то, что характеризуется всего лишь маленькой деталью:

Кто еще *помнит* что-то – тот не *нищий*,
и поздней ночью, где-то в глубине
он возникает этот стук *всевышний*
все тех же самых туфелек, во мне... [5, 205]

Мемуарной лирике Евтушенко, следующей лучшим традициям русской поэзии, свойственна очень важная мнемоническая деталь, воплощенная в приеме скрытой аллюзии. Так, в цитированных эпилоговых строках подбор рифмующихся слов («нищий» – «всевышний»), находящихся в сильной (акцентной) позиции, воссоздает (правда в апофатической (*не нищий*) модальности, что, скорее, подчеркивает ироничность) библейский текст («Блаженны *нищие* духом, ибо их есть *Царство Небесное*» (Мф 5:3)), имеющий, как и в указанном стихотворении, дидактическую направленность. (Понятно, что память для лирического субъекта представляет единственный высший экзистенциальный смысл.) Таким образом, еще раз подчеркнем, как и в случае с «Балладой о стихотворении "На смерть поэта"...», выявляется знакомый уже прием *мнемонического восстановления прецедентного текста путем использования скрытой (внутритекстовой) аллюзии*. И в этом, что особенно важно, прослеживается нерушимая связь с традицией, ее обновленное (в рамках «неотрадиционализма») восприятие, согласующееся с ревизионистской мировоззренческой установкой «шестидесятников».

Пародийно-сниженный, но в то же время сохраняющий общежанровую и восходящую еще к фольклорному прототипу тематическую грунтовку оплакивания объекта [7, 23], плач предстает в стихотворении с автологической номинацией «Плач по коммунальной квартире» (1983). Имея ретроспективную коммуникативную направленность, он репрезентирует в своем содержании мнемонический подвид жанра – плач-воспоминание. Более того, явно рассчитанный на поминальное исполнение (конечно, речь идет об подражании этому), что симптоматично выражено в анафорических строках, инициирующих катрены (№ 2, 3), а также в зачинном, имитирующем фольклорные прецеденты, стихе: «*Плачу по квартире коммунальной*»; «В нашенской квартире коммунальной...» [5, 723], плач заявляет об этом в эпилоге в соответствующем модусе:

«Со звериной болью поминальной / плачу по квартире коммунальной, / по ее доверчиво рискованной / двери беспечной, безглазковой...» [5, 723]. Характерной жанровой и в то же время общетворческой особенностью произведения Евтушенко становится гибкое сочетание традиционной канвы и стилистического новаторства, революционно не разрывающего, а, напротив, эволюционно пролонгирующего преемственные связи с устоявшимися и привычным жанровым восприятием.

Таким образом, в лирике Е.А. Евтушенко мнемонические жанры, являясь самостоятельным воплощением памятной модели мира (согласно Н.Л. Лейдерману, жанр есть система «организации произведения в целостный образ мира (модель мира, "сокращенную Вселенную"), воплощающий эстетическую концепцию человека и мира» [12, 7]), имеют в то же время характерные черты, позволяющие им органично войти в современную литературную историю, соотносимую с «поэтикой художественной модальности» (С.Н. Бройтман) – системой средств и принципов, способствующей раскрытию индивидуальных особенностей поэта. Более того, гибкое сочетание традиционализма, выраженное в отрететизированном временем использовании устойчивой жанровой структуры и соответствующего набора атрибутов, и новаторства, под воздействием жанровой модальности и стилистической вариативности модифицирующего произведение, позволяют судить о неотрадиционалистском способе миропознания поэта. Он находит отражение, прежде всего, в обусловленном общим ходом жанровой истории синтезе художественных форм (к примеру, «Баллада о стихотворении "На смерть поэта" и о шефе жандармов») и характерном для второй половины XX века процессе демократизации литературы, соположенными в целом со стилистическим своеобразием поэта, вызванным особенностями художественной манеры письма «шестидесятников» (сниженный стиль, пародирование и проч.). Результатом неотрадиционалистского способа восприятия мира стало преобразование мнемонической рефлексии: доминантная рефлексивная установка на безропотное следование традиционному жанровому канону («память жанра») претворяется в опосредованное индивидуальным авторским сознанием отклонение от многовекового пути в сторону достаточно вольной, но в целом сохраняющей основной концептуально-тематический контур с присущими ему атрибутами, интерпретации устоявшихся жанровых форм («память о жанре»). Также одним из проявлений связи с традицией является применение автором приема скрытой аллюзии, выступающей смысловой сцепкой с прецедентным текстом, становящимся, помимо жанрового ориентира, источником регенерации литературных явлений прошлого, во многом обогащающим современную поэзию.

1. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // *Поэтика древнегреческой литературы* / [отв. ред. С.С. Аверинцев]. М., 1981. С. 3–14.
2. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философского одиночества и общения // *Бердяев Н. Дух и реальность*. М., 2011. С. 5–138.
3. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
4. Гиздулин Э.Ф., Акбаров О.А. Видовые особенности лирики Е. Евтушенко // *Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and innovations. Special Issue*. 2021. № 10. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/socinov/article/view/40332/40874> (дата обращения: 23.04.2026).
5. Евтушенко Е.А. Не умею прощаться: стихотворения, поэмы. М., 2018.
6. Иванюк Б.П. Память жанра, память о жанре и метажанр // *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки*. Камінець-Подільський, 2011. Вип. 27. С. 92–96.
7. Иванюк Б.П. Плач: словарная презентация жанра // *Филологос*. 2015. Вип. 1 (24). С. 23–29.
8. Иванюк Б.П. Теоретическая история жанра (проблема понятий) // *Питання літературознавства*. 2007. Вип. 73. С. 17–21.

9. Корнакова Е.С. Национально-культурная специфика советской действительности и ее языковое отражение в поэзии Е.А. Евтушенко // *Вестник РУДН. Серия русский и иностранный языки и методика их преподавания*. 2017. Т. 15. № 1. С. 103–112.
 10. Кравцова О.В. Социоантропологическая доминанта лирики Е.А. Евтушенко 1950–1990-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009.
 11. Лейбов Р. Художественный текст как механизм репликации и «Золотой век» русской литературы // *Пушкинские чтения в Тарту*. Тарту, 2011. Вып. 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон. Т. 1. С. 15–31.
 12. Лейдерман Н.Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) // *Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2006. Вып. 9. С. 3–33.
 13. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие для высших учебных заведений: в 2 т. Т. 1. 1953–1968. М., 2003.
 14. Прищеп В.П. Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко (1949–1998 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
 15. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М., 1986.
 16. Скларов О.Н. Русский литературный неотрадиционализм 20 века в контексте философской и эстетико-аксиологической проблематики творческого сознания // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2014. № 9 (41). С. 35–48. DOI 10.12731/2218-7405-2014-9-3.
 17. Смирнова Н.Н. «Связь забвения с воспоминанием». Виденение в поэзии в трудах М.О. Гершензона. М., 2018.
 18. Толстогозова Е.В. Элегия: затянувшееся послесловие жанра // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2009. № 3 (7). С. 5–10.
 19. Тюпа В.И. Генеалогия лирических жанров // *Известия Южного федерального университета. Серия Филологические науки*. 2012. № 4. С. 8–31.
 20. Хорина О.Н. Евгений Евтушенко. Особенности поэтического мировоззрения // *Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: научный сборник (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / редкол. В.Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]*. Минск, 2011. С. 81–84.
 21. Хорина О.Н. Специфика выражения личности автора в лирике Евгения Евтушенко // *Грамота*. 2013. № 2 (20). С. 200–202.
 22. Шатин Ю.В. Три аспекта жанровой теории (тезисы) // *Проблемы литературных жанров: материалы VI научной межвузовской конференции, 7–9 декабря 1988 г.* / ред. Н.Н. Киселев. Томск, 1990. С. 5–6.
 23. Якобсон Р. Статя в поэтической мифологии Пушкина // *Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы*. М., 1987. С. 145–197.
-
1. Averintsev S.S. *Drevnegrecheskaya poetika i mirovaya literatura* // *Poetika drevnegrecheskoy literatury* / [otv. red. S.S. Averintsev]. M., 1981. S. 3–14.
 2. Berdyaev N. *Ya i mir ob"ektov. Opyt filosofskogo odinochestva i obshcheniya* // *Berdyaev N. Dukh i real'nost'*. M., 2011. S. 5–138.
 3. Gasparov M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika*. M., 1984.
 4. Gızdulin E.F., Akbarov O.A. *Vidovye osobennosti liriki E. Evtushenko* // *Zhamiyat va innovatsiyalar – Obshchestvo i innovatsii – Society and innovations. Special Issue*. 2021. № 10. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/socinov/article/view/40332/40874> (data obrashcheniya: 23.04.2026).
 5. Evtushenko E.A. *Ne umeyu proshchat'sya: stikhotvoreniya, poemu*. M., 2018.
 6. Ivanyuk B.P. *Pamyat' zhanra, pamyat' o zhanre i metazhanr* // *Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiienka. Filologichni nauki. Kamenets-Podol'skiy*, 2011. Vyp. 27. S. 92–96.
 7. Ivanyuk B.P. *Plach: slovarnaya prezentatsiya zhanra* // *Filologos*. 2015. Vyp. 1 (24). S. 23–29.
 8. Ivanyuk B.P. *Teoreticheskaya istoriya zhanra (problema ponyatiy)* // *Pitannya literaturoznavstva*. 2007. Vip. 73. S. 17–21.

9. Kornakova E.S. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika sovetskoy deystvitel'nosti i ee yazykovoe otrazhenie v poezii* E.A. Evtushenko // *Vestnik RUDN. Seriya russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 2017. T. 15. № 1. S. 103–112.
10. Kravtsova O.V. *Sotsioantropologicheskaya dominanta liriki* E.A. Evtushenko 1950–1990-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2009.
11. Leybov R. *Khudozhestvennyy tekst kak mekhanizm replikatsii i «Zolotoy vek» russkoy literatury* // *Pushkinskie chteniya v Tartu*. Tartu, 2011. Vyp. 5. Pushkinskaya epokha i russkiy literaturnyy kanon. T. 1. S. 15–31.
12. Leyderman N.L. *Problema zhanra v modernizme i avangarde (Ispytanie zhanra ili ispytanie zhanrom?)* // *Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. 2006. Vyp. 9. S. 3–33.
13. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy: v 2 t.* T. 1. 1953–1968. M., 2003.
14. Prishchepa V.P. *Paradigma ideyno-esteticheskikh poiskov* E.A. Evtushenko (1949–1998 gg.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1999.
15. Pushkin A.S. *Sochineniya: v 3 t.* T. 2. *Poemy; Evgeniy Onegin; Dramaticheskie proizvedeniya*. M., 1986.
16. Sklyarov O.N. *Russkiy literaturnyy neotraditsionalizm 20 veka v kontekste filosofskoy i estetiko-aksiologicheskoy problematiki tvorcheskogo soznaniya* // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*. 2014. № 9 (41). S. 35–48. DOI 10.12731/2218-7405-2014-9-3.
17. Smirnova N.N. *«Svyaz' zabveniya s vospominaniem»*. *Videnie v poezii v trudakh M.O. Gershenzona*. M., 2018.
18. Tolstoguzova E.V. *Elegiya: zatyannuvsheesya posleslovie zhanra* // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2009. № 3 (7). S. 5–10.
19. Tyupa V.I. *Genealogiya liricheskikh zhanrov* // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki*. 2012. № 4. S. 8–31.
20. Khorina O.N. *Evgeniy Evtushenko. Osobennosti poeticheskogo mirovozzreniya* // *Rol' lichnosti v istorii: real'nost' i problemy izucheniya: nauchnyy sbornik (po materialam 1-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii)* / redkol. V.N. Sidortsov (otv. red.) [i dr.]. Minsk, 2011. S. 81–84.
21. Khorina O.N. *Spetsifika vyrazheniya lichnosti avtora v lirike Evgeniya Evtushenko* // *Gramota*. 2013. № 2 (20). S. 200–202.
22. Shatin Yu.V. *Tri aspekta zhanrovoy teorii (tezisy)* // *Problemy literaturnykh zhanrov: materialy VI nauchnoy mezhvuzovskoy konferentsii, 7–9 dekabrya 1988 g.* / red. N.N. Kiselev. Tomsk, 1990. S. 5–6.
23. Yakobson R. *Statuya v poeticheskoy mifologii Pushkina* // *Yakobson R. Raboty po poetike: Perevody*. M., 1987. S. 145–197.

Информация об авторе

Сергей Викторович Жилияков,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Старооскольский филиал)
(Старый Оскол, Россия).
309502, Россия, Белгородская область,
Старый Оскол, м-он. Солнечный, 18.
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология.
ORCID ID: 0000-0002-5875-4134
SPIN-код: 3870-2294, AuthorID: 980565
E-mail: szhil@list.ru

Поступила в редакцию 12.05.2026;
одобрена после рецензирования 08.06.2026;

Information about the author

Sergey V. Zhilyakov,
Belgorod State National Research University
(Sary Oskol branch)
(Sary Oskol, Russia).
309502, Belgorod Region,
Sary Oskol, Solnechny micr., 18.
Candidate of Sciences in Philology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Management.
Research interests: poetics of text, genre studies.
ORCID ID: 0000-0002-5875-4134
SPIN-code: 3870-2294, AuthorID: 980565
E-mail: szhil@list.ru

The article was submitted 12.05.2026;
approved after reviewing 08.06.2026;

принята к публикации 08.06.2026;
опубликована 23.06.2026.

accepted for publication 08.06.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Жилияков, С.В. Мнемоническая лирика Е.А. Евтушенко: жанровая традиция и новаторство // *Филоlogos*. 2026. № 2 (69). С. 19–28. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-19-28.

For citation: Zhilyakov, S.V. Mnemonic lyrics of E.A. Yevtushenko: genre tradition and innovation // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 19–28. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-19-28.

Права: © С.В. Жилияков (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Б.В. Ковалев
B.V. Kovalev

СТИЛЕМЕТРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА РОМАНА Г. ГАРСИА МАРКЕСА «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА»: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

THE STYLOMETRIC POETICS OF G. GARCIA MARQUEZ'S NOVEL "ONE HUNDRED YEARS OF SOLITUDE": FIRST RESULTS

*В статье осуществляется стилеметрический анализ одного из ключевых романов периода латиноамериканского «бума» – «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса. Исследование выполнено в рамках направления стилеметрическая поэтика. Актуальность исследования обусловлена значимостью языковой инновации для литературы 1960-х годов, когда писатели региона стремились создать новый язык для описания сложной и многомерной действительности Латинской Америки. В работе используется мера Zeta Дж. Берроуза, что позволяет выявить дифференцирующую лексику и количественно оценить стилистические различия между тремя ранними крупными текстами Гарсиа Маркеса («Палая листва», «Полковнику никто не пишет», «Недобрый час») и романом «Сто лет одиночества». Анализ показал, что в «Ста годах одиночества» наблюдается переход от объективистско-репортажного стиля ранних произведений к более эмоциональному, эпическому и магическому повествованию. Ключевыми маркерами смены стиля становятся: преобладание нейтральной ремарки *dijo* вместо *respondió*, усиление тематики семьи и локуса, увеличение доли абстрактной и темпоральной лексики, а также разнообразие глагольных времен, в частности, активное использование имперфекта. Полученные данные эмпирически подтверждают литературоведческие наблюдения о переломе в творчестве Гарсиа Маркеса и конкретизируют, за счет каких языковых средств реализуется стилистическая перемена, отражающая переход от частного к универсальному, от репортажа к художественному свидетельству о «чудесной реальности» континента.*

Ключевые слова: *Габриель Гарсиа Маркес, стилеметрическая поэтика, «Сто лет одиночества», контрастивный анализ, мера Zeta.*

Исследование выполнено за счет гранта СПбГУ GZ_F_2026: «Измеряя традицию: квантитативная диахрония в общей и лингвистической поэтике», ID: 140123808.

This article provides a stylistic analysis of one of the key novels of the Latin American literary boom, "One Hundred Years of Solitude" written by García Márquez. The study is conducted within the framework of stylistic poetics. The relevance of the study lies in the significance of linguistic innovation for the literature of the 1960s, when writers in the region sought to create a new language to describe the complex and multidimensional reality of Latin America.

The study utilizes J. Burrows' Zeta, which allows for the identification of distinctive vocabulary and a quantitative assessment of the stylistic differences between three of García Márquez's early major texts ("Falling Leaves," "Nobody Writes to the Colonel," "In Evil Hour") and One Hundred Years of Solitude. The analysis revealed that One Hundred Years of Solitude marks a shift from the objectivist, reportorial style of his earlier works to a more emotional, epic, and magical narrative. The key markers of this stylistic shift are: the prevalence of the neutral remark "dijo" instead of "respondió," the intensification of themes of family and locus, an increase in abstract and temporal vocabulary, and a variety of verb tenses, particularly the active use of the imperfect. The data obtained empirically confirm literary scholarly observations about the turning point in García Márquez's work and clarify the linguistic devices that realize this stylistic shift, reflecting the transition from the particular to the universal, from reportage to artistic testimony to the "miraculous reality" of the continent.

Keywords: *Gabriel García Márquez, stylometric poetics, One Hundred Years of Solitude, contrastive analysis, Zeta measure.*

This research was supported by St. Petersburg State University grant GZ_F_2026: "Measuring Tradition: Quantitative Diachrony in General and Linguistic Poetics", ID: 140123808.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-29-38

Латиноамериканская литература эпохи так называемого «бума» – явления, пришедшегося на 1960-е и характеризующегося повышенным вниманием к новому испаноамериканскому роману М. Варгаса Льосы, Х. Кортасара, Г. Гарсиа Маркеса и К. Фуэнтеса, – давно находится в поле зрения исследователей. Широко известны нарратологические [19; 21], текстологические [12], историко-литературные [1], социолитературные [2; 10], лексикологические [18; 20], лингвостилистические [16] исследования.

Однако для латиноамериканской литературы этого периода важна прежде всего стилистическая составляющая. Одной из целей авторов плеяды «бума» было создать язык, пригодный для описания сложной и многомерной латиноамериканской действительности. К. Фуэнтес, один из крупнейших писателей эпохи (часто выступавший в роли критика) заметил: «Латиноамериканская литература этого периода отрицает установленный порядок и традиционную лексику, противопоставляя ему язык обновления, юмор, символическую и интерпретационную неоднозначность» [17, 31]. Один из крупнейших прозаиков – предшественников «бума» А. Карпентьер полагал, что барочна сама латиноамериканская реальность и поэтому необходимо отбирать соответствующие барочные способы ее отображения [6, 77], а М. Варгас Льоса в 1960-е гг. был уверен во всеисильности языка как средства для описания и воссоздания человеческого универсума, веря, что человек способен эту реальность познать [8, 30]. В.Б. Земсков называет стремления авторов этого поколения «установкой на языковое первотворчество и демиургическое "творительство"» [6, 70].

В связи с этим, на наш взгляд, в высшей степени актуальным оказывается анализ языковой специфики романов латиноамериканского «бума», а в нашем конкретном случае – одного из центральных текстов периода, «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса.

В литературоведении известна точка зрения, что Г. Гарсиа Маркес написал три первых крупных текста («Палая листва» (1954), «Полковнику никто не пишет» (1957), «Недобрый час»¹ (1962)) в одной манере, а «Сто лет одиночества» – в другой. Ю.Н. Гирин пишет: «Год 1962 <...> был для писателя во многих отношениях переломным. В частности,

¹ Другой перевод – «Проклятое время» (исп. La mala hora).

он посчитал исчерпанными объективистски-репортерский стиль и зависимость от проблематики виоленсии. В одной из бесед он сказал, что после долгих раздумий решил изменить манеру, в которой были созданы "Полковник", "Недобрый час" и многие рассказы того периода ввиду их "узости" и чрезмерной рационалистичности, вызванной ориентацией на непосредственной социально-политическую ситуацию Колумбии» [5, 564]. В недавнем исследовании [9] мы нашли этому эмпирическое подтверждение на числовом уровне: надежные стилеметрические алгоритмы отмечают существенную стилистическую разницу между тремя ранними текстами и «Ста годами одиночества» – однако остается непроясненным вопрос: за счет каких конкретных языковых признаков «Сто лет одиночества» отличаются от трех ранних текстов?

Тем самым, цель нашего исследования, носящего неизбежно предварительный характер, – выявить регулярно употребляемую лексику в романе Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», которая может служить своего рода маркером перемены стиля писателя.

Латиноамериканистика богата разного рода лингвостилистическими исследованиями на материале романов «бума», однако произвести анализ крупных текстов традиционными средствами представляется затруднительным в силу их объема и сложности. В связи с этим мы считаем необходимым прибегнуть к инструментарию стилеметрической поэтики.

Ее ключевая задача – моделирование авторского стиля для решения следующих литературоведческих задач: периодизации, группировки стилей, атрибуционных гипотез и т.д. Основные методологические посылки: позиция Р.О. Якобсона, обосновавшего, что поэтика является частью лингвистики [11], и точка зрения В.В. Виноградова, который заявил: «Языковой план можно представить себе как поле, в котором сходятся все элементы литературного произведения» [4, 198], а в стиле писателя «объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [3, 169]. Соответственно, ключ к комплексному анализу художественного текста, поэтики – язык, стилистические особенности. Использование средств стилеметрии (прикладной филологической дисциплины, понимающей стиль как совокупность индивидуальных исчислимых языковых признаков) позволяет объять большой массив данных и минимизировать нежелательное воздействие человеческого фактора. При этом залог качественного стилеметрического исследования – интерпретируемость на трех уровнях: числовом, лингвистическом и литературоведческом.

Стилеметрия активно развивается сегодня, а одним из наиболее надежных и интерпретируемых на языковом уровне инструментов является мера Zeta, предложенная Дж. Берроузом [13]. Она позволяет путем контрастивного анализа сравнить два корпуса текстов. Тексты делятся на равное количество фрагментов, далее вычисляется, в каком количестве фрагментов встречаются эти слова, то есть насколько регулярно эти слова употребляются. Вычисляются доли фрагментов для каждого слова, затем показатели сравниваются. Слово, которое получает оценку 1 – регулярно употребляется в целевом тексте и не употребляется в сравнительном, слово с оценкой -1, соответственно, наоборот. Оценку 0 получают слова, равномерно употребляемые в обоих корпусах. Подробное математическое описание Zeta см. в работе [8, 82–84]. Выявляемая лексика толкуется как дифференцирующая. Стиль при таком подходе понимается как континуальная категория, которая определяется не столько частотностью, сколько регулярностью употребления индивидуальных исчислимых языковых признаков.

Zeta активно используется для решения разного рода литературоведческих задач, что нашло отражение в следующих материалах [7; 8; 14; 22], однако ключевой задачей остается выявление сущностных различающих, или дифференцирующих языковых признаков: стабильно употребляемые в одном тексте и избегаемые в другом, они позволяют выявлять языковые признаки, образующие своего рода индивидуальный авторский профиль.

Для достижения цели нашего исследования мы провели стилеметрический эксперимент в пакете Stylo (программная среда R) [15]. В так называемый целевой корпус мы поместили текст романа «Сто лет одиночества», предварительно очистив его от всех

метаданных и редакторских примечаний, не принадлежащих Гарсиа Маркеса и не являющимися частью мира текста. В сравнительный корпус были помещены три ранних крупных текста: «Палая листва», «Полковнику никто не пишет», «Недобрый час». Общее количество словоупотреблений – 238 175. Длина одного фрагмента, на которые делился текст, составила 3000 словоупотреблений, минимальное количество вхождений слова в текст – 2 (поэтика гапаксов заслуживает отдельного изучения; единичные слова априори не могут рассматриваться в исследовании, где речь идет о регулярной, то есть сколько-нибудь повторяющейся лексике).

Результаты отображены на иллюстрации (рис. 1).

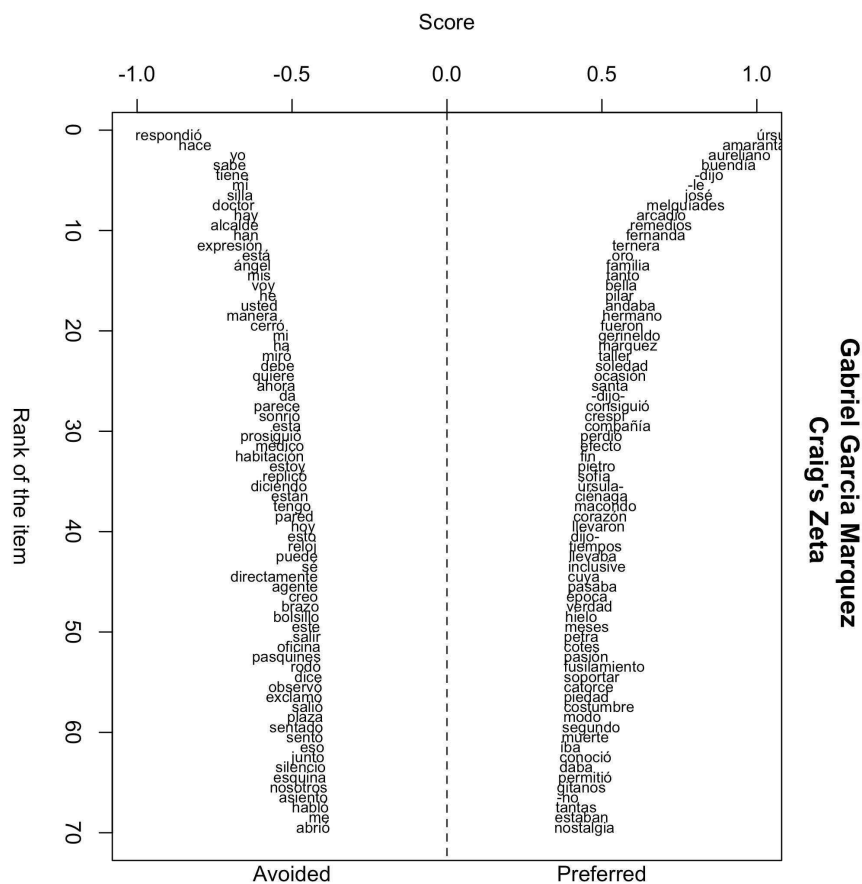

Рис. 1. Дифференцирующая лексика для ранних текстов Гарсиа Маркеса.
Справа – «Сто лет одиночества», слева – ранние крупные тексты

Как видим, в верх списка естественным образом попадают имена основных героев. Однако даже без их учета обращает на себя внимание разброс оценок: в списке дифференцирующей лексики трех ранних текстов сразу 23 слова получили оценку ниже -0,5, а в списке «Сто лет одиночества» – 19 выше 0,5. Удалим имена персонажей из списка, чтобы оперировать чистыми языковыми данными. Список дифференцирующей лексики без имен представлен в таблице, значения округлены до четвертого знака после запятой (табл. 1).

Таблица 1

Дифференцирующая лексика в ранних романах Г. Гарсиа Маркеса
и в романе «Сто лет одиночества»

№	Ранние романы		«Сто лет одиночества»	
	Слово	Оценка	Слово	Оценка
1	respondió	-0,7903	-dijo	0,8000
2	hace	-0,7597	-le	0,7778
3	yo	-0,6486	oro	0,5326
4	sabe	-0,6479	familia	0,5146
5	tiene	-0,6396	tanto	0,5139
6	mí	-0,6389	bella	0,5111
7	silla	-0,6257	andaba	0,5111
8	doctor	-0,6208	hermano	0,5021
9	hay	-0,6083	fueron	0,4965
10	alcalde	-0,6076	taller	0,4889
11	han	-0,6076	soledad	0,4792
12	expresión	-0,5944	ocasión	0,4750
13	está	-0,5688	santa	0,4667
14	mis	-0,5674	-dijo-	0,4667
15	voy	-0,5542	consiguió	0,4486
16	he	-0,5500	crespi	0,4444
17	usted	-0,5458	compañía	0,4438
18	manera	-0,5458	perdió	0,4306
19	cerró	-0,5229	efecto	0,4306
20	mi	-0,5104	fin	0,4299
21	ha	-0,5063	ciénaga	0,4132
22	miró	-0,5014	macondo	0,4111
23	debe	-0,4917	corazón	0,4076
24	quiere	-0,4917	llevaron	0,4042
25	ahora	-0,4889	dijo-	0,4000

26	da	-0,4868	tiempos	0,3944
27	parece	-0,4736	llevaba	0,3938
28	sonrió	-0,4736	inclusive	0,3910
29	esta	-0,4708	cuya	0,3903
30	prosiguió	-0,4688	pasaba	0,3896

В первую очередь обращает на себя внимание то, что меняется типичная предпочитаемая авторская ремарка. Если в ранних текстах доминирует *respondió* 'ответил', то в романе «Сто лет одиночества» – *dijo* 'сказал(а)', причем в таблице сразу три вхождения: *-dijo* [кто-то], *-dijo-* и [кому-то] *dijo-*. В силу особенностей испанской орфографии подобного рода авторские ремарки не отделяются пробелом от тире. Однако в нашем случае это лишь четче указывает на различия: выделяются все возможные позиционные комбинации реплик, причем везде используется нейтральный глагол *dijo*.

На уровне регулярной лексики отражается и тема семьи – *familia* 'семья', *hermano* 'брат', реалии романа, часто связанные с одним из центральных героев: род занятий полковника Аурелиано, в конце жизни изготавливавшего золотых рыбок – ого 'золото', а также *hielo* 'лед', *gitanos* 'цыгане', *fusilamiento* 'расстрел'.

Выделяется показатели локуса: *Macondo* 'Макондо', *Ciénaga* – город в Колумбии, где проходила знаменитая Банановая бойня² 6 декабря 1928, описанная в романе Гарсиа Маркесом. Также в романе «Сто лет одиночества» регулярно употребляется абстрактная лексика, в частности, выделяется темпоральная: *tiempos*, *época* 'времена, эпоха'; слова, выражающие состояние и эмоции: *soledad* 'одиночество', *pasión* 'страсть', *nostalgia* 'ностальгия', *'piedad* 'жалость, милосердие', а также *muerte* 'смерть'. Кроме того, в романе «Сто лет одиночества» встречается любовная лексика: *bella* 'прекрасная, красивая', *corazón* 'сердце'.

От нейтрализма и мнимой «репортажности» первых крупных текстов Гарсиа Маркес движется в сторону большей эмоциональности повествования, доказательства чему мы видим на эмпирическом уровне.

На глагольном уровне много форм глагола *haber*, использующихся для создания составного прошедшего времени (*Pasado Compuesto*, или *Pretérito Perfecto Compuesto*: *he*, *ha*, *han* – формы первого лица единственного числа, третьего единственного и третьего множественного соответственно). Обращает на себя внимание глагол *hace* 'делает', однако в ранних текстах эта форма значительно чаще употребляется в функции наречия во временных оборотах '*hace como*' 'около, примерно' и по модели «*hace X años*», «*desde hace X años*» 'вот уже X лет, X лет назад', а также в их различных вариациях: *hace un instante*, *hace dos horas*, когда речь идет о мгновениях, часах, минутах и т.д.

Разумеется, встречаются и употребления *hace* и как глагола в форме третьего лица единственного числа. Такие примеры отыскиваются в романе «Недобрый час»: «*En este pueblo se sabe todo lo que hace todo el mundo*» 'В этой деревне каждому известно о том, что делает каждый'³, в повести «Полковнику никто не пишет»: «*La cara del santo hace el milagro*»

² В результате забастовки рабочих, требовавших от United Fruit Company достойных условий труда, правительство направило в город армию, что привело к массовым убийствам рабочих.

³ García Márquez G. La mala hora. 2026. URL: <https://www.mercaba.org/SANLUIS/ALiteratura/Literatura%20contemporánea/García%20Márquez,%20Gabriel/Gabriel%20García%20Márquez%20-%20La%20mala%20hora.pdf> (дата обращения: 05.05.2026)

'Лик святого творит чудеса'⁴. Однако эти случаи единичны.

Парадоксально, но ранние романы еще молодого Гарсиа Маркеса так или иначе обращены к прошлому, речь идет о воспоминаниях, былом и потерянном (доминанта всех трех ранних текстов). Автор фокусируется на состоянии героев после некоторых событий; именно поэтому в текстах появляются маркеры конструкций, указывающих на то, что было некоторый период времени назад (от лет до мгновений).

Доминирующие времена в ранних текстах – перфективные (в частности, много претерита) и презенс (*sabe* 'знает', *quiere* 'хочет', *tiene* 'имеет', *hay* 'имеется'), а в романе «Сто лет одиночества» глагольное представительство разнообразнее, наряду с претеритом из плана прошедшего выделяется имперфект (*andaba* 'ходил', *llevaba* 'нес', *pasaba* 'проходил/происходил', *iba* 'шел' и др.). При помощи имперфекта создается эффект сказовости; нарратив приобретает более масштабный и вневременной характер.

В романе «Сто лет одиночества» Гарсиа Маркес не ностальгирует, а «свидетельствует» – в полном соответствии с установкой на художественное воссоздание действительности, важное для латиноамериканской литературы 1960-х гг.: «В размышлениях новых романистов возникает <...> важнейший термин: "свидетельство" <...> автор пишет о том, чему был сам свидетель, и все написанное им – "подлинная правда" об открывшейся новой реальности, сколь бы поразительной и небывалой она ни представлялась» [6, 69]. Если ранний Гарсиа Маркес фокусируется исключительно на рациональном изображении быта, то начиная со «Ста лет одиночества» к повседневному примешивается магическое: автор осознает поразительное смещение «сна» и «яви» в повседневности родного континента, что дает толчок к более разнообразным языковым решениям для полноценного описания «чудесной реальности» Латинской Америки.

Отсюда и обилие абстрактной лексики, и присутствие более эмоционально окрашенной лексики, и разнообразие глагольных времен, и своего рода темпоральный гигантизм (*tiempos*, *épos* и т.д.) – Гарсиа Маркес не ограничивается частными сюжетами (как в случае с «Полковником» или «Недобрым часом»), но частные сюжеты становятся отражением глобальных процессов, история семьи Буэндиа сопрягается с историей континента. Сочетание перфективных и имперфективных форм в «Ста годах одиночества» также служит иллюстрацией того, как Гарсиа Маркес соединяет практику свидетельствования о конкретном и повседневном и при этом поднимается до уровня обобщения, практически библейской манеры изложения.

Таким образом, при помощи стилиметрических инструментов мы в первом приближении установили основные языковые различия трех ранних крупных текстов Гарсиа Маркеса и романа «Сто лет одиночества». Разумеется, представленные в настоящей статье наблюдения носят предварительный характер: проанализирован лишь верх списка (первые 50 словоупотреблений), наиболее регулярно употребляемая лексика. Однако уже сейчас можно констатировать, что полученные данные соответствуют представлениям, имеющим место в истории литературы, об эволюции творчества Гарсиа Маркеса и могут служить эмпирическим доказательством их справедливости, конкретизируя и уточняя, за счет каких средств в текстах Гарсиа Маркеса происходит стилистическая перемена.

1. Агирре К., Буйнова К. Пять дней в Москве: Визит Марио Варгаса Льосы в Советский Союз (1968). М., 2025.

2. Васильева П.И. Женские образы на страницах романа «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1 (2). С. 135–136.

3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

4. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

⁴ García Márquez G. El coronel no tiene quien le escriba. 2026. URL: <https://www.suneo.mx/literatura/subidas/Garcia%20Marquez%20Gabriel%20El%20Coronel%20no%20tiene%20quien%20le%20Escriba.pdf> (дата обращения: 05.05.2026).

5. Гирин Ю.Н. Габриэль Гарсиа Маркес // *История литератур Латинской Америки. Т. 5. Очерки творчества латиноамериканских писателей XX в.* / [Гирин Ю.Н., Земсков В.Б., Кофман А.Ф. и др.]; отв. ред. В.Б. Земсков. М., 2005. С. 542–621.
6. Земсков В.Б. Литературный процесс в Латинской Америке. XX в. и теоретические итоги // *История литератур Латинской Америки. Т. 4. XX век : 20–90-е годы: [в 2 ч.]* / [Гирин Ю.Н., Земсков В.Б., Кофман А.Ф. и др.]; отв. ред. В.Б. Земсков. М., 2004. С. 5–106.
7. Ковалев Б.В. Анализ стилистического двухголосия в романе Марио Варгаса Льюсы «Говорун» методами Delta Берроуза и Zeta Крейга // *Дискурс. 2025. Т. 11. № 4. С. 139–150. DOI 10.32603/2412-8562-2025-11-4-139-150.*
8. Ковалев Б.В. Стилеметрический анализ вариативности индивидуального авторского стиля в романах Марио Варгаса Льюсы: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2025.
9. Ковалев Б.В. La Periodización de las novelas de Gabriel García Márquez con los métodos estilométricos // *Филологические науки в МГИМО. 2026. Т. 12. № 1. С. 103–117.*
10. Мартыненко И.А., Чеснокова О.С. Маркеры национальной идентичности в романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (рукописная статья из Ибероамериканских тетрадей. 2026. № 2, любезно предоставленная автору данной публикации. – Б.К.).
11. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 194–195.*
12. Aguirre C. *La ciudad y los perros: biografía de una novela.* Lima, 2015.
13. Burrows J. All the Way Through: Testing for Authorship in Different Frequency Strata // *Literary and Linguistic Computing. 2007. Vol. 22. No. 1. P. 27–47.*
14. Du K., Dudar J., Rok C., Schöch Ch. Zeta & Eta: An Exploration and Evaluation of Two Dispersion-Based Measures of Distinctiveness // *Proceedings Computational Humanities Research. 2021. № 1613. P. 181–194.*
15. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis // *R Journal. 2016. Vol. 8/1. P. 107–121.*
16. Fogsgaard L. El juego lingüístico de Julio Cortázar // *Estudios de lingüística textual: homenaje al profesor Muñoz Cortés / coord. por Estanislao Ramón Trives, Herminia Provencio Garrigós; Manuel Muñoz Cortés, 1998. P.187–196.*
17. Fuentes C. *La nueva novela latinoamericana.* México, 1969.
18. García C., Salazar M. Cien años de soledad en el espejo wayuu // *Jangwa Pana. 2022. № 21 (2). P. 123–131. DOI: 10.21676/16574923.4632.*
19. Jupp J.C. The Necessity of the Literary Tradition: Gabriel García Márquez's 'One-Hundred Years of Solitude' // *The English Journal. 2000. Vol. 89. № 3. P. 113–115. DOI: 10.2307/822107.*
20. Lovón Cueva M.A. Peruanismos en las obras literarias de Mario Vargas Llosa // *Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. 2012. № 53. P. 13–26.*
21. Martín J. L. *La narrativa de Vargas Llosa: acercamiento estilístico.* Madrid, 1979.
22. Schöch Ch. Zeta für die kontrastive Analyse literarischer Texte // *Quantitative Ansätze in den Literatur- und Geisteswissenschaften. Systematische und historische Perspektiven / ed. by T. Bernhart, S. Richter, M. Lepper et al. Berlin, 2018. P. 77–94.*
1. Agirre K., Buynova K. Pyat' dney v Moskve: Vizit Mario Vargasa L'osy v Sovetskiy Soyuz (1968). М., 2025.
2. Vasil'eva P.I. Zhenskie obrazy na stranitsakh romana «Sto let odinochestva» Gabrielya Garsia Markesa // *Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistitsiplinarnom nauchnom prostranstve. 2022. № 1 (2). S. 135–136.*
3. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury.* М., 1959.
4. Vinogradov V.V. *Problema avtorstva i teoriya stiley.* М., 1961.
5. Girin Yu.N. Gabriel' Garsia Markes // *Istoriya literatur Latinskoy Ameriki. Т. 5. Ocherki tvorчества latinoamerikanskikh pisateley KhKh v.* / [Girin Yu.N., Zemskov V.B., Kofman A.F. i dr.]; отв. ред. V.B. Zemskov. М., 2005. С. 542–621.
6. Zemskov V.B. Literaturnyy protsess v Latinskoy Amerike. KhKh v. i teoreticheskie itogi // *Istoriya literatur Latinskoy Ameriki. Т. 4. XX vek : 20–90-e gody: [v 2 ch.]/ [Girin Yu.N., Zemskov V.B., Kofman A.F. i dr.]; отв. ред. V.B. Zemskov. М., 2004. С. 5–106.*

7. Kovalev B.V. *Analiz stilisticheskogo dvukhgoslosiya v romane Mario Vargasa L'osy «Govorun» metodami Delta Berrouza i Zeta Kreyga* // *Diskurs*. 2025. T. 11. № 4. S. 139–150. DOI 10.32603/2412-8562-2025-11-4-139-150.
8. Kovalev B.V. *Stilemetricheskij analiz variativnosti individual'nogo avtorskogo stilya v romanakh Mario Vargasa L'osy: dis. ... kand. filol. nauk. SPb, 2025.*
9. Kovalev B.V. *La Periodización de las novelas de Gabriel García Márquez con los métodos estilométricos* // *Filologicheskije nauki v MGIMO*. 2026. T. 12. № 1. S. 103–117.
10. Martynenko I.A., Chesnokova O.S. *Markery natsional'noy identichnosti v romane Gabrielya Garsia Markesa «Sto let odinochestva» (rukopisnaya stat'ya iz Iberoamerikanskikh tetradey*. 2026. № 2, lyubezno predostavlenneya avtoru dannoy publikatsii. – B.K).
11. Yakobson R.O. *Lingvistika i poetika* // *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. M., 1975. S. 194–195.
12. Aguirre C. *La ciudad y los perros: biografía de una novela*. Lima, 2015.
13. Burrows J. *All the Way Through: Testing for Authorship in Different Frequency Strata* // *Literary and Linguistic Computing*. 2007. Vol. 22. No. 1. P. 27–47.
14. Du K., Dudar J., Rok C., Schöch Ch. *Zeta & Eta: An Exploration and Evaluation of Two Dispersion-Based Measures of Distinctiveness* // *Proceedings Computational Humanities Research*. 2021. № 1613. P. 181–194.
15. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. *Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis* // *R Journal*. 2016. Vol. 8/1. P. 107–121.
16. Fogsgaard L. *El juego lingüístico de Julio Cortázar* // *Estudios de lingüística textual: homenaje al profesor Muñoz Cortés / coord. por Estandislaio Ramón Trives, Herminia Provencio Garrigós; Manuel Muñoz Cortés*, 1998. P.187–196.
17. Fuentes C. *La nueva novela latinoamericana*. México, 1969.
18. García C., Salazar M. *Cien años de soledad en el espejo wayuu* // *Jangwa Pana*. 2022. №. 21 (2). P. 123–131. DOI: 10.21676/16574923.4632.
19. Jupp J.C. *The Necessity of the Literary Tradition: Gabriel García Márquez's 'One-Hundred Years of Solitude'* // *The English Journal*. 2000. Vol. 89. № 3. P. 113–115. DOI: 10.2307/822107.
20. Lovón Cueva M.A. *Peruanismos en las obras literarias de Mario Vargas Llosa* // *Boletín de la Academia Peruana de la Lengua*. 2012. № 53. P. 13–26.
21. Martín J. L. *La narrativa de Vargas Llosa: acercamiento estilístico*. Madrid, 1979.
22. Schöch Ch. *Zeta für die kontrastive Analyse literarischer Texte* // *Quantitative Ansätze in den Literatur- und Geisteswissenschaften. Systematische und historische Perspektiven / ed. by T. Bernhart, S. Richter, M. Lepper et al.* Berlin, 2018. P. 77–94.

Информация об авторе

Борис Вадимович Ковалев,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия).
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9.
Кандидат филологических наук, ассистент
кафедры романской филологии.
Научные интересы: история латиноамериканских
литератур, стилистика, поэтика, стилеметрия,
квантитативная филология.
ORCID ID: 0000-0002-1904-1844
SPIN-код: 2070-8991, AuthorID: 1158725
E-mail: bvkovalev@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.05.2026;
одобрена после рецензирования 28.05.2026;
принята к публикации 28.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Boris V. Kovalev,
St. Petersburg State University,
(St. Petersburg, Russia).
199034, St. Petersburg,
Universitetskaya 7–9.
Candidate of Sciences in Philology, Assistant
of the Department of Romance Philology.
Research interests: history of Latin American
literatures, stylistics, poetics, stylometry,
quantitative philology.
ORCID ID: 0000-0002-1904-1844
SPIN-code: 2070-8991, AuthorID: 1158725
E-mail: bvkovalev@yandex.ru

The article was submitted 06.05.2026;
approved after reviewing 28.05.2026;
accepted for publication 28.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Ковалев, Б.В. Стилеметрическая поэтика романа Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»: первые итоги // Филологос. 2026. № 2 (69). С. 29–38. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-29-38.

For citation: Kovalev, B.V. The stylometric poetics of G. Garcia Marquez's novel "One Hundred Years of Solitude": first results // Philologos. 2026. No. 2 (69). Pp. 29–38. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-29-38.

Права: © Б.В. Ковалев (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ / HISTORY OF LITERATURE

Цзи Сунчэнь, А.З. Хабибуллина
Ji Songchen, A.Z. Khabibullina

РУССКАЯ КЛАССИКА И ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КИТАЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А.П. ЧЕХОВА)

RUSSIAN CLASSICS AND THE FOUNDATIONS OF COMPARATIVE LITERATURE IN CHINA (BASED ON THE WORKS OF A.P. CHEKHOV)

В статье рассмотрены важнейшие аспекты истории развития сравнительного литературоведения в Китае с акцентом на распространение научных положений и понятий, которые сложились в трудах А.Н. Веселовского и его последователей. Установлено, что формирование основ теории сравнительного изучения литератур в китайском литературоведении относится к 1980-м гг. XX века. Начиная с этого времени все большее внимание китайских ученых привлекает теория сравнительно-исторического литературоведения. Фактическую основу работы образует монография современного китайского ученого Лю Янь «Чехов и современная китайская литература» (2006). Исследование показало, что в данной монографии особое место заняла теория «встречного течения» как одна из важнейших в сравнительной методологии. Работа Лю Янь подтверждает, что рецепция произведений Чехова в Китае прошла четыре важнейших этапа: первоначальное ознакомление, признание ценности писателя, художественное заимствование и культурную интернализацию. Сходство социально-исторических потрясений в России и Китае на рубеже XIX–XX веков обусловило типологическую близость как в изображении образа «маленького человека», так и в критике сторон социальной действительности. Нами установлено, что особенностью научной стратегии Лю Янь стало рассмотрение эстетической интерференции – одной из форм инационального восприятия литературы. Опираясь на сопоставление комедии Чехова «Вишневый сад» и повести Ба Цзиня «Сад отдыха» исследователь считает, что Ба Цзинь стихийно трансформирует образ усадьбы в свете того образа, который наиболее значим в китайской культурной и художественной традициях. Если в комедии Чехова «Вишневый сад» усадьба выступает символом уходящего дворянского уклада, то в произведении китайского прозаика он интерферируется в образ родной

земли. Сделан вывод о том, что работа Лю Янь коррелирует со многими идеями и принципами сравнительного литературоведения и раскрывает их ценность в анализе рецепции творчества Чехова в широком межкультурном и диалогическом контексте.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, русская классика, А.П. Чехов, китайское литературоведение, «встречное течение», эстетическая интерференция.

The article examines the most important aspects of the history of the development of comparative literary studies in China, with an emphasis on the dissemination of scholarly principles and concepts that emerged in the works of A.N. Veselovsky and his followers. It is established that the formation of the foundations of the theory of comparative study of literatures in Chinese literary criticism dates back to the 1980s. Since that time, the theory of comparative historical literary studies has attracted increasing attention from Chinese scholars. The factual basis of the work is the monograph by the contemporary Chinese scholar Liu Yan, "Chekhov and Modern Chinese Literature" (2006). The study shows that in this monograph a special place is occupied by the theory of the "counter-current" as one of the most important in comparative methodology. Liu Yan's work confirms that the reception of Chekhov's works in China has passed through four crucial stages: initial acquaintance, recognition of the writer's value, artistic borrowing, and cultural internalization. The similarity of socio-historical upheavals in Russia and China at the turn of the 19th–20th centuries determined a typological affinity both in the depiction of the "little man" and in the critique of various aspects of social reality. We have established that a distinctive feature of Liu Yan's scholarly strategy is the examination of facts of aesthetic interference – one of the forms of foreign-language perception of literature. Drawing on a comparison of Chekhov's comedy "The Cherry Orchard" and Ba Jin's novella "The Garden of Repose," the Chinese scholar argues that Ba Jin spontaneously transforms the image of the estate in light of the image that is most significant in Chinese cultural and artistic traditions. Whereas in Chekhov's comedy "The Cherry Orchard" the estate serves as a symbol of a vanishing noble way of life, in the work of the Chinese prose writer it is interfered into the image of the native land. It is concluded that Liu Yan's work correlates with many ideas and principles of comparative literary studies and reveals their value in analyzing the reception of Chekhov's work in a broad intercultural and dialogical context.

Keywords: comparative literary studies, Russian classics, A.P. Chekhov, Chinese literary criticism, "counter-current", aesthetic interference.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-39-47

В настоящее время, когда происходят большие изменения в области взаимодействия разных культур, языков и художественных традиций, рассмотрение рецепции русской классики в китайском научном дискурсе востребовано и актуально. Цель данной статьи – выявить особенности сравнительной методологии в изучении русской классики в китайском литературоведении на примере творчества А.П. Чехова. Обращение к творчеству А.П. Чехова не случайно. Чехов – один из первых русских писателей, переведенных в Китае, – оказал сильное влияние на художественное сознание китайских писателей и драматургов разных эпох (Лу Синь, Ба Цзинь, Цао Юй). Исследование же

разных форм инонациональной рецепции и междисциплинарного диалога стало основным фокусом внимания китайских литературоведов и критиков.

Как подтверждает исследование Сюй Чжисяо, начало становления сравнительного литературоведения в Китае восходит к периоду «Движения 4 мая» (1919 г.) [6, 40]. С падением династии Цин масштабы перевода и введения иностранных литературных произведений в Китае достигли такого заметного пика, который неизбежно стал предметом обсуждения представителей национальной интеллигенции. Так, в 1920 году Чжоу Цзожэнь в статье «Россия и Китай в литературе» впервые выдвинул тезис о русской литературе как «литературе жизни», то есть такой литературе, которая обращается к раскрытию наиболее достоверных аспектов человеческого бытия. Одновременно китайский исследователь, проводя сравнение родной литературы с русской и западноевропейской, сделал вывод о том, что «особые национальные условия Китая во многом сходны с русскими, поэтому мы верим, что будущая новая литература Китая, безусловно и естественно, также будет литературой общественной, литературой жизни» [10, 430]. Согласно взглядам Хэ Дяньгуан, данное высказывание Чжоу Цзожэнь не только предвосхитило дальнейшую тенденцию развития китайской литературы, но и повлияло на общее восприятие русской классики в китайских исследованиях. Можно утверждать, что многие статьи, обсуждающие роль русской классики для современной китайской литературы, очевидным образом наследуют основные положения, выдвинутые Чжоу Цзожэнем [7, 110].

После образования Китайской Народной Республики Китай во многих своих начинаниях активно ориентировался на Советский Союз, и область научных исследований не была исключением. Известно, что в России еще в конце XIX века в литературоведении сложилась сравнительно-историческая школа, достижения которой получили наибольшее развитие в трудах В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, М.П. Алексеева. В 1950-е годы, после образования Нового Китая, внутренняя политическая обстановка стала стабильной, поэтому университеты получили возможность проводить реформы и заниматься развитием дисциплин, опираясь на советскую систему образования. Все это давало возможность для более тонкого и органичного восприятия идей сравнительного литературоведения китайским учеными. При этом наиболее сложным в данном контексте оказался период 40-х годов, когда в СССР взгляды А.Н. Веселовского подвергались критике и рассматривались в том числе через призму «буржуазной идеологии». Можно утверждать, что формирование сравнительной методологии в Китае относится к 1980-м гг. XX века. Так, в 1985 году было основано «Китайское общество сравнительного литературоведения», в задачи которого вошло обновление китайского литературоведческого дискурса [8]. В 2003 году Лю Нин перевел и опубликовал монографию А.Н. Веселовского «Историческая поэтика» [3], дав ее всестороннее изложение. Ма Сяохуэй отмечает, что начиная с этого времени все большее внимание ученых привлекает теория сравнительного литературоведения, сложившаяся в трудах А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского. Данная теория сохраняет свою актуальность в современном Китае до сих пор [5].

На фоне постепенного расцвета китайско-русского культурного обмена китайские ученые все отчетливее осознают важность изучения русской классики через призму теоретической мысли России. Так, по мнению Чэнь Цзяньхуа, ведущего специалиста в области компаративистики, некоторые ученые Китая уже начали осознанно применять в своей практической работе такие понятия, как «заимствование», «встречное течение», «типологические схождения», «стадиальная теория» как важнейшие в тезаурусе сравнительного метода [11, 311].

Таким образом, рассмотрение некоторых аспектов истории сравнительного литературоведения в Китае подтверждает востребованность и актуальность изучения

вопросов рецепции русской классической литературы через призму идей сравнительного литературоведения.

Проиллюстрируем сказанное примером.

Обратимся к монографии Лю Янь «Чехов и современная китайская литература», которая была опубликована в 2006 году в Пекине. Данная работа считается одной из первых плодотворных попыток изучения взаимосвязей русской классики и китайской литературы. Отметим, что под определением «современная китайская литература» в Китае понимается период 1917–1949 гг. («Modern Chinese Literature»).

Лю Янь (род. 1970) – профессор кафедры сравнительной литературы и мировой литературы Северо-Восточного педагогического университета Китая. В центре внимания Лю Янь – стремление раскрыть «феномен Чехова» в контексте современной китайской литературы и выявить особенности трансформации чеховских образов в инокультурном художественном сознании [4, 3]. Хотя автор напрямую не ссылается на теоретические взгляды основоположников российского сравнительного литературоведения, ее исследовательская стратегия органично вписывается в теорию российского сравнительного литературоведения и одновременно продолжает традиции китайской компаративистики XX века. По мнению Цянь Чжуншу, сравнение не сводится к простому установлению источников и заимствований: важно осознавать то новое, что привносится с заимствованными элементами [9, 135]. В данном сравнительном дискурсе исследования Лю Янь ведет свои размышления о разных формах диалога Чехова и китайской литературы. Можно утверждать, приемы и принципы сравнительного изучения литератур в ее работе обнаруживает высокую степень соответствия сравнительно-историческому методу, который сложился в России.

Лю Янь считает, что в процессе перехода китайской современной литературы от традиции к модерну эстетические вкусы и литературные концепции китайцев постоянно находились под влиянием чеховского творчества. Для Лю Янь важно понять, каким образом произведения Чехова, будучи чуждой, инородной словесностью, коррелировали с китайскими художественными традициями, в каких формах его проза оказывала воздействие на культурно-эстетическое сознание и ценностные установки современных китайских писателей. Это и есть основная стратегия, пронизывающая всю работу данного автора, – стратегия исследования проблемы влияния [4, 2].

Монография Лю Янь состоит из двух частей. В первой части «Распространение и интерпретация: переводческие исследования» на основе источниковедческого анализа выделяются три этапа распространения произведений Чехова в Китае: начальный этап – поздний период первых знакомств (Цинь и начало Республики: 1840–1916 гг.); этап расцвета (1917–1927) и этап углубленного освоения чеховского наследия (1928–1949).

В монографии последовательно рассматривается хронология переводов таких произведений, как «Черный монах», «Палата № 6», «Ванька», «Человек в футляре», «Вишневый сад», выявляется состав переводчиков (Бао Тяньсяо, Чэнь Цзинхань, братья Чжоу (Лу Синь и Чжоу Цзожэнь), Гэн Цзичжи), а также устанавливаются периодические издания, в которых публиковались художественные переводы. Можно утверждать, что для Лю Янь переводческий аспект концептуален, он рассматривается как важнейшая форма посредничества между национальными литературами. В этой связи вспоминаются размышления российского ученого И. Шайтанова, который в своей специальной работе подчеркивал роль «среды» в усвоении инокультурного влияния, а переводчика рассматривал как источника художественной адаптации [12, 172].

Лю Янь полагает, что «переводы произведений Чехова вместе с потоком других иностранных литератур участвовали в процессе модернизации китайской литературы...

Они положили начало переводу русской литературы, будучи введенными в качестве референтной системы для развития новой китайской литературы, и будут развиваться и эволюционировать в соответствии с собственной логикой самой современной китайской литературы» [4, 29].

Во второй части книги «Восприятие и сопоставление: текстуальные исследования» автор обращается к подробному анализу произведений русского классика. Выделив четыре аспекта, характеризующие творчество Чехова (реалистический тип художественного мышления, сатирическое начало, лирико-прозаическую структуру его произведений и меланхолическое настроение), Лю Янь последовательно рассматривает творчество таких писателей, как Лу Синь, Лин Шухуа, Е Шэнтао, Ша Тин, Ба Цзинь, Цао Юй, испытавших воздействие чеховской поэтики.

Так, анализируя диалог между Лу Синем и Чеховым, Лю Янь прежде всего указывает на стиль и приемы, проявившиеся в рассказах «Скучная история» и «Бабы царство», и отмечает, что Чехов через создание «внешнего повествователя» раскрывает сознание и психологию своих персонажей – от внешнего к внутреннему. Этот объективно-реалистический метод был воспринят многими писателями, и Лу Синь был одним из самых ярких среди них. По мнению исследователя, в известной повести Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921) повествователь выполняет роль стороннего наблюдателя: описывая нарративную структуру этого произведения, писатель не только передает диалоги и описывает поступки своих персонажей, но и проникает в глубину сознания главного героя [4, 115].

Лю Янь полагает, что Чехов, раскрывая обыденную жизнь простых людей и обнажая тяготы их существования, повлиял на поэтику произведений китайских писателей. В частности, они тонко восприняли чеховский комедийный взгляд и сосредоточились на образах «маленьких людей» в эпоху столкновения старого и нового [4, 172].

Лю Янь обращается к сравнительному исследованию нарративов в «Подлинной истории А-кью» Лу Синя (1881–1936) и «Человеке в футляре» Чехова. Главный герой «Подлинная история А-кью» показан в моменты своего превосходства над другими, чтобы прикрыть свои реальные неудачи. Лю Янь называет это «методом духовной победы (精神胜利法)» [4, 173], который перекликается с любимой фразой Беликова: «Как бы чего не вышло». Оба героя упорствуют в самообмане, будучи привержены собственным ограниченным взглядам на мир. Затем в их судьбы вторгается сила, нарушающая их равновесие. Так, А-кью, толком не понимая происходящего, отправляется на плаху, а Беликов же, герой «Человека в футляре», угасает и умирает от своего внутреннего саморазрушения. По мнению Лю Янь, способы воплощения этих сходных «мотивов» и элементов в повествовании неразрывно связаны с историческим контекстом: и Китай, и Россия на рубеже XIX–XX веков переживали мучительный распад традиционного общества и смену духовных ценностей, что обусловило черты типологического сходства в сопоставляемых произведениях.

Восприятие Лу Синем творчества Чехова, по мнению Лю Янь, – это не одностороннее подражание, а двустороннее соответствие между внутренними потребностями современной китайской литературы и внешним влиянием русской классики. Исследование Лю Янь по-своему подтверждает выдвинутую А.Н. Веселовским теорию «встречного течения». Социальная трансформация Китая, начиная с поздней Цинь (1900–1919 гг.), подъем просветительских течений и литературы «для жизни», связанных с трансформацией китайского общества 40-х гг., сформировали «встречное течение» как фактор глубокого и органичного восприятия прозы Чехова в Китае. Именно благодаря этой

«встречной» тенденции чеховские «маленькие люди» и «сатирический дух» его творчества смогли пустить глубокие корни в китайской литературе.

После 1940-х годов самым ярким почитателем Чехова среди китайских писателей был Ба Цзинь (1904–2005). Его «Трилогия о жизни человека (人间三部曲)» – «Сад отдыха» (1944), «Четвертая палата» (1945) и «Холодная ночь» (1946) – стала вершиной творческой зрелости, в которой писатель, опираясь на чеховские художественные приемы, реализовал принципы реалистического метода в своих произведениях. К примеру, в исследовании, посвященном взаимосвязи Ба Цзиня и Чехова, Лю Янь указывает, что в повести «Сад отдыха» китайский писатель опирался на комедию «Вишневый сад», как в построении сюжета, так и принципах создания психологии героев.

Согласно взглядам А.Н. Веселовского, «влияние чужого элемента всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать» [2, 61]. Очевидно, что степень восприятия Ба Цзинем Чехова определялась именно этим «внутренним» соответствием. Лю Янь отмечает, что в 1940-е годы китайские писатели руководствовались общественным сознанием эпохи (стремлением к критике отживших социальных порядков и справедливости). Ба Цзинь как представитель своего поколения был глубоко проникнут этими идеями, что нашло отражение в его произведениях. Ба Цзинь писал: «Старая семья (старое общество) постепенно погружается в пучину гибели. Я вижу, как она день за днем идет по пути разрушения. Это неизбежная тенденция, предопределенная экономическими отношениями и социальной средой» [1, 442].

Недовольство старым обществом стало внутренней движущей силой восприятия Ба Цзинем творчества Чехова. Вместе с тем Лю Янь обнаруживает в этом диалоге и феномен *эстетической интерференции* – одного из явлений инонационального восприятия литературы. Так, в комедии Чехова «Вишневый сад» и в повести Ба Цзиня «Сад отдыха», по мнению Лю Янь, особое место имеет образ усадьбы. Однако Ба Цзинь стихийно воспринимает его через призму концепции родной земли, обладающей высокой идентификационной значимостью в китайской культурной традиции. Если в комедии «Вишневый сад» усадьба выступает символом уходящего дворянского уклада, то в произведениях Ба Цзиня «Сад отдыха» она трансформируется в иную образную структуру, имеющую универсальное значение в сознании китайцев. В свете эстетической интерференции в творчестве Ба Цзиня печальное чувство потери вишневого сада становится знаком скорби об утрате родины. По мнению Лю Янь, в произведениях Ба Цзиня меланхолия, связанная с образом родной земли, превосходит прямую критику феодального строя. Это является результатом взаимодействия чеховской поэтики с китайскими культурными символами, причем само это взаимодействие опосредовано эстетической интерференцией.

Выделим также другую особенность.

Как подтверждает исследование Лю Янь, во время работы над своей «Человеческой трилогией» Ба Цзинь был уже зрелым человеком, глубоко осознавшим непостоянство мира и сложность человеческой натуры, поэтому, критикуя своих персонажей, он проникался к ним глубоким сочувствием. В «Саде отдыха» и в «Вишневом саде» сюжет о смене владельца родового поместья присутствует в обоих произведениях, вместе с тем Ба Цзинь, наряду с обличением своих героев, наделяет каждого из них глубокой нежностью и мягкостью. Так, судьба старого хозяина усадьбы Ян Мэнчи в «Саде отдыха» особенно драматична: промотав состояние, он в конце концов встает на путь исправления, однако погибает в тюрьме. В монографии Лю Янь иной, чем в комедии Чехова, финал повествования, по сути, перекликается с идеей о том, что «заимствование всегда осложнено

явлением трансформации: заимствованное попадает в сферу влияния, производимого восприятием иной культурной среды» [13, 119]. В исследовании доказывалось, что меланхолия и сентиментальность, присущие чеховским произведениям, были восприняты и осмыслены в творчестве Ба Цзинь под воздействием китайской культурной среды.

Таким образом, монография Лю Янь сыграла двоякую роль в изучении русской классической литературы в Китае. С одной стороны, на примере Чехова она обогатила идейно-смысловой потенциал темы «русская классическая литература в Китае». С другой стороны, данное исследование продемонстрировало зрелую позицию в осмыслении русско-китайских литературных взаимосвязей. Ученый показывает, что восприятие чеховского творчества в Китае развивалось согласно идентичности китайской литературы. Тот факт, что проза и драматургия Чехова были органично восприняты в иноязычном контексте, обуславливается прежде всего тем, что внутри самой национальной литературы уже сформировались внутренние тенденции – критика реальности, внимание к «маленькому человеку», стремление к правдивости и искренности, которые создали культурное поле, способное принять образы и поэтику произведений Чехова. Внимание Лю Янь к концепции «встречного течения» по-своему демонстрирует теоретическую зрелость автора. Исследование Лю Янь коррелирует со многими идеями и принципами сравнительного литературоведения и подчеркивает их значимость и ценность в исследовании рецепции русской классики в современном Китае.

1. Ба Цзинь. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Пекин, 1986.
2. Веселовский А.Н. Избранное: на пути к исторической поэтике / сост., вступ. ст., послесл., коммент. И.О. Шайтанова. М., 2010.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / пер. Лю Нина. Тяньцзинь, 2003.
4. Лю Янь. Чехов и современная китайская литература. Шанхай, 2006.
5. Ма Сяохуэй. Историческая поэтика А. Н. Веселовского в Китае // Новый филологический вестник. 2007. № 1. С. 278–281.
6. Сюй Чжисяо. Краткая история китайской компаративистики XX века. Шанхай, 2016.
7. Хэ Дяньгуан. Исследование литературной мысли Чжоу Цзожэня: дисс. ... канд. филол. наук. Чанчунь, 2011.
8. Цао Шуньцин. Предварительное исследование основных теоретических особенностей и методологической системы китайской школы компаративистики // Сравнительное литературоведение и дискурс литературной теории: сравнительное литературоведение и литературная теория на пути к новому этапу / под ред. Цао Шуньцина. Пекин, 2011. С. 80–97.
9. Чжан Силун. Цянь Чжунцун о компаративистике и «литературном сравнении» // Чтение (Душу). 1981. № 10. С. 132–138.
10. Чжоу Цзожэнь. Россия и Китай в литературе // Избранные произведения Чжоу Цзожэня. Пекин, 2011. С. 426–433.
11. Чэнь Цзяньхуа. В поисках Ливы: профессор Чэнь Цзяньхуа о китайско-российских литературных отношениях и др. Пекин, 2014.
12. Шайтанов И.О. Историческая поэтика А.Н. Веселовского: сравнительный метод // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 170–175.
13. Шайтанов И.О. Становление сравнительного метода глазами А.Н. Веселовского // Литературная компаративистика. Антология. Т. 1. Становление метода / под общ. ред. И.О. Шайтанова. М., 2021. С. 113–119.

1. Ba Tszin'. Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t. T. 1. Pekin, 1986.
2. Veselovskiy A.N. Izbrannoe: na puti k istoricheskoy poetike / sost., vstup. st., poslesl., komment. I.O. Shaytanova. M., 2010.

3. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* / per. Lyu Nina. Tyan'tszin', 2003.
4. Lyu Yan'. *Chekhov i sovremennaya kitayskaya literatura*. Shankhay, 2006.
5. Ma Syaokhuey. *Istoricheskaya poetika A. N. Veselovskogo v Kitae* // *Novyy filologicheskyy vestnik*. 2007. № 1. S. 278–281.
6. Syuy Chzhisyao. *Kratkaya istoriya kitayskoy komparativistiki XX veka*. Shankhay, 2016.
7. Khe Dyan'guan. *Issledovanie literaturnoy mysli Chzhou Tszozhenya: diss. ... kand. filol. nauk*. Chanchun', 2011.
8. Tsao Shun'tsin. *Predvaritel'noe issledovanie osnovnykh teoreticheskikh osobennostey i metodologicheskoy sistemy kitayskoy shkoly komparativistiki* // *Sravnitel'noe literaturovedenie i diskurs literaturnoy teorii: sravnitel'noe literaturovedenie i literaturnaya teoriya na puti k novomu etapu* / pod red. Tsao Shun'tsina. Pekin, 2011. S. 80–97.
9. Chzhan Silun. *Tsyan' Chzhunshu o komparativistike i «literaturnom sravnenii»* // *Chtenie (Dushu)*. 1981. № 10. S. 132–138.
10. Chzhou Tszozhen'. *Rossiya i Kitay v literature* // *Izbrannyye proizvedeniya Chzhou Tszozhenya*. Pekin, 2011. S. 426–433.
11. Chen' Tszyan'khua. *V poiskakh Livy: professor Chen' Tszyan'khua o kitaysko-rossiyskikh literaturnykh otnosheniyakh i dr.* Pekin, 2014.
12. Shaytanov I.O. *Istoricheskaya poetika A.N. Veselovskogo: sravnitel'nyy metod* // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2007. № 3. S. 170–175.
13. Shaytanov I.O. *Stanovlenie sravnitel'nogo metoda glazami A.N. Veselovskogo* // *Literaturnaya komparativistika. Antologiya. T. 1. Stanovlenie metoda / pod obshch. red. I.O. Shaytanova. M., 2021. S. 113–119.*

Информация об авторах

Цзи Сунчэн

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия).
420008, Россия, Республика Татарстан,
Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1.
Аспирант кафедры русской литературы
и методики ее преподавания.
Научные интересы: рецептивная эстетика
и компаративистика, творчество А.П. Чехова.
ORCID ID: 0009-0003-8141-401X
SPIN-код: 4678-1181, AuthorID: 1338294
E-mail: sunchentsi@yandex.ru

Алсу Зарифовна Хабибуллина
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия).
420008, Россия, Республика Татарстан,
Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1
Доктор филологических наук, доцент
кафедры русской литературы и методики
ее преподавания.
Научные интересы: жанрология,
сопоставительное литературоведение.
ORCID ID 0000-0002-3332-4066
SPIN-код: 3375-4270, AuthorID: 463512
E-mail: alsu_zarifovna@mail.ru

Information about the authors

Ji Songchen

Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russia)
420008, Russia, Republic of Tatarstan,
Kazan, Kremlevskaya St., 18, bldg. 1
Postgraduate student, Department of Russian
Literature and Methods of Its Teaching
Research interests: receptive aesthetics and
comparative studies, the works of A.P. Chekhov.
ORCID ID: 0009-0003-8141-401X
SPIN-код: 4678-1181, AuthorID: 1338294
E-mail: sunchentsi@yandex.ru

Alsu Z. Khabibullina
Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russia)
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan,
Kremlevskaya St., 18, bldg. 1
Doctor of Sciences in Philology,
Associate Professor of the Department
of Russian Literature and its Teaching Methods
Research interests: genre studies, comparative
literary studies.
ORCID ID 0000-0002-3332-4066
SPIN-код: 3375-4270, AuthorID: 463512
E-mail: alsu_zarifovna@mail.ru

Поступила в редакцию 20.05.2026;
одобрена после рецензирования 19.06.2026;
принята к публикации 19.06.2026;
опубликована 23.06.2026.

The article was submitted 20.05.2026;
approved after reviewing 19.06.2026;
accepted for publication 19.06.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Цзи Сунчэнь, Хабибуллина, А.З. Русская классика и основы сравнительного литературоведения в Китае (на материале творчества А.П. Чехова) // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 39–47. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-39-47.

For citation: Ji Songchen, Khabibullina, A.Z. Russian classics and the foundations of comparative literature in China (based on the works of A.P. Chekhov) // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 39–47. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-39-47.

Права: © Цзи Сунчэнь, А.З. Хабибуллина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ЛИНГВИСТИКА И ДИСКУРС-АНАЛИЗ / LINGUISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Е.В. Волгина
E.V. Volgina

МАСКУЛИННЫЕ И ФЕМИННЫЕ МЕТАФОРЫ КАК ОСНОВА НАРРАТИВА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОТ БИНАРНОСТИ К СИНТЕЗУ

MASCULINE AND FEMININE METAPHORS AS THE BASIS OF THE NARRATIVE OF ENGLISH-LANGUAGE LEGAL DISCOURSE: FROM BINARITY TO SYNTHESIS

*В статье исследуется роль гендерно маркированных метафор в формировании нарратива о праве, судебной власти и профессиональной идентичности судей на основе комплексного анализа современных текстов англоязычного юридического дискурса. Цель исследования – выявить маскулинные и феминные метафоры в дискурсе о судебной власти, определить их роль в формировании профессиональной идентичности судей и проследить переход от жесткой гендерной бинарности к более сложным, синтетическим метафорическим моделям, отражающим изменение нарратива о судебной системе в условиях кризиса (угрозы судьям, падение общественного доверия, вопросы благополучия судей). Гендерные метафоры, выступающие фундаментальным когнитивным механизмом, неосознанно закрепляют архаичные стереотипы. Анализ показывает, что юридический дискурс воспроизводит традиционные гендерные оппозиции, где маскулинное ассоциируется с силой, контролем и защитой, а феминное – с уязвимостью, заботой и сохранением. В работе применяется комплексный подход, объединяющий метод критического дискурс-анализа для выявления скрытых идеологических установок, который показывает, как гендерные метафоры активно конструируют социальную реальность, закрепляя определенные роли за судьями; когнитивной лингвистики для анализа метафорических моделей как способов мышления; гендерного анализа для интерпретации этих моделей в контексте культурных кодов маскулинности и феминности; и нарративного анализа для понимания того, как эти метафоры складываются в связный рассказ о судебной власти. Эмпирическую базу исследования составил корпус статей ведущих профессиональных журналов *Judicature* и *Law and Contemporary Problems*, что позволило выявить гендерные метафорические паттерны, характерные для современного американского юридического дискурса. В результате исследования установлены тенденции к преодолению гендерной бинарности и формированию «синтетической» профессиональной идентичности судьи.*

которая интегрирует ценности как силы и стойкости, так и эмпатии и взаимной поддержки.

Ключевые слова: юридический дискурс, гендерные метафоры, маскулинность, феминность, профессиональная идентичность, нарратив.

This article examines the role of gendered metaphors in shaping narratives about law, the judiciary, and the professional identity of judges based on a comprehensive analysis of contemporary English-language legal discourse. The study aims to identify masculine and feminine metaphors in discourse about the judiciary, determine their role in shaping professional identity, and trace the transition from a rigid gender binary to more complex, synthetic metaphorical models reflecting the changing narrative about the judicial system in times of crisis. Gender metaphors, acting as a fundamental cognitive mechanism, unconsciously reinforce archaic stereotypes. The analysis shows that legal discourse reproduces traditional gender oppositions, where masculine is associated with strength, control, and protection, and feminine with vulnerability, care, and preservation. The study utilizes a comprehensive approach that combines critical discourse analysis to uncover hidden ideological assumptions, demonstrating how gender metaphors actively construct social reality by assigning specific roles to judges; cognitive linguistics to analyze metaphorical models as modes of thought; gender analysis to interpret these models within the context of cultural codes of masculinity and femininity; and narrative analysis to understand how these metaphors form a coherent narrative about the judiciary. The empirical basis of the study is comprised of articles from the professional journals "Judicature" and "Law and Contemporary Problems", which allowed for the identification of gender metaphorical patterns characteristic of contemporary American legal discourse. The study identified trends toward overcoming gender binaries and the formation of a "synthetic" professional judicial identity that integrates the values of strength and resilience, as well as empathy and mutual support.

Key words: legal discourse, gender metaphors, masculinity, femininity, professional identity, narrative.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-48-54

Исторически западная правовая традиция формировалась в маскулинной парадигме: От римского *pater familias* до философии общественного договора закон и государство мыслились как инструменты контроля над «естественным хаосом». Такая логика закрепила бинарную оппозицию: маскулинное ассоциируется с порядком, силой и контролем, тогда как феминное – с уязвимостью, зависимостью и необходимостью защиты.

Современные исследования показывают, что юридический дискурс, традиционно мыслимый как объективный и нейтральный, при более внимательном рассмотрении проявляет укорененность в культурных архетипах, в том числе гендерно маркированных, и воспроизводит гендерные стереотипы как на уровне языка, так и на уровне институциональных практик. Работы в области гендерной лингвистики и семиотики указывают на различия в речевом поведении судей, принадлежащих к разным гендерным группам, которые интерпретируются как маркеры статуса и авторитета [12; 13]. Одновременно эмпирические исследования судебной практики показывают, что гендер может влиять на восприятие решений судей и их профессиональную легитимность [4; 10].

Связующим звеном между гендерной проблематикой и юридическим языком выступает метафора. Будучи фундаментальным когнитивным механизмом [1; 7], она не только концептуализирует абстрактные правовые категории [3; 16], но и закрепляет в них гендерные стереотипы, что находит отражение в дискурсивных практиках суда [2; 6; 17]. Комплексное исследование маскулинных и феминных метафор как основы

нарратива современного американского юридического дискурса о судьях приобретает особую значимость в контексте кризисных явлений, поскольку в периоды нестабильности метафоры наиболее ярко отражают трансформацию профессиональной идентичности [11].

Эмпирическую базу исследования составили статьи научных профессиональных журналов *Judicature* и *Law and Contemporary Problems* (2023–2026 гг.), посвященные верховенству права в кризисные времена [15]; защите судебной системы от жесткой критики [5; 8]; благополучию судей [11; 18]; кризису доверия к судебной власти [14]; и роли профессиональных ассоциаций в укреплении общественного доверия в условиях публичной критики [9]. Проведенный анализ выявил три группы метафор: **маскулинные** (образы силы, контроля, защиты); **феминные** (образы уязвимости, заботы, взаимосвязи); **синтетические** (преодолевающие гендерную бинарность). Рассмотрим каждую группу подробно.

Маскулинные метафоры представляют судебную власть в образе активного субъекта (воина, защитника, укротителя, строителя), который наводит порядок и защищает устои.

Судебная система описывается через военный нарратив как **поле боя**: *judges under siege* (судьи в осаде), *unjust and unsubstantiated attacks* (несправедливые и необоснованные нападения), *assault on judicial independence* («атака»/посягательство на независимость судебной власти), *ringing the alarm on threats to the Judiciary* (бить тревогу по поводу угроз в адрес судебной системы), *undermine public support for courts* (подорвать общественную поддержку судов), *come to their defense* (встать на их защиту), *bashing of judges* («избиение» судей/нападки на судей), *being hammered daily* (ежедневно «быть битыми молотом»/подвергаться жестокой критике), *circle the wagons* (занять оборонительную позицию). Метафоры физического насилия создают нарратив осады, в котором судьи выступают в роли воинов, мобилизующихся для отражения атак.

Одновременно судебная система предстает как **несущая опора**: *the backbone of constitutional democracy* (опора конституционной демократии), *fortify judicial resilience* (укреплять устойчивость судебной системы), *bolster faith in the judiciary* (поддерживать веру в судебную систему), *social stability* (социальная стабильность). Здесь право представляется как конструкция, требующая укрепления, а судья выступает ее «несущим элементом», апеллируя к маскулинному идеалу порядка и контроля.

Другой ряд метафор представляет власть как **необузданную силу, требующую укрощения**: *to bridle those who wield power* (обуздать тех, кто обладает властью), *the enterprise of disciplining power* (деятельность по дисциплинированию власти), *temper power* («укрощать»/сдерживать власть). Судьи выступают укротителями, цивилизаторами, наводящими порядок. Образ восходит к глубокой древности, где приручение дикой природы было исключительно мужским занятием.

Судебная деятельность описывается через образы **строительства и планирования**: *a lumberjack saves time when he takes the time to sharpen his ax* (лесоруб экономит время, когда точит свой топор), *a road map for continued action* (дорожная карта для дальнейших действий), *infrastructure of democracy* (инфраструктура демократии). В отличие от феминной ценности заботы о других, здесь судья выступает в образе лесоруба, который «точит топор» (заботится о себе) для эффективного выполнения профессиональных задач, подчеркивая рациональный подход к профессиональной деятельности.

Феминные метафоры акцентируют человеческую сторону правосудия, хрупкость институтов и ценностей, требующих заботы и внимания, а общество представляют как сеть взаимных связей.

Судебная система раскрывается через образы **болезни и уязвимости**, приводящие к медленной деградации: *a corroding effect within the public* (разрушительное воздействие на общественность), *feel vulnerable* (чувствовать уязвимость), *the withering of public confidence* (угасание общественного доверия), *a choked and coarsened conscience*

(задушенная и огрубевшая совесть), *toxins invade that environment* (токсины проникают в эту среду).

Судьи предстают как хранители и воспитатели, а их контролирующая функция сменяется на **заботу и поддержку**: *to secure and nurture communities* (обеспечивать и возвращать сообщества), *conservators of the law* (хранители закона), *civic education* (гражданское образование), *user-friendly changes* (изменения, ориентированные на пользователя). Термин из языка сферы услуг смещает акцент с абстрактных принципов на потребности человека и заботу о нем.

Особое место занимают метафоры, связанные с **эмоциональным опытом** судей (стрессом, одиночеством и др.): *mental health stigma* (стигма психического здоровья), *challenges with isolation and shame* (проблемы, связанные с изоляцией и чувством стыда), *barrier to help-seeking* (препятствие для обращения за помощью), *judges are human* (судьи тоже люди), *not immune to negative feelings* (не застрахованы от негативных эмоций), *примеры судей, публично рассказывающих о депрессии*. Стигматизация психического здоровья создает образ судьи, запертого в ловушке собственного страха и стыда. Публичные рассказы судей о депрессии свидетельствуют о человеческой стороне профессии и являются актом профессиональной зрелости.

Профессиональное сообщество судей описывается как **сеть взаимосвязей**: *fellowship of mutuality* (сообщество взаимной поддержки), *collaborate with judicial peers* (сотрудничать с коллегами-судьями), *grow habits of meaningful mutual support* (культивировать привычки значимой взаимной поддержки), *peer support* (поддержка коллег), *common bond* (общая связь), *a culture of civility and respect* (культура вежливости и уважения), *obtaining social support* (получение социальной поддержки), *recognition of common membership* (признание общей принадлежности). Образ взаимных обязательств формирует нарратив эмпатии и коллективной заботы, традиционно ассоциируемый с феминностью.

Синтетические метафоры демонстрируют эволюцию дискурса через смешение гендерных кодов: маскулинная метафора начинает служить феминной цели, и наоборот.

Например, метафора *a wide coalition of stakeholders* (широкая коалиция заинтересованных сторон) демонстрирует синтез в следующем контексте: *a wide coalition of stakeholders is required to make the courts healthy places to work* (для создания благоприятной рабочей атмосферы в судах необходима широкая «коалиция»/объединение заинтересованных сторон). Термин «коалиция» из военно-политического лексикона несет маскулинную окраску объединения для борьбы, однако служит феминной цели сделать суды более благоприятным местом работы.

Метафора *dig out* (откапываться из-под завала) описывает последствия пандемии: *a backlog from which judges across the country are still working to dig out* (накопившийся объем дел, с которым судьи по всей стране до сих пор пытаются справиться). Маскулинный образ физического труда служит феминной задаче восстановления системы после кризиса.

Метафора *shoulder the burden* (нести бремя) сохраняет маскулинный образ индивидуальной ответственности, но используется для ее критики: *nor should individual judges shoulder the entire burden of fortifying their wellness* (судьи не должны в одиночку нести всю тяжесть ответственности за укрепление своего благополучия). Маскулинная метафора начинает работать на феминную идею распределенной заботы.

Наиболее емкой синтетической метафорой является *to upend the scales of justice* (опрокинуть весы правосудия). Традиционный символ равновесия «весы», восходящий к Фемиде, нарушается грубым маскулинным действием. Несправедливость воспринимается как насилие над хрупкой гармонией, где главная угроза правосудию заключена в нарушении баланса.

Предложенная классификация метафор на маскулинные и феминные основана на их образной форме и культурных коннотациях. Однако дискурсивный анализ с использованием критического и нарративного подходов показал переход от бинарной модели к более сложной системе смыслов: ряд метафор начинают служить целям

противоположного гендерного кода, формируя синтетическую метафорическую модель. В условиях кризиса особенно активизируются феминные метафоры, которые снимают гендерную бинарность. В результате формируется альтернативный нарратив о судебной системе в целом: от образа власти как силы дискурс смещается к представлению о ней как о хрупком организме, нуждающемся в заботе; суды перестают быть только «крепостью» и начинают осмысляться как «сообщество»; а профессиональная идентичность судьи обретает целостность за счет единения «маскулинных» ценностей силы и контроля и «феминных» ценностей заботы и эмпатии.

1. Богачева Е.А. Дискурсивный подход к изучению манипуляционных метафор в англоязычном юридическом дискурсе // *Язык науки и профессиональная коммуникация*. 2022. № 1 (6). С. 71–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-podhod-k-izucheniyu-manipulyatsionnyh-metapor-v-angloyazychnom-yuridicheskom-diskurse> (дата обращения: 12.01.2026).
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / [пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой]. М., 2008.
3. Яроуцук И.А. Прагматика метафоры в языке права: гносеологический аспект // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2025. № 4. С. 852–866. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-metaphory-v-yazyke-prava-gnoseologicheskij-aspekt> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Ash E., Chen D.L., Ornaghi A. Gender Attitudes in the Judiciary: Evidence from US Circuit Courts // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2024. No. 1. P. 314–350. URL: <https://ouci.dntb.gov.ua/en/works/40ZVVgP9/> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Kaminsky M. Mobilizing the Legal Profession to Defend the Judiciary // *Judicature*. 2025. Vol. 109. No. 1. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/mobilizing-legal-profession-to-defend-the-judiciary/> (дата обращения: 10.01.2026).
6. Kordić L. Metaphors Lawyers Live by // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2023. Vol. 36. No. 4. P. 1639–1654. DOI: 10.1007/s11196-023-09975-0.
7. Larsson S. The Embodied Law // *Conceptions in the Code: How Metaphors Explain Legal Challenges in Digital Times*. New York, 2017. P. 55–78. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190650384.003.0003> (дата обращения: 10.01.2026).
8. Levi D.F., Griffith T.B., Grimm P.W., Hecht N., McCormack B.M., Spaulding S. Judges Under Siege: Threats, Disinformation, and the Decline of Public Trust in the Judiciary // *Judicature*. 2024. Vol. 108. No. 2. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/judges-under-siege/> (дата обращения: 14.01.2026).
9. Levin L.C. Mere Words: The Role of Bar Organizations in Maintaining Public Support for the Judiciary // *Law and Contemporary Problems*. 2024. No. 87. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol87/iss1/9> (дата обращения: 14.01.2026).
10. Livermore M. A., Varsava N., Carlson K., Rockmore D.N. Gendered Judicial Opinions // *Journal of Law & Empirical Analysis*. 2024. Vol. 1. No. 1. P. 134–148. DOI: 10.1177/2755323X241233470. URL: <https://sage.cnpereading.com/paragraph/article/?doi=10.1177/2755323X241233470> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Maroney T.A., Swenson D.X., Bibelhausen J., Marc D. The State of Judges' Well-Being: A Report on the 2019 National Judicial Stress and Resiliency Survey // *Judicature*. 2023. Vol. 107. No. 1. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/the-state-of-judges-well-being-a-report-on-the-2019-national-judicial-stress-and-resiliency-survey/> (дата обращения: 10.01.2026).
12. Núñez C., Williams L., Wingate D., Christensen A., Walker A.M. "Women's Language" in Supreme Court Oral Arguments // *The University of Colorado Law Review*. Issue 1. Vol. 97. 2026. URL: <https://lawreview.colorado.edu/print/volume-97/womens-language-in-supreme-court-oral-arguments-carolina-nunez-lucy-williams-david-wingate-aerin-christensen-anna-mae-walker/> (дата обращения: 12.01.2026).
13. Ofori D.D., Gyimah Manu J., Sanka M., Washew S. The Role of Conceptual Metaphors in Public Perception of Ghanaian Court Judgments // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2025. DOI: 10.1007/s11196-025-10384-8. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11196-025-10384-8#citeas> (дата обращения: 11.02.2026).

14. Patterson Sh., Levendusky M., Winneg K., Jamieson K.H. *The Withering of Public Confidence in the Courts* // *Judicature*. 2024. Vol. 108. No. 1. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/the-withering-of-public-confidence-in-the-courts/> (дата обращения: 10.01.2026).
15. Postema G.J. *An "Almost Sacred Responsibility": The Rule of Law in Times of Peril* // *Judicature*. 2024. Vol. 107. No. 3. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/an-almost-sacred-responsibility-the-rule-of-law-in-times-of-peril/> (дата обращения: 10.01.2026).
16. Richard I. *Metaphors in English for law: Let us keep them* // *Lexis – E-Journal in Lexicology*. 2014. Vol. 8, *Metaphor Studies in the English Language*. P. 1–19. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/251> (дата обращения: 11.03.2026).
17. Sun Y., Zhu X., Liu K. *Judicial Jigsaw and Power Dynamics: A Cognitive-Functional Analysis of Chinese Courtroom Discourse* // *International Journal of Legal Discourse*. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 181–207. DOI: 10.1515/ijld-2025-2009. URL: <https://www.mendeley.com/catalogue/a631accd-377e-3b78-bc54-89c515a2eef3/> (дата обращения: 12.01.2026).
18. Telfer T.G.W. *Judicial Well-Being and Mindfulness* // *Judicature*. 2025. Vol. 109. No. 2. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/judicial-well-being-and-mindfulness/> (дата обращения: 12.01.2026).
1. Bogacheva E.A. *Diskursivnyy podkhod k izucheniyu manipulyatsionnykh metafor v angloyazychnom yuridicheskom diskurse* // *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya*. 2022. № 1 (6). S. 71–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-podhod-k-izucheniyu-manipulyatsionnyh-metafor-v-angloyazychnom-yuridicheskom-diskurse> (дата обращения: 12.01.2026).
2. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* / [per. s angl. A.N. Baranova, A.V. Morozovoy]. M., 2008.
3. Yaroshchuk I.A. *Pragmatika metafor v yazyke prava: gnoseologicheskiy aspekt* // *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2025. № 4. С. 852–866. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-metafor-v-yazyke-prava-gnoseologicheskiy-aspekt> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Ash E., Chen D.L., Ornaghi A. *Gender Attitudes in the Judiciary: Evidence from US Circuit Courts* // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2024. No. 1. P. 314–350. URL: <https://ouci.dntb.gov.ua/en/works/40ZVVgP9/> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Kaminsky M. *Mobilizing the Legal Profession to Defend the Judiciary* // *Judicature*. 2025. Vol. 109. No. 1. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/mobilizing-legal-profession-to-defend-the-judiciary/> (дата обращения: 10.01.2026).
6. Kordić L. *Metaphors Lawyers Live by* // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2023. Vol. 36. No. 4. P. 1639–1654. DOI: 10.1007/s11196-023-09975-0.
7. Larsson S. *The Embodied Law // Conceptions in the Code: How Metaphors Explain Legal Challenges in Digital Times*. New York, 2017. P. 55–78. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190650384.003.0003> (дата обращения: 10.01.2026).
8. Levi D.F., Griffith T.B., Grimm P.W., Hecht N., McCormack B.M., Spaulding S. *Judges Under Siege: Threats, Disinformation, and the Decline of Public Trust in the Judiciary* // *Judicature*. 2024. Vol. 108. No. 2. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/judges-under-siege/> (дата обращения: 14.01.2026).
9. Levin L.C. *Mere Words: The Role of Bar Organizations in Maintaining Public Support for the Judiciary* // *Law and Contemporary Problems*. 2024. No. 87. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol87/iss1/9> (дата обращения: 14.01.2026).
10. Livermore M. A., Varsava N., Carlson K., Rockmore D.N. *Gendered Judicial Opinions* // *Journal of Law & Empirical Analysis*. 2024. Vol. 1. No. 1. P. 134–148. DOI: 10.1177/2755323X241233470. URL: <https://sage.cnpereading.com/paragraph/article/?doi=10.1177/2755323X241233470> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Maroney T.A., Swenson D.X., Bibelhausen J., Marc D. *The State of Judges' Well-Being: A Report on the 2019 National Judicial Stress and Resiliency Survey* // *Judicature*. 2023. Vol. 107. No. 1. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/the-state-of-judges-well-being-a-report-on-the-2019-national-judicial-stress-and-resiliency-survey/> (дата обращения: 10.01.2026).
12. Núñez C., Williams L., Wingate D., Christensen A., Walker A.M. *"Women's Language" in Supreme Court Oral Arguments* // *The University of Colorado Law Review*. Issue 1. Vol. 97. 2026. URL: <https://lawreview.colorado.edu/print/volume-97/womens-language-in-supreme->

- court-oral-arguments-carolina-nunez-lucy-williams-david-wingate-aerin-christensen-anna-mae-walker/ (data obrashcheniya: 12.01.2026).
13. Ofosu D.D., Gyimah Manu J., Sanka M., Washew S. *The Role of Conceptual Metaphors in Public Perception of Ghanaian Court Judgments* // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2025. DOI: 10.1007/s11196-025-10384-8. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11196-025-10384-8#citeas> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
14. Patterson Sh., Levendusky M., Winneg K., Jamieson K.H. *The Withering of Public Confidence in the Courts* // *Judicature*. 2024. Vol. 108. No. 1. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/the-withering-of-public-confidence-in-the-courts/> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
15. Postema G.J. *An "Almost Sacred Responsibility": The Rule of Law in Times of Peril* // *Judicature*. 2024. Vol. 107. No. 3. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/an-almost-sacred-responsibility-the-rule-of-law-in-times-of-peril/> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
16. Richard I. *Metaphors in English for law: Let us keep them* // *Lexis – E-Journal in Lexicology*. 2014. Vol. 8, *Metaphor Studies in the English Language*. P. 1–19. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/251> (data obrashcheniya: 11.03.2026).
17. Sun Y., Zhu X., Liu K. *Judicial Jigsaw and Power Dynamics: A Cognitive-Functional Analysis of Chinese Courtroom Discourse* // *International Journal of Legal Discourse*. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 181–207. DOI: 10.1515/ijld-2025-2009. URL: <https://www.mendeley.com/catalogue/a631accd-377e-3b78-bc54-89c515a2eef3/> (data obrashcheniya: 12.01.2026).
18. Telfer T.G.W. *Judicial Well-Being and Mindfulness* // *Judicature*. 2025. Vol. 109. No. 2. URL: <https://judicature.duke.edu/articles/judicial-well-being-and-mindfulness/> (data obrashcheniya: 12.01.2026).

Информация об авторе

Елена Валерьевна Волгина,
Саратовская государственная юридическая
академия (Саратов, Россия).
410056, Россия, Саратовская область,
Саратов, ул. Вольская, д. 1.
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков.
Научные интересы: юрислингвистика,
терминоведение, гендерная лингвистика.
ORCID ID: 0000-0001-6381-8641
SPIN-код: 7791-5197, AuthorID: 706140
E-mail: elenavolgina46@gmail.com

Поступила в редакцию 23.03.2026;
одобрена после рецензирования 29.05.2026;
принята к публикации 29.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Elena V. Volgina,
Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).
410056, Russia, Saratov region,
Saratov, Volskaya str., 1.
Candidate of Sciences in Philology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages.
Research interests: legal linguistics, terminology,
gender linguistics.
ORCID ID: 0000-0001-6381-8641
SPIN-код: 7791-5197, AuthorID: 706140
E-mail: elenavolgina46@gmail.com

The article was submitted 23.03.2026;
approved after reviewing 29.05.2026;
accepted for publication 29.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Волгина, Е.В. Маскулинные и феминные метафоры как основа нарратива англоязычного юридического дискурса: от бинарности к синтезу // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 48–54. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-48-54.

For citation: Volgina, E.V. Masculine and feminine metaphors as the basis of the narrative of english-language legal discourse: from binarity to synthesis // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 48–54. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-48-54.

Права: © Е.В. Волгина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

А.И. Кривоносова
A.I. Krivonosova

**КОНЦЕПТ ГОСТЕПРИИМСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
 ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
 (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
 ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ)**

**THE CONCEPT OF HOSPITALITY IN A LITERARY TEXT:
 LEXICO-SEMANTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS
 (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH LITERARY TRADITIONS)**

В статье рассматривается концепт гостеприимства как значимый элемент художественного текста, реализующийся на лексико-семантическом и прагматическом уровнях. Материалом исследования послужили произведения русской и англоязычной литературных традиций, в которых ситуации приема, визита, допуска и отказа формируют устойчивые коммуникативные модели и оказывают влияние на развитие сюжета и характер межперсонажного взаимодействия. Анализ направлен на выявление языковых средств репрезентации гостеприимства, описание их семантических характеристик и прагматических функций в контексте художественного повествования. Особое внимание уделяется гостеприимству как когнитивному сценарию, включающему пространственные, ролевые и ценностные параметры, а также механизм его текстовой актуализации. Результаты исследования позволяют уточнить специфику функционирования концепта гостеприимства в различных литературных традициях и определить его роль в моделировании культурных и межличностных отношений в художественном тексте.

Ключевые слова: гостеприимство, концепт, лексико-семантический анализ, прагматический анализ, художественный текст, русская и англоязычная литература.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ГАУГН «Взаимодействие историко-культурных традиций и глобальных тенденций: устойчивость и трансформации ценностей в мировой истории» (FZNF-2026-0003).

The article examines the concept of hospitality as a significant element of a literary text, implemented at the lexico-semantic and pragmatic levels. The research material is based on works of Russian and English literary traditions, in which the situations of reception, visit, admission and refusal form stable communicative models and influence the development of the plot and the nature of interpersonal interaction. The analysis is aimed at identifying linguistic means of representing hospitality, describing their semantic characteristics and pragmatic functions in the context of artistic narrative. Special attention is paid to hospitality as a cognitive scenario, including spatial, role and value parameters, as well

as the mechanisms of its textual actualization. The results of the study make it possible to clarify the specifics of the functioning of the concept of hospitality in various literary traditions and determine its role in modeling cultural and interpersonal relations in a literary text.

Key words: *hospitality, concept, lexico-semantic analysis, pragmatic analysis, literary text, Russian and English literature.*

The research was carried out within the framework of the project "Interaction of historical and cultural traditions and global trends: sustainability and transformation of values in world history" (FZNF-2026-0003).

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-55-66

Понятие гостеприимства занимает особое место в гуманитарном знании, поскольку соотносится с базовыми представлениями о границе между своим и чужим, допустимым и недопустимым, открытым и закрытым. В художественной литературе гостеприимство редко выступает как нейтральная социальная практика. Этот концепт оказывается нагруженным ценностно и прагматически, становясь формой испытания персонажей, пространством конфликта или зоной временного согласия.

В исследованиях последних десятилетий внимание к концептам как когнитивным и культурным образованиям существенно расширилось, однако гостеприимство чаще рассматривается в философском, антропологическом или этическом контексте [6, 13–15]. Его функционирование в художественном тексте, особенно на уровне конкретных языковых и коммуникативных механизмов, до сих пор остается фрагментарно описанным. Между тем именно литературное произведение позволяет проследить, как нормативные модели гостеприимства трансформируются, нарушаются или переосмысливаются в зависимости от жанра, авторской позиции и культурной традиции.

Настоящая статья обращается к анализу концепта гостеприимства в художественном тексте с опорой на лексико-семантический и прагматический подходы. В центре внимания находятся ситуации приема, визита, допуска и отказа, а также способы их языковой репрезентации. Материал исследования включает произведения русской и англоязычной литературных традиций, что позволяет рассмотреть, как универсальные, так и культурно-специфические черты данного концепта. Такой сопоставительный ракурс дает возможность выявить устойчивые коммуникативные сценарии гостеприимства и проследить их роль в формировании смысловой структуры художественного текста.

Методологической основой исследования послужил комплексный подход, объединяющий лексико-семантический анализ, прагматику художественного текста и элементы герменевтического и семиотического чтения. Концепт гостеприимства рассматривается как многослойное образование, включающее языковую, когнитивную и культурную составляющие, что предполагает обращение к различным уровням текстовой организации.

Герменевтическая перспектива, в частности идеи Гадамера о диалогической природе понимания позволяет рассматривать гостеприимство как форму взаимодействия между автором и читателем, реализующуюся через игру ожиданий и интерпретаций [4, 175–178]. Художественный текст в данном случае отражает социальные нормы и вовлекает читателя в процесс их осмысления и пересмотра.

Важным теоретическим ориентиром выступают положения Ю. Кристевой о специфике женского письма и интертекстуальности, что особенно значимо при анализе текстов, созданных женщинами-авторами [8, 45–63]. Гостеприимство в этих произведениях нередко оказывается связано с телесным, пространственным и эмоциональным опытом, выходящим за рамки традиционных нормативных моделей.

Идеи Р. Барта о смещении авторской инстанции и о «удовольствии от текста» используются для анализа тех эпизодов, в которых сцены гостеприимства приобретают

амбивалентный характер и допускают множественность прочтений [1, 9–32]. В этом контексте значимым становится не только то, что изображено, но и то, каким образом читатель вовлекается в интерпретацию происходящего.

Прагматический анализ направлен на выявление коммуникативных сценариев гостеприимства, включая распределение ролей между участниками, стратегию речевых актов и последствия нарушения или отказа от гостеприимства. Дополнительно привлекаются элементы семиотического анализа пространства, восходящие к работам У. Эко, где дом, комната или порог рассматриваются как знаковые структуры, организующие повествование [14, 15–34].

Таким образом, выбранная методология позволяет рассмотреть концепт гостеприимства в художественном тексте как динамическую систему, в которой языковые средства, коммуникативные практики и культурные коды взаимодействуют, формируя сложное поле смыслов.

Материалом исследования послужили художественные тексты русской и англоязычной литературных традиций, в которых представлены развернутые сцены приема, визита, допуска в пространство дома или отказа в гостеприимстве. В качестве русскоязычного корпуса были выбраны произведения Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы», Е.П. Ростопчиной «Счастливая женщина» и «Нелюдимка», а также К.К. Павловой «Двойная жизнь». Данные тексты объединяет обращение к повседневным и пограничным коммуникативным ситуациям, в которых гостеприимство выступает значимым элементом сюжетной и смысловой организации. Англоязычный корпус включает произведения Дж. Остин «Emma», Ш. Бронте «Jane Eyre» и Э. Бронте «Agnes Grey», в которых мотивы визита, временного пребывания, допуска и исключения из домашнего пространства играют важную роль в формировании отношений. Выбор данных текстов обусловлен их репрезентативностью для соответствующих литературных традиций и возможностью сопоставительного анализа языковых и прагматических механизмов репрезентации гостеприимства.

Все рассматриваемые произведения доступны в общепринятых академических изданиях и электронных репозиториях, что обеспечивает воспроизводимость анализа. Корпус текстов позволяет выявить устойчивые лексико-семантические модели и прагматические сценарии гостеприимства, а также проследить различия в их функционировании в русской и англоязычной литературе.

Лексико-семантическая репрезентация концепта гостеприимства. В романе Ш. Бронте «Jane Eyre» концепт гостеприимства последовательно раскрывается через лексику пространства дома, приема и допуска, а также через описания пограничных ситуаций, связанных с пребыванием героини в чужом доме. Уже в ранних главах роман формирует устойчивую оппозицию между защищенным внутренним пространством и внешним миром, где героиня оказывается уязвимой и лишенной права на принятие. Сцена пребывания Джейн в доме Ридов демонстрирует модель формального, но фактически отказанного гостеприимства. Лексика, описывающая ее положение, включает слова и выражения, маркирующие исключение и дистанцию, такие как *outcast*, *dependent*, *unwanted* [17, 5–7]. Дом, который должен выполнять функцию защиты, оказывается пространством символического изгнания. Таким образом, гостеприимство здесь представлено не как акт приема, а как его отрицание, закрепленное на уровне языкового описания.

В эпизодах, связанных с Ловудской школой, гостеприимство приобретает иной характер. Оно выражено через лексику строгости, дисциплины и аскетизма, что формирует модель институционального приема. Слова *order*, *rule*, *plain fare* сопровождают описание пространства и подчеркивают условность допуска в сообщество [17, 54–56]. Гостеприимство в данном случае не предполагает эмоционального принятия, однако обеспечивает минимальные условия существования, что позволяет говорить о его нормативной, ограниченной форме.

Особое значение для анализа концепта гостеприимства имеет образ Торнфилд-холла. Здесь лексика приема и допуска сочетается с элементами тайны и неопределенности. Описания интерьера, использование слов *threshold*, *hall*, *chamber* формируют семантическое поле пространства, где гостеприимство оказывается сопряжено с сокрытием и напряжением [17, 112–115]. Джейн принимают в дом, однако ее статус остается неопределенным, что отражается в языковом оформлении сцен визита и проживания.

Лексико-семантический анализ романа «Jane Eyre» позволяет выделить несколько моделей гостеприимства, различающихся по степени открытости и условиям допуска. На уровне языка гостеприимство репрезентируется как динамическая категория, варьирующаяся от явного отказа до условного принятия, что обусловлено положением героини в социальной иерархии и структурой повествования.

Концепт гостеприимства в тексте Э. Бронте «Agnes Grey» реализуется в форме ограниченного или скорее условного допуска, что определяется статусом героини и условий ее гувернантской службы. Уже первые эпизоды пребывания Агнес в доме семьи Блумфилдов выстраиваются через лексику формальной вежливости, за которой скрывается отчуждение. Описания ее статуса сопровождаются словами *stranger*, *dependent*, *outsider*, подчеркивающими отсутствие подлинного принятия [16, 21–23].

Дом, в котором Агнес живет и работает, формально открыт для нее, однако лексика интерьера и повседневных взаимодействий фиксирует жесткую иерархию. Пространство распределено таким образом, что героиня постоянно оказывается «на периферии» домашней жизни. Упоминания отдельных комнат, запретов на участие в семейных трапезах и подчеркнутая дистанция в коммуникативном поведении формируют семантическое поле гостеприимства как терпимого присутствия, лишенного эмоционального содержания [16, 34–36]. В данном случае гостеприимство выступает как социальная обязанность. С точки зрения прагматики, коммуникативные акты в этих сценах направлены на постоянное напоминание о ее временном и зависимом положении. Это соответствует наблюдениям Ю. Кристевой о женском тексте, в котором пространство дома нередко оказывается местом скрытого давления и символического исключения [8, 52–55].

Если говорить о романе Дж. Остин «Emma», то модель гостеприимства здесь приобретает иной характер, и она тесно связана с социальным ритуалом визитов и приемов. Лексика гостеприимства здесь включает устойчивые формулы приглашения, визита и совместного пребывания, такие как *to call on*, *to receive*, *to invite*, которые структурируют повествование и задают ритм социальной жизни персонажей [15, 67–69]. Дом в «Emma» становится пространством наблюдения и интерпретации, а гостеприимство выступает некой формой социального взаимодействия, подчиненной негласным правилам.

Особое значение имеют сцены визитов, в которых нарушение или отклонение от норм гостеприимства приобретает прагматическое значение. Так, отказ от визита или задержка приглашения интерпретируются персонажами как знак социальной дистанции или скрытого конфликта [15, 102–104]. Здесь уместно обратиться к идее Х. Гадамера о «игре» как модели социального и художественного опыта, где каждый жест приобретает смысл только в рамках общего контекста взаимодействия [5, 87–90].

В отличие от «Jane Eyre» и «Agnes Grey», где гостеприимство связано с уязвимостью и зависимостью героини, в «Emma» оно функционирует как инструмент социального контроля. В тексте гостеприимство остается условным. За внешней вежливостью персонажей скрываются оценки, ожидания, что позволяет говорить о его нормативном и регулирующем характере. В этом аспекте сцены приема и визита подтверждают наблюдения Р. Барта о тексте как пространстве множественных смыслов, где внешне нейтральные действия порождают различные интерпретации у читателя [1, 18–20]. Анализ англоязычных текстов показывает, что концепт гостеприимства реализуется через устойчивые лексико-семантические поля, связанные с домом, визитом и допуском, однако наполняется различным содержанием в зависимости от жанра и социального контекста. Гостеприимство в этих произведениях выступает как регулируемый

коммуникативный механизм, который показывает структуру социальных отношений и положение женского субъекта в пространстве дома.

Романы «Jane Eyre», «Agnes Grey» и «Emma» объединяет принадлежность к англоязычной литературной традиции XIX века и сходный способ организации повествования вокруг женского субъекта, чье имя вынесено в заглавие. Мы полагаем, что заглавие в данном случае выполняет структурообразующую функцию, фиксируя точку зрения, через которую читатель воспринимает изображаемые события.

Во всех трех произведениях гостеприимство оказывается тесно связано с положением героини в пространстве дома и общества. Дом не является нейтральным фоном. Дом как живой персонаж постоянно проверяет границы допустимого присутствия. Джейн Эйр и Агнес Грей включены в чужое пространство на правах условного допуска. Эмма Вудхаус, обладая формальным контролем над домом, сама регулирует правила приема и исключения. Несмотря на различие социальных позиций, во всех случаях гостеприимство остается формой социального испытания, а не гарантированным актом принятия.

Вынесение женского имени в заглавие подчеркивает индивидуальность опыта и смещает акцент с событийной логики на внутреннюю перспективу. Гостеприимство здесь и социальный ритуал, и часть процесса самопознания и самоопределения героини. Реципиент вовлекается в оценку каждой сцены приема, визита или отказа через призму субъективного восприятия, что соотносится с герменевтической моделью чтения, в которой смысл возникает в диалоге текста и интерпретатора.

Показательно, что в русских текстах, выбранных для анализа, имена героинь не выносятся в заглавие. Заголовки «Записки кавалерист-девицы», «Счастливая женщина», «Нелюдимка», «Двойная жизнь» фиксируют социальную роль или форму существования. Это различие указывает на иную модель репрезентации женского опыта, где акцент смещен с персональной идентичности на положение в системе социальных и культурных координат.

Романы с женскими именами в заглавии демонстрируют модель повествования, в которой гостеприимство осмысливается через индивидуальный опыт героини и ее взаимодействие с пространством дома. Русская традиция склонна к типологизации и обобщению, что предопределяет иной способ включения мотива гостеприимства в структуру художественного текста. Сопоставление англоязычных романов с женскими именами в заглавии позволяет обозначить важную методологическую границу перед обращением к русскому материалу. В английской традиции индивидуальное имя в заглавии фиксирует субъектную перспективу и задает рамку интерпретации, внутри которой сцены гостеприимства прочитываются как часть личного опыта героини. Так, уже в «Jane Eyre» дом Ридов обозначается как пространство формального допуска, лишённого принятия: «I was a discord in Gateshead Hall» [17, 4], что сразу задает отрицательную модель гостеприимства как исключения.

Русские тексты XIX века демонстрируют иную стратегию. Отказ от номинативного заглавия в пользу обозначения социального статуса или состояния смещает акцент с индивидуальной биографии на типологическую модель существования. Это различие предопределяет иное функционирование мотива гостеприимства, который в русской литературе чаще соотносится не с самопознанием героини, а с ее положением в системе социальных иерархий.

В «Записках кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой мотив гостеприимства носит подчеркнуто временный и условный характер. Прием героини в частных домах и на постоянных дворах сопровождается лексикой внешней учтивости без признаков включенности. Так, описывая один из визитов, повествовательница отмечает: «Меня приняли вежливо, но холодно, как принимают проезжего, которого не ждут» [7, 111]. Формула «приняли вежливо» сочетается с указанием на отсутствие ожидания, что создает модель формального гостеприимства без эмоционального содержания.

Пространство дома у Дуровой не закрепляется как место защиты. Напротив, оно остается промежуточным и нестабильным. В другом эпизоде подчеркивается краткость пребывания: «Я не чувствовала себя в доме, а лишь под кровлею» [7, 118]. Лексическое противопоставление «в доме» и «под кровлею» указывает на отсутствие подлинного допуска во внутреннее пространство.

В повести Е.П. Ростопчиной «Счастливая женщина» гостеприимство приобретает характер социального ритуала, за которым скрывается оценка и дистанция. Сцены визитов насыщены формулами внешнего радушия, которые, однако, не подтверждаются внутренним отношением. Героиня фиксирует это расхождение, отмечая: «Меня встретили с улыбкой, но не с сердцем» [12, 226]. Здесь лексика телесного жеста противопоставляется эмоциональной вовлеченности, что создает семантическую модель показного гостеприимства.

В «Нелюдимке» Ростопчиной мотив гостеприимства практически редуцирован и замещен лексикой отказа и уклонения. Дом осмысливается как пространство защиты от вторжения. Героиня подчеркивает нежелательность визитов: «Я не люблю гостей; они нарушают мой покой и требуют того, чего я дать не могу» [11, 265]. Отказ от гостеприимства здесь приобретает форму осознанной стратегии сохранения внутренней автономии.

Особое место занимает повесть К.К. Павловой «Двойная жизнь», где гостеприимство функционирует как внешняя социальная обязанность, не совпадающая с внутренним состоянием героини. Описывая приемы и визиты, Павлова использует лексику формальности: «Дом был полон людей, но пуст для нее» [10, 49]. Это высказывание фиксирует разрыв между физическим присутствием гостей и отсутствием подлинного принятия. Именно это позволяет рассматривать гостеприимство как ритуализированную, лишённую личного смысла практику. Исходя из ранее сказанного, стоит отметить, что в русской литературной традиции концепт гостеприимства репрезентируется преимущественно через лексико-семантические модели условного допуска, формального приема или сознательного отказа. В отличие от англоязычных текстов, где гостеприимство тесно связано с процессом индивидуального самоопределения героини, в русских произведениях оно чаще выступает индикатором социального давления и внутреннего разрыва между внешней ролью и личным опытом.

Сопоставление русскоязычных текстов позволяет выделить общую тенденцию: гостеприимство функционирует как механизм регуляции границ между публичным и интимным. Дом последовательно осмысливается как пространство контроля, самоограничения и защиты. В этом контексте обращение к идеям Анны Фрейд о защитных механизмах личности представляется продуктивным. Формализация приема, дистанцирование от гостей и предпочтение закрытости могут быть интерпретированы как стратегии психологической защиты, направленные на сохранение устойчивости субъекта в условиях социального давления [13, 23–45].

Прагматические сценарии гостеприимства. В русскоязычных текстах XIX века гостеприимство проявляется прежде всего, как коммуникативная ситуация с четко распределенными ролями и асимметрией власти. Инициатива приема, условия допуска и допустимые формы поведения определяются хозяином пространства, тогда как гость вынужден подстраиваться под заданный сценарий. Прагматический анализ показывает, что сцены гостеприимства редко направлены на установление равноправного контакта; они служат способом регулирования дистанции и контроля взаимодействия.

Текст «Записки кавалерист-девицы» показывает речевые акты, сопровождающие прием. Они носят сдержанный и формализованный характер. Хозяйская сторона ограничивается краткими репликами, фиксирующими допустимость пребывания, без развития диалога. Показателен эпизод, в котором Дурова отмечает: «Мне указали место и более не обращались ко мне» [7, 121]. Это высказывание отражает прагматическую структуру ситуации: жест допуска присутствует, коммуникативное включение отсутствует.

Молчание функционирует как значимый речевой акт, закрепляющий подчиненное положение гостя.

В прозе Е.П. Ростопчиной прагматическая организация гостеприимства приобретает более сложный характер. В «Счастливой женщине» речевые формулы приема избыточны и ритуализированы. Героиня фиксирует повторяемость одних и тех же выражений участия, которые не влекут за собой продолжения общения: «Мне говорили все, что говорят в подобных случаях» [12, 233]. Здесь стандартная формула выполняет функцию социального сигнала, подтверждающего соблюдение нормы, при этом диалог не переходит в личное взаимодействие. Прагматический эффект подобных реплик заключается в сохранении внешнего порядка и одновременном удержании дистанции.

«Нелюдимка» Ростопчиной демонстрирует коммуникативные сценарии гостеприимства, которые редуцированы до минимальных актов или заменены стратегией уклонения. Персонаж сознательно ограничивает речевое взаимодействие, подчеркивая это прямыми высказываниями: «Я отвечала кратко, чтобы разговор не продолжался» [12, 270]. Краткость реплики здесь выступает как прагматический инструмент завершения контакта. Отказ от развернутого диалога формирует модель контролируемого общения, где гостеприимство утрачивает коммуникативную функцию.

Прагматика гостеприимства «Двойной жизни» строится на расхождении между произносимым и переживаемым. Речевые акты приема исполняются без нарушения формы, однако их содержание оказывается пустым. В одном из эпизодов подчеркивается автоматизм происходящего: «Я говорила приветствия, не вслушиваясь в собственные слова» [10, 52]. Эта реплика фиксирует разрыв между речевым действием и внутренним участием. Гостеприимство превращается в социально обязательную речь, лишенную адресности.

С точки зрения психоаналитической интерпретации, подобные коммуникативные стратегии соотносятся с описанными Анной Фрейд механизмами защиты, направленными на сохранение психологических границ личности [13, 29–41]. Краткость, формальность и уклонение функционируют как способы регулирования эмоциональной нагрузки и предотвращения вторжения в личное пространство. В русских текстах эти механизмы проявляются последовательно и системно, что придает сценам гостеприимства характер напряженного социального ритуала.

В англоязычных романах XIX века сцены гостеприимства организованы как последовательность четко распознаваемых коммуникативных действий, в которых речевой акт приобретает определяющее значение. Приглашение, визит, допуск в дом и отказ сопровождаются формулами, закрепленными в социальной практике и ожидаемыми участниками взаимодействия. Прагматический анализ показывает, что гостеприимство здесь функционирует как регулируемый процесс, предполагающий интерпретацию каждого жеста и высказывания.

Ш. Бронте в своем романе «Jane Eyre» показывает прагматику гостеприимства с точки зрения выстраивания ее вокруг асимметрии статусов персонажей. В эпизодах пребывания Джейн в доме Ридов речевые акты ограничиваются указаниями и распоряжениями, которые не предполагают диалога. Характерна реплика миссис Рид: «Remain where you are; you are a dependent» [17, 9]. Высказывание фиксирует не только положение героини, но и формат коммуникации, в котором гостеприимство сводится к разрешению на физическое присутствие. Речь используется как инструмент закрепления иерархии.

Эпизоды Торнфилд-холла выявляют изменение прагматическую структуру. Допуск в дом сопровождается вежливыми формулами, которые оставляют пространство для интерпретации. Обращение мистера Рочестера «You may sit down» [17, 118] выполняет двойную функцию: оно разрешает действие и одновременно подчеркивает контроль хозяина над ситуацией. Гостеприимство реализуется через управляемую свободу, где каждое разрешение сохраняет след власти.

Коммуникативные сценарии гостеприимства строятся вокруг повторяемых формул дистанции в «Agnes Grey». Речевые акты, адресованные героине, носят предельно нейтральный характер и редко выходят за рамки служебного общения. Показателен эпизод, в котором Агнес отмечает: «I was addressed with civility, but seldom invited into conversation» [16, 37]. Отсутствие приглашения к диалогу приобретает прагматическое значение, обозначая границу допустимого участия в жизни дома.

В «Emma» Дж. Остин прагматика гостеприимства приобретает характер социального кода. Визиты и приемы сопровождаются устойчивыми речевыми формулами, которые интерпретируются персонажами как знаки расположения или отчуждения. Фраза «She was not invited to dine» [15, 164] становится событием повествования, поскольку отсутствие приглашения воспринимается как коммуникативный жест с ясным социальным смыслом. Гостеприимство здесь функционирует как система сигналов, требующих прочтения и оценки.

Речевые акты в «Emma» направлены на поддержание социальной гармонии и одновременно служат инструментом контроля. Вежливость и обходительность сопровождаются ожиданием ответного поведения, что делает гостеприимство частью регулируемой социальной игры. В этом контексте идеи Х.-Г. Гадамера о диалогической природе понимания оказываются продуктивными: значение коммуникативного действия формируется в процессе интерпретации, а не в самом высказывании [5, 87–90].

Прагматический анализ показывает, что гостеприимство в обоих корпусах функционирует как коммуникативная процедура. Слово, пауза и жест распределяют роли и закрепляют границы. Ситуация приема в художественном тексте выступает актом регулирования доступа к дому, к разговору, к приватности. Она задает режим взаимодействия и задает цену присутствия. Англоязычные романы демонстрируют высокую семиотическую насыщенность речевых актов. Приглашение, отказ от приглашения, разрешение сесть, форма обращения приобретают статус социально читаемых сигналов. Высказывания типа «You may sit down» [16, 118] или фиксация отсутствия приглашения «She was not invited to dine» [15, 164] оформляют гостеприимство как систему формальных шагов, в которых смысл возникает из распознаваемой нормы. Здесь действует модель герменевтического чтения: значение жеста определяется контекстом и ожиданием, а интерпретация становится частью повествования. Такая организация материала согласуется с гадамеровским пониманием текста как пространства взаимодействия, в котором смысл реализуется через событие понимания [5, 87–90].

Русскоязычные тексты фиксируют иной прагматический режим. Коммуникативный сценарий разворачивается через сокращение речи, избегание диалога, формализацию приветствий и усиление контролирующих жестов. Реплики типа «Мне указали место и более не обращались ко мне» [7, 121] задают структуру допуска без включения. Сцены Ростопчиной переводят гостеприимство в область социального принуждения и внутренней защиты, где речевой акт служит маркировкой дистанции и сохранения автономии: «Я отвечала кратко, чтобы разговор не продолжался» [12, 270]. В текстах Павловой речевое действие сохраняет внешнюю форму, теряя адресность: «Я говорила приветствия, не вслушиваясь в собственные слова» [10, 52]. Прагматика гостеприимства здесь выражена через режим самоограничения и психологической экономии.

Семиотическая перспектива позволяет уточнить роль пространства, поскольку прагматика гостеприимства опирается на знаковую организацию дома. У Эко пространство читается как система сигналов, где порог, зал, комната, стол формируют правила присутствия и допустимого поведения [14, 15–34]. В англоязычных романах дом чаще выступает сценой социального взаимодействия, с ясными правилами визита и приема. В русских текстах дом приобретает черты защищенной зоны, где гостеприимство сталкивается с задачей сохранения приватности и контроля внутреннего порядка. Семиотика дома формирует прагматику общения.

Дерридианское понимание гостеприимства вводит принципиальную напряженность между нормой и этической предельностью. Художественные тексты демонстрируют, что гостеприимство существует в режиме условий: допуск регламентируется статусом, репутацией, ролью, необходимостью, ожиданием ответной лояльности [6, 13–15]. Условность гостеприимства проявляется в англоязычных романах через социальный протокол, в русскоязычных через психологическую и социальную оборону. В обоих случаях акт приема обнаруживает свою зависимость от правил и границ.

Идеи Барта позволяют описать, как прагматические сцены производят многозначность и включают читателя в работу интерпретации. Формально нейтральные реплики и жесты становятся смыслообразующими, поскольку читаются как знаки отношений, власти, желания дистанции [3, 18–20]. Текст создает напряжение между сказанным и подразумеваемым, между произнесенной формулой и ее эффектом. Читатель постоянно реконструирует скрытую прагматику общения. Текст утрачивает закреплённость за единственным источником значения и разворачивается как поле интерпретации, в котором смысл возникает в процессе чтения [2, 384–386].

Кристева добавляет к этому измерение женского опыта и пограничности. В женских текстах сцены гостеприимства часто связываются с переживанием уязвимости, зависимого положения, вынужденного допуска или вытеснения из пространства дома. Коммуникативные стратегии героинь формируются вокруг управления границами, эмоциональной самозащиты и распределения доступности для Другого [8, 52–55]. Это проявляется и в гегемонистских нарративах Бронте, и в русской прозе, где закрытость и дистанция приобретают смысл сохранения субъекта. Пограничные ситуации гостеприимства сопряжены с переживанием отвращения как реакции на угрозу нарушения границ субъекта, когда чужое вторгается в пространство так называемого «своего» и дестабилизирует идентичность [4, 8–12].

Психоаналитическая перспектива Анны Фрейд уточняет прагматический механизм этих стратегий. Краткость, формальность, избегание разговора, автоматизм приветствий выполняют функцию защиты, регулируя эмоциональную нагрузку и удерживая границы «я» [13, 29–41]. В англоязычных текстах защитные стратегии чаще проявляются в рамках социального протокола и статусной иерархии. В русских текстах они приобретают характер внутренней позиции героини и ее способа выживания в социально заданном пространстве.

Прагматическое сопоставление позволяет сформулировать общий вывод. В обеих традициях гостеприимство выступает механизмом управления границей между своим и чужим, а его коммуникативные формы организуют сюжет и отношения персонажей. Различие проявляется в доминирующем регистре. Англоязычные романы строят прагматику гостеприимства через социально читаемые речевые акты и протокол визита. Русскоязычные тексты акцентируют стратегию дистанции и защиты, где значимым становится сокращение речи, автоматизация формул и усиление приватной границы. Эта разница задает разные модели дома как знакового пространства и разные способы переживания гостеприимства в художественном тексте.

Проведенный анализ подтвердил, что концепт гостеприимства в художественном тексте функционирует как сложная многоуровневая структура, объединяющая языковые, коммуникативные и пространственно-знаковые элементы. Гостеприимство в рассматриваемых произведениях выступает смыслообразующим механизмом, через который литература осмысляет границы допустимого, формы включения и исключения, а также напряжение между публичной нормой и личным опытом.

Лексико-семантический анализ показал, что сцены приема и визита организуются вокруг устойчивых номинаций дома, порога, допуска и временного пребывания. Эти лексемы не являются нейтральными: они задают модальность взаимодействия и маркируют статус персонажа в пространстве повествования. Прагматический анализ выявил, что решающую роль в репрезентации гостеприимства играют речевые акты, молчание, сокращение диалога и автоматизация формул. Семиотическое прочтение

пространства позволило рассмотреть дом как знаковую систему, в которой распределяются роли, ожидания и формы контроля.

Сопоставление русской и англоязычной литературных традиций выявило различие доминирующих моделей гостеприимства. В англоязычных романах гостеприимство преимущественно организуется через социально распознаваемые речевые акты и протокол визита, которые требуют интерпретации и включают читателя в герменевтическую игру смысла. В русскоязычных текстах на первый план выходит стратегия дистанции и защиты, выраженная через формализацию приема, сокращение речи и акцент на приватной границе дома. Эти различия отражают разные культурные способы осмысления пространства и разные модели взаимодействия между субъектом и Другим.

Для наглядного обобщения результатов исследования представляется продуктивным свести ключевые наблюдения в таблицу.

Таблица 1.

Уровень анализа	Англоязычная традиция	Русская традиция
Лексико-семантический	Лексика визита, приглашения, допуска; дом как социальная сцена	Лексика временности, формальности, закрытости; дом как пространство контроля
Прагматический	Речевые акты с ясной социальной читаемостью; значение отсутствия приглашения	Сокращение диалога; автоматизация формул; уклонение как стратегия
Семиотический	Дом как место взаимодействия и интерпретации	Дом как зона защиты и разграничения
Позиция героини	Включенность через социальный протокол	Самоограничение и управление дистанцией
Функция гостеприимства	Регуляция социальных связей	Сохранение личных и психологических границ

Табл. 1. Репрезентация концепта гостеприимства в русской и англоязычной литературных традициях XIX века

Научная новизна исследования заключается в том, что концепт гостеприимства впервые рассмотрен как интегративная система, в которой лексико-семантический, прагматический и семиотический уровни анализа объединены в рамках сопоставительного литературоведческого исследования. В отличие от существующих работ, сосредоточенных преимущественно на философском или этическом понимании гостеприимства, данная работа демонстрирует, каким образом этот концепт функционирует непосредственно в художественном тексте и влияет на организацию повествования.

Новым является также обращение к женским текстам как к пространству, где гостеприимство систематически связано с переживанием пограничности, уязвимости и необходимости защиты. Привлечение идей Х.-Г. Гадамера, Р. Барта, Ю. Кристевой, У. Эко, Ж. Деррида и Анны Фрейд позволило выстроить методологическую рамку, в которой философские, семиотические и психоаналитические подходы соотносятся с конкретным текстовым анализом и не подменяют его.

Практическая и теоретическая значимость работы состоит в возможности применения предложенной модели анализа к более широкому корпусу художественных текстов. Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются изучение

трансформации концепта гостеприимства в литературе XX–XXI веков, анализ автобиографической и модернистской прозы, а также расширение междисциплинарного диалога с культурной антропологией и дискурсивной психологией. Предложенный подход может быть использован как в литературоведческих, так и в лингвокогнитивных исследованиях, ориентированных на анализ культурных концептов в художественном дискурсе.

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 384–391.
 2. Барт Р. Удовольствие от текста. М., 1994.
 3. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.
 4. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 2000.
 5. Гадамер Х.-Г. Что есть истина? // Логос. 1991. № 3. С. 173–190.
 6. Деррида Ж. О гостеприимстве. М., 2011.
 7. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. URL: <https://homeread.net/read/zapiski-kavalerist-devicy-nadezhda-durova?page=3#tx> (дата обращения 08.04.2026).
 8. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу. М., 2004.
 9. Кристева Ю. Силы ужаса: Очерк об отвращении. М., 2003.
 10. Павлова К.К. Двойная жизнь. URL: http://az.lib.ru/p/pawlowa_k_k/text_1847_dvoynaya_zhizn.shtml (дата обращения 08.04.2026).
 11. Ростопчина Е.П. Нелюдимка. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0070.shtml (дата обращения 08.04.2026).
 12. Ростопчина Е.П. Счастливая женищина. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0160.shtml (дата обращения 08.04.2026).
 13. Фрейд А. Психология Я и механизмы психологической защиты. М., 1993.
 14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
 15. Austen J. Emma. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/158> (дата обращения 08.04.2026).
 16. Brontë A. Agnes Grey. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/767> (дата обращения 08.04.2026).
 17. Brontë Ch. Jane Eyre. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/1260> (дата обращения 08.04.2026).
-
1. Bart R. Smert' avtora // Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1989. S. 384–391.
 2. Bart R. Udovol'stviye ot teksta. M., 1994.
 3. Bart R. Fragmenty rechi vlyublennogo. M., 1999.
 4. Gadamer Kh. G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki. M., 2000.
 5. Gadamer Kh.-G. Chto est' istina? // Logos. 1991. № 3. S. 173–190.
 6. Derrida Zh. O gostepriimstve. M., 2011.
 7. Durova N.A. Zapiski kavalerist-devitsy. URL: <https://homeread.net/read/zapiski-kavalerist-devicy-nadezhda-durova?page=3#tx> (data obrashcheniya 08.04.2026).
 8. Kristeva Yu. Semiotika. Issledovaniya po semanalizu. M., 2004.
 9. Kristeva Yu. Sily uzhasa: Ocherk ob otrashchenii. M., 2003.
 10. Pavlova K.K. Dvoynaya zhizn'. URL: http://az.lib.ru/p/pawlowa_k_k/text_1847_dvoynaya_zhizn.shtml (data obrashcheniya 08.04.2026).
 11. Rostopchina E.P. Nelyudimka. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0070.shtml (data obrashcheniya 08.04.2026).
 12. Rostopchina E.P. Schastlivaya zhenshchina. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0160.shtml (data obrashcheniya 08.04.2026).
 13. Freyd A. Psikhologiya Ya i mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity. M., 1993.
 14. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb., 2004.
 15. Austen J. Emma. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/158> (data obrashcheniya 08.04.2026).

16. Brontë A. Agnes Grey. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/767> (data obrashcheniya 08.04.2026).
17. Brontë Ch. Jane Eyre. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/1260> (data obrashcheniya 08.04.2026).

Информация об авторе

Александра Игоревна Кривоносова,
Государственный Академический Гуманитарный
Университет (ГАУГН) (Москва, Россия).
119049, Москва, Мароновский пер., 26
Старший преподаватель,
преподаватель-исследователь.
Научные интересы: герменевтика и семиотика
художественного текста, поэтика и символика
литературных произведений, художественная
деталь, когнитивная лингвистика, анализ
англоязычной литературы.
ORCID ID: 0009-0009-5876-8059
SPIN-код: 5079-2747, AuthorID: 900808
E-mail: akrivonosova@gaugn.ru

Information about the author

Alexandra I. Krivonosova
State Academic University for the Humanities
(GAUGN) (Moscow, Russia).
119049, Moscow, 26 Maronovsky Lane.
Senior Lecturer, Researcher.
Research interests: hermeneutics and semiotics
of the literary text, poetics and symbolism
of literary works, artistic detail,
cognitive linguistics, analysis
of English-language literature.
ORCID ID: 0009-0009-5876-8059
SPIN-code: 5079-2747, AuthorID: 900808
E-mail: akrivonosova@gaugn.ru

Поступила в редакцию 15.03.2026;
одобрена после рецензирования 06.05.2026;
принята к публикации 06.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

The article was submitted 15.03.2026;
approved after reviewing 06.05.2026;
accepted for publication 06.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Кривоносова, А.И. Концепт гостеприимства в художественном тексте: лексико-семантический и прагматический анализ (на материале русской и англоязычной литературных традиций) // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 55–66. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-55-66.

For citation: Krivonosova, A.I. The concept of hospitality in a literary text: lexico-semantic and pragmatic analysis (based on russian and english literary traditions) // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 55–66. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-55-66.

Права: © А.И. Кривоносова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

А.В. Филатова
A.V. Filatova

**СФЕРА-ИСТОЧНИК КРИМИНАЛ КАК СПОСОБ
 МЕТАФОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
 В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ
 БИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**THE *CRIME* SOURCE DOMAIN AS A MEANS OF REALITY
 REPRESENTATION IN POPULAR SCIENCE RUSSIAN LANGUAGE
 BIOLOGY DISCOURSE**

Использование концептуальной метафоры в текстах научно-популярных статей обусловлено, в первую очередь, стремлением популяризировать узкоспециальную область (биологию) для неподготовленных читателей, что приведет к увеличению интереса к данной области знания и уровня образования читателей. Во-вторых, использование концептуальной метафоры значительно облегчает понимание материала при объяснении более сложного (абстрактного) концепта через более простой (конкретный). Человек всегда являлся вершиной мироздания, что особенно прослеживается в парадигме лингвистических исследований, где язык всегда описывался в динамическом аспекте. Существует множество исследований метафоры в гуманитарных науках (например, в философии, психологии), однако, точные науки также изобилуют метафорами, поскольку язык науки метафоричен. Биологический научно-популярный русскоязычный дискурс описывает взаимоотношения между субъектами и объектами данного дискурса в динамике, выявляя особенности такого взаимоотношения: взаимоотношения в мире биологии идентичны отношениям между людьми в преступном мире: субъекты экосообщества нарушают правила и паразитируют на других существах, что нередко приводит к их гибели, однако, также осуществляется борьба с преступностью, выраженная во множестве метафорических номинаций. Стоит отметить, что довольно частотны несовпадения первичного (буквального) и вторичного (метафорического) значений, что говорит о развитии актуального метафорического смысла. Работа выполнена в рамках теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (фрейм, слот), а также отечественного ученого-когнитолога А.П. Чудинова. Теория метафоры прошла эволюцию интерактивного, прагматического и субстанционального подходов. Современный подход к теории концептуальной метафоры включает в себя то, что наша система мышления метафорична. В ходе анализа определяется сфера-цель, на которую направлен концептуальный признак переноса, и сферы-источника, а также рассматривается текстообразующая и дискурсивная функции метафоры: текстообразующая функция описывает метафоры, принадлежащие одной сфере-источнику, а дискурсивная функция метафоры описывает контексты, в которых приведены метафоры из разных сфер-источников.

Ключевые слова: концептуальная метафора, сфера-источник, научно-популярный биологический русскоязычный дискурс.

The use of conceptual metaphor in the texts of popular science articles is primarily due to the aspiration for popularizing a field-specific subject (biology) for unqualified readers, which will lead to an increase in interest in this field of knowledge and the level of education of readers. Second, the use of conceptual metaphor makes it much easier to understand material when explaining a more complex (abstract) concept through a simpler (concrete) one. Man has always been the pinnacle of the universe, which is especially evident in the paradigm of linguistic research, where language has always been described in a dynamic aspect. There are many studies of metaphor in the humanities (for example, in philosophy, psychology), but the exact sciences are also replete with metaphors, since the language of science is metaphorical. The biological popular science Russian-language discourse describes the relationship between the subjects and objects of this discourse in dynamics, revealing the features of such a relationship: the relationship in the world of biology is identical to the relationship between people in the underworld: the subjects of the eco-community violate the rules and parasitize on other creatures, which often leads to their death, however, the fight against crime is also carried out, expressed in many metaphorical nominations. It is worth noting that the discrepancies between the primary (literal) and secondary (metaphorical) meanings are quite frequent, which indicates the development of the current metaphorical meaning. The work was performed within the framework of the theory of conceptual metaphor by J. Lakoff and M. Johnson (frame, slot), as well as the domestic cognitive scientist A.P. Chudinov. The theory of metaphor has undergone the evolution of interactive, pragmatic and substantive approaches. The modern approach to conceptual metaphor theory involves our system of thought being metaphorical. In the course of the analysis, the target domain is identified, into which the conceptual feature of the transfer and the source domain is directed, and the text-forming and discursive functions of the metaphor are considered: the text-forming function describes metaphors belonging to the same source domain, and the discursive function of the metaphor describes contexts in which metaphors from different source domains are given.

Key words: conceptual metaphor, source domain, popular science Russian biology discourse.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-67-73

Древнегреческие философы рассматривали метафору как укороченное сравнение, из которого исключено все, что могло бы послужить его основой (компаративные союзы и предикаты подобия). Данный подход заложил основу для восприятия метафоры как переноса имени одного предмета или явления на другой на основе сходства между ними, при этом метафорой называли лишь стилистическое средство украшения языка, а не концепт, структурирующий наше мышление (например, см. Аристотель [2], Квинтилиан [3]).

В средние века метафора рассматривалась как способ выражения религиозных и моральных концепций. А в эпоху Возрождения метафора выступала инструментом для выражения сложных философских идей. Примеры метафоры можно найти в текстах Священного Писания (см. Фома Аквинский [10], Блаженный Августин [1] и др.).

Представители интеракционного подхода М. Редди [8] и А. Блэк [5] пишут, что роль метафоры заключается в соединении понятий, принадлежащих разным категориям, а сторонники прагматического подхода (Дж. Серль [9], Д. Дэвидсон [6] и др.) не признают

наличия метафорического значения слова, полагая, что слово имеет только буквальное значение.

Сторонники субстанционального подхода Дж. Лакофф, М. Джонсон [7] высказывают новаторскую мысль о том, что система мышления человека состоит из метафор, т.е. мы мыслим метафорами. Механизм метафоры необходим для осмысления абстрактных понятий (например, «спор») посредством более абстрактных («война»). Таким образом, ученые создают метафорическую модель, состоящую из двух частей: сферы-источника (конкретное) и сферы-цели (абстрактное). Перенос метафорического значения в неметафорическую область осуществляется путем концептуального признака переноса. В данном исследовании рассматривается концептуальная область КРИМИНАЛ, воплощенная в лингвистических метафорах.

Изучение естественно-научного популярного дискурса, а именно, биологического, становится наиболее актуальным в связи с меняющимися реалиями (например, увеличение генетических заболеваний). Человек является высшим звеном биологии, и, следовательно, изучение процессов, происходящих внутри экосообществ на более низком уровне, при помощи осмысления абстрактного через конкретное (биологическая метафора) повысит не только культурный уровень читателей, но и поможет и ученым-биологам быстрее решить проблемы, связанные не только с человеком, но и с окружающей его средой, по мнению А.Е. Седова [4].

Рассмотрим несколько лексем, принадлежащих слоту «Преступники».

Преступники-люди поддерживают членов своей банды и при любом удобном случае стараются убрать членов других банд. Зеленые бандиты ведут себя точно так же. Когда молодые саженцы морской горчицы оказывались рядом с чужими растениями, они отращивали как можно более разветвленные корни, чтобы вытянуть из почвы максимум воды и минералов. Если же соседи были родственниками, корни всех саженцев отрастали умеренно ветвистыми (Вокруг света, журнал за май, 2018 г.)

Здесь речь идет о растениях, которые стараются обеспечить себя полезными ресурсами, лишая их, при этом, растений другого вида. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *бандит*: «Участник банды, вооруженный грабитель», что дает основу для концептуального признака переноса – тот, кто совершает противозаконные действия. В данном примере саженцы морской горчицы забирают воду из почвы себе, а если же рядом с ними растет один и тот же вид, то они делятся ресурсами. В примере сравнивается поведение бандитов-людей и бандитов-растений. Если в первичном значении ключевой лексики *бандит* указывается на оружие, то в метафорическом значении это оружие отсутствует: растения-бандиты используют только свои корни.

Ниже убийцы играют положительную роль:

Ученые попытались выяснить, как работает защитный механизм «клеток-убийц» и можно ли применить нечто подобное для создания универсальной вакцины от гриппа (Биомолекула, 23.09.2020).

В данном примере описывается способность Т-лимфоцитов уничтожать штаммы вируса гриппа. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *убийца*: «Тот, кто совершил убийство», что создает основу для концептуального признака переноса – лишая жизни. Здесь Т-лимфоциты «лишают жизни» штаммы вирусов гриппа. Если в первичном значении присутствует отрицательная коннотация – убийство как преступное, противозаконное действие, то метафорический контекст имеет положительную коннотацию – Т-лимфоциты выполняют «освободительную миссию», борясь, а затем, и уничтожая вирусы гриппа. Дискурсивная функция метафоры реализуется при помощи ключевой лексики *механизм*, ее первичное значение таково: «Внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие», что создает основу для концептуального признака переноса – упорядоченная работа чего-либо. В данном примере механизм работы Т-клеток заключается в идентификации и уничтожении вредоносных клеток гриппа. Если в первичном значении этой ключевой лексики

указывается на звенья цепи, то в метафорическом значении подробно рассматривается лишь одно «звено» – уничтожение чужеродных клеток.

Теперь обратимся к слоту «Борьба с преступностью» и рассмотрим несколько примеров из него:

Так как иммунная система играет ключевую роль в контроле и подавлении раковых клеток (Биомолекула, 13.03.21).

В данном примере речь идет о том, как иммунная система борется с «преступниками», а именно, с вторжением раковых клеток. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *контроль*: «Проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора», что создает основу для концептуального признака переноса – проверка чего-либо. Здесь иммунная система следит за тем, чтобы чужеродные тела не могли вызвать воспаление в организме. Если в первичном значении упоминается только наблюдение и проверка, то в метафорическом значении иммунная система не только проводит «надзор», но и уничтожает раковые клетки. Textoобразующая функция реализуется при помощи ключевой лексики *подавление*, значение которой определяется по глаголу *подавить*. Рассмотрим ее первичное значение: «кого-что. Силой положить конец чему-нибудь, уничтожить; заглушить», что дает основу для концептуального признака переноса – уменьшить давление чего-то силой. Здесь иммунная система подавляет рост раковых клеток посредством защитной функции Т-клеток.

В следующем примере описывается, как раковые клетки избегают защиты иммунной системы:

Молекулярные изменения, помогающие раковым клеткам избегать иммунного надзора, также ослабляют и их противовирусную защиту, делая опухоли более чувствительными к заражению вирусами. Более того, он использует раковые клетки как заводы для производства еще большего количества вирусных частиц для заражения соседних раковых клеток (Биомолекула, 13.03.21).

Здесь описывается, как онколитические вирусы, то есть, вирусы, «растворяющие» раковые клетки, могут использоваться в борьбе с данным заболеванием. Под действием «хороших» вирусов происходит ослабление раковой клетки, которые сами, при этом, уклоняются от иммунного надзора. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *надзор*: «Орган, группа лиц для наблюдения за кем-чем-нибудь, за соблюдением каких-н. правил», что дает основу для концептуального признака переноса – следить за кем или чем-либо. В данном случае иммунный надзор заключается в том, что иммунная система и входящие в нее органы распознают чужеродные клетки и уничтожают их. Если в первичном значении упоминается только то, что за правилами нужно следить, то в метафорическом значении иммунная система не только не пропускает инородные вещества, но и уничтожает их. Дискурсивная функция метафоры реализуется при помощи ключевых лексем *завод* и *производство*. Рассмотрим их первичные значения. Завод: «Промышленное предприятие с механизированными процессами производства», что создает основу для концептуального признака переноса – место, в котором происходит выработка и переработка веществ. Здесь онколитический вирус (хороший вирус) размножает вирусные клетки (свои), которые уничтожат еще больше раковых клеток. Первичное значение ключевой лексики *производство* таково: «Изготовление, выработка, создание какой-нибудь продукции», что дает основу для концептуального признака переноса – создание чего-либо. Здесь создаются новые, «хорошие» вирусные частицы для борьбы с раковыми клетками.

Далее повествуется о том, как клетки плазмодия «ликвидируют» инородные тела:

Миксомицеты очень страдают от бактерий-паразитов, и в плазмодии часть клеток добровольно берут на себя функции полицейских, причем в случае слизевиков эта «работа» смертельна. «Иммунные» клетки перемещаются внутри плазмодия, выискивая «преступников» (Вокруг света, август 2024 года.).

Здесь речь идет о слизевиках или миксомицетах, которые борются с паразитами в своем организме. Рассмотрим первичное значение слова *полицейский*: «служащий полиции», что создает основу для концептуального признака – правоохранительное лицо. В данном примере защитные клетки плазмодия или «иммунные» ищут инородные тела и обезвреживают их. Textoобразующая функция метафоры реализуется при помощи ключевой лексики *преступник*, рассмотрим ее первичное значение: «человек, который совершает или совершил преступление», что создает основу для концептуального признака переноса – лицо, совершившее противозаконные действия. В данном примере «преступниками» являются бактерии, попавшие в организм плазмодия.

Перейдем к рассмотрению слота «Преступная деятельность» и опишем также несколько примеров:

Ее геном (бактерии) содержит гены семейства vhlA, собственно, делающие этого патогена патогенным – способным «обходить» иммунную защиту хозяина за счет быстрой смены репертуара поверхностных антигенов (Биомолекула, 22.02.21).

Здесь идет речь о способности бактерии «обманывать» иммунную защиту-клетки хозяина. Рассмотрим первичное значение ключевой лексики *обходить*: «Пройти, окружая, огибая, минуя кого-что-н.», что создает основу для концептуального признака переноса – обманывать. В данном примере гены бактерии умело обманывают защиту иммунной системы и проходят в клетку хозяина, размножаясь там. Если в первичном значении данной ключевой лексики не указаны способы обмана, то в метафорическом значении эта информация присутствует. Дискурсивная функция метафоры реализуется при помощи ключевой лексики *репертуар*, рассмотрим ее первичное значение: «Совокупность пьес, музыкальных и иных произведений, идущих в театре, в кино, исполняемых в концертных залах, на эстраде, в цирке», что дает основу для концептуального признака переноса – набор чего-либо. В данном примере репертуаром метафорически именуется множество антигенов, благодаря которым бактерия может обманывать иммунную систему клетки-хозяина.

Наконец, рассмотрим слот Жертвы преступников:

Если посадить на куст полыни тлей, «пострадавший» начинает выделять метилжасмонат. Как только соседний куст улавливает послание, в его клетках резко возрастает активность гена, продукт которого не дает насекомым нормально усваивать отгрызанные листья (Вокруг света, июль 2023 г.).

В данном примере описывается, как растения борются с тлей. Растения, на которых сидит тля, метафорически именуется «пострадавшими». Рассмотрим первичное значение данной ключевой лексики: «Пострадавшим называют человека, получившего повреждение, рану, увечье и т.п.», что дает основу для концептуального признака переноса – лицо, травмированное чем или кем-либо. В данном примере полынь является «пострадавшей», поскольку выделяемый от тли фермент, позволяет ей легче переваривать листья полыни. Однако полынь синтезируется белок, блокирующий работу данного фермента. Как в первичном, так и в метафорическом значении упоминается «ущерб» – в метафорическом контексте – это объединенные тлей листья. Дискурсивная функция метафоры реализуется при помощи ключевой лексики *послание*, ее первичное значение таково: «Вообще - письмо, письменное обращение (устар. и ирон.)», что создает основу для концептуального признака переноса – обращение к кому-либо. В данном примере в роли «послания» соседним кустам полыни является запах метилжасмоната, который не дает вредителям переваривать листья. Дискурсивная функция метафоры реализуется также при помощи ключевой лексики *продукт*, рассмотрим ее первичное значение: «Предмет как результат человеческого труда (обработки, переработки, исследования)», что дает основу для концептуального признака переноса – что-то готовое, сделанное. В данном примере продуктом метафорически называется результат деятельности гена в кусте полыни, который передает своему соседу-пострадавшему необходимые вещества, для того чтобы «отразить атаку» вредоносной тли.

В заключение, стоит отметить, что рассмотренная сфера-источник КРИМИНАЛ является одной из самых продуктивных в концептуализации научно-популярного биологического русскоязычного дискурса. Она состоит из четырех слотов: преступники, борьба с преступностью, преступная деятельность и жертвы преступников. Лингвистические метафоры, составляющие корпус концептуальных метафор данной области, описывают эту сферу научно-популярного биологического русскоязычного дискурса как динамичную область, в которой живые существа очень часто выполняют «миротворческую» роль (клетки-убийцы Т-лимфоциты, уничтожающие штаммы вирусов гриппа). Однако вредоносная деятельность обитателей экосообщества, также пресекается борьбой с преступностью, которая выражается в «надзоре» иммунной системы за тем, чтобы инородные тела не проникали в клетку; описаны «жертвы» преступников в экосообществе, которые, несмотря на наносимый им вред, не поддаются воздействию паразитов.

1. Августин А. Творения: в 4 т. Т. 1: Об истинной религии / Блаженный Августин; сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. СПб.; Киев, 1998.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика / пер. с древнегреч. О. Цыбенко. М., 2000.
3. Квинтилиан М.Ф. Риторические Наставления. Книга IV. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1299046170> (дата обращения: 15.01.2026).
4. Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 6. С. 526–534.
5. Black M. Metaphor. URL: <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/Black1954.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).
6. Davidson D. What metaphors mean URL: <https://r.jordan.im/download/philosophy/davidson1978.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
8. Reddy M. Conduit metaphor is a case of frame conflict in our language about language. URL: http://www.biolinguagem.com/ling_cog_cult/reddy_1979_conduit_metaphor.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
9. Searle G. Metaphor // Metaphor and thought / edited by Andrew Ortony. 2nd ed. Cambridge, 1993. Pp. 83–112.
10. Thomas Aquinas Summa Theologica, Part I (Prima Pars). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/17611/pg17611.txt> (дата обращения: 09.01.2026).
1. Avgustin A. Tvoreniya: v 4 t. T. 1: Ob istinnoy religii / Blazhenny Avgustin; sost. i podgot. teksta k pechati S.I. Eremeeva. SPb.; Kiev, 1998.
2. Aristotel'. Ritorika. Poetika / per. s drevnegrech. O. Tsybenko. M., 2000.
3. Kvintilian M.F. Ritoricheskie Nastavleniya. Kniga IV. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1299046170> (data obrashcheniya: 15.01.2026).
4. Sedov A.E. Metafori v genetike // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2000. T. 70. № 6. S. 526–534.
5. Black M. Metaphor. URL: <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/Black1954.pdf> (data obrashcheniya: 12.01.2026).
6. Davidson D. What metaphors mean URL: <https://r.jordan.im/download/philosophy/davidson1978.pdf> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
7. Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
8. Reddy M. Conduit metaphor is a case of frame conflict in our language about language. URL: http://www.biolinguagem.com/ling_cog_cult/reddy_1979_conduit_metaphor.pdf (data obrashcheniya: 09.01.2026).
9. Searle G. Metaphor // Metaphor and thought / edited by Andrew Ortony. 2nd ed. Cambridge, 1993. Pp. 83–112.
10. Thomas Aquinas Summa Theologica, Part I (Prima Pars). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/17611/pg17611.txt> (data obrashcheniya: 09.01.2026).

Информация об авторе

Анна Владимировна Филатова,
Саратовская государственная академия права
(Саратов, Россия)
410056, Россия, Саратовская область,
Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 2.
Старший преподаватель кафедры
иностраных языков.
Научные интересы: концептуальная метафора.
ORCID ID: 0000-0002-4467-6753
SPIN-код: 2424-0236, AuthorID: 1033251
E-mail: filatova12anya@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.02.2026;
одобрена после рецензирования 15.03.2026;
принята к публикации 15.03.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Anna V. Filatova,
Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia).
410056, Russia, Saratov region,
Saratov, Chernyshevskiy str., 104, str. 2.
Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages.
Research interests: conceptual metaphor
ORCID ID: 0000-0002-4467-6753
SPIN-код: 2424-0236, AuthorID: 1033251
E-mail: filatova12anya@yandex.ru

The article was submitted 06.02.2026;
approved after reviewing 15.03.2026;
accepted for publication 15.03.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Филатова, А.В. Сфера-источник *КРИМИНАЛ* как способ метафоризации действительности в научно-популярном русскоязычном биологическом дискурсе // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 67–73. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-67-73.

For citation: Filatova, A.V. The *CRIME* source domain as a means of reality representation in popular science Russian language biology discourse // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 67–73. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-67-73.

Права: © А.В. Филатова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

СЕМАНТИКА, ФОНЕТИКА, ЛЕКСИКОЛОГИЯ / SEMANTICS, PHONETICS, LEXICOLOGY

А.В. Вохминцева, С.А. Скуридина
A.V. Vokhmintseva, S.A. Skuridina

ТЕРМИНЫ РОДСТВА *ПАПА*, *БАТЮШКА* И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

THE TERMS OF KINSHIP *PAPA*, *FATHER* AND THEIR DERIVATIVES IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Статья посвящена лингвостилистическому анализу лексем родственного кода «папа» и «батюшка», являющихся вариантами термина родства «отец», в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Лексика родства принадлежит к древнейшим пластам языка, в связи с чем обладает значительным смысловым, стилистическим и культурным потенциалом, который активно используется в художественной литературе. В отличие от прагматического словоупотребления, в художественном тексте лексемы родственного кода выходят за рамки простой номинации, выступая важным средством создания образов, выражения авторской идеи и маркирования взаимоотношений персонажей. Актуальность исследования определяется тем, что в романе, центральной темой которого является отцеубийство и разрыв кровных уз в семействе Карамазовых, система терминов родства выполняет не только номинативную, но и смысловую функцию. Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем элементы семантического, контекстуального, стилистического и статистического анализа. Всего в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» методом сплошной выборки обнаружено 167 случаев словоупотреблений лексем «папа» и «батюшка», а также их производных. Анализ указанных лексем позволяет выделить несколько значений, в которых используются термины родства. В прямом значении кровного родства употребляются лексемы «папа» (52), «папаша» (8), «батюшка» (17) и диминутивы «папочка» (14) и «папенька» (6). Лексема «папа» используется в тексте для обозначения главы церкви (3); один раз встречается притяжательное прилагательное «папин». В качестве подмены термина родства используются лексема «батюшка» (7) и «диминутив папочка» (1). Лексема «батюшка» наиболее часто востребована в романе в качестве обращения к духовному наставнику (34), она также вводится рассказчиком истории семейки Карамазовых в качестве маркера социальной иерархии (15). В некоторых контекстах представлен переход термина родства в разряд междометий, используемых для выражения эмоциональных состояний, обусловленных страхом или удивлением: батюшка-батюшки (3).

Ключевые слова: родственный код, термин родства, папа, диминутив, папенька, батюшка, Ф.М. Достоевский.

The article is devoted to the linguistic analysis of the lexemes of the kinship code "papa" and "father", which are variants of the kinship term "father", in the novel "The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky. The vocabulary of kinship belongs to the oldest strata of the language, and therefore has significant semantic, stylistic and cultural potential, which is actively used in fiction. Unlike pragmatic word usage, in a literary text, the lexemes of a related code go beyond a simple nomination, acting as an important means of creating images, expressing the author's idea and marking the relationships of characters. The relevance of the research is determined by the fact that in the novel, the central theme of which is parricide and the rupture of blood ties in the Karamazov family, the system of kinship terms performs not only a nominative, but also a semantic function. The research methodology is based on an integrated approach that includes elements of semantic, contextual, stylistic, and statistical analysis. In total, 167 cases of word usage of the lexemes "papa" and "father", as well as their derivatives, were found in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" by continuous sampling. The analysis of these lexemes allows us to identify several meanings in which kinship terms are used. In the direct meaning of consanguinity, the lexemes "papa" (52), "daddy" (8), "father" (17) and the diminutives "daddy" (14) and "daddy" (6) are used. The lexeme "papa" is used in the text to designate the head of the church (3); the possessive adjective "papa" occurs once. The lexeme "father" (7) and "diminutive daddy" (1) are used as a substitute for the term of kinship. The lexeme "father" is most often used in the novel as an address to a spiritual mentor (34), it is also introduced by the narrator of the story of the Karamazov family as a marker of social hierarchy (15). In some contexts, the transition of the term kinship to the category of interjections used to express emotional states caused by fear or surprise is presented: father-father (3).

Keywords: related code, kinship term, dad, diminutive. daddy, father, F.M. Dostoevsky.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-74-82

Работы многих исследователей посвящены изучению образа отца в разных аспектах. О нормативной и идеологической защите прав отцов рассуждают Л.А. Емелина и С.А. Яворский [9]. Е.А. Пухова описывает особенности образа отца, различия в стиле воспитания мужчин и женщин, а также изучает влияние образа отца на развитие ребенка и как влияет образ отца на мальчиков и девочек [16]. О том, как отсутствие отца в детстве и подростковом возрасте влияет на выбор партнера, рассуждают М.С. Величко и Е.С. Величко [2]. Образ современного молодого отца дошкольника составляет Л.В. Жарова с помощью изучения самооценки отцов и оценки образа отца матерью его ребенка [10]. Об освещении проблемы отцов и детей в средствах массовой информации рассуждают А.В. Вохминцева и А.А. Толкачева [4]. Отдельно отметим работу В.В. Дробан, выполненную в лингвокультурологическом аспекте на материале художественного текста: автор обращается к описанию концепта «отец» в рассказе Т. Толстой «Про отца» [7].

Целью настоящей работы является выявление функциональной значимости термина родства *отец*, представленного в романе Ф.М. Достоевского такими стилистическими вариантами, как *папа* и *батюшка*.

Несмотря на то, что существуют работы, посвященные исследованию данного термина родства [1; 3; 8; 13; 14], отметим недостаточную изученность родственного кода в художественных текстах Ф.М. Достоевского.

Лексика родства принадлежит к древнейшим пластам языка, в связи с чем обладает значительным смысловым, стилистическим и культурным потенциалом, который активно используется в художественной литературе. В отличие от прагматического словоупотребления, в художественном тексте лексемы родственного кода выходят за рамки простой номинации, выступая важным средством создания образов, выражения авторской идеи и маркирования взаимоотношений персонажей.

Актуальность исследования определяется тем, что в романе, центральной темой которого является отцеубийство и разрыв кровных уз в семействе Карамазовых, система терминов родства выполняет не только номинативную, но и смысловую функцию. Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем элементы семантического, контекстуального, стилистического и статистического анализа.

В.И. Даль в один ряд с лексемой *отец* ставит такие термины родства, как *батюшка*, *батька*, *папа*, *папаша*, *папенька*, *папочка* [5]. Все они встречаются в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Трижды лексема *папа* встречается в качестве номинации титула главы римско-католической церкви. В речи Ивана: «...в этом и есть самая основная черта римского католичества <...>: «все, дескать, передано тобою папе и все, стало быть, теперь у папы» [6, т. 14, 228] и в словах Миусова: «Это не то что ультрамонтанство, это архиультрамонтанство! Это папе Григорию Седьмому не мерещилось!» [6, т. 14, 61]. Отметим, что в данном случае лексема *папа* используется в переосмысленном значении термина родства, развившемся в связи с пониманием папы римского как наместника Бога на земле, являющегося отцом для всех приверженцев католической церкви.

В значении кровного родства лексема *папа* употребляется 52 раза. Данный термин используют дети отставного штабс-капитана Снегирева: «Папа, ах папа! – проговорила вдруг горбатая девушка» [6, т. 14, 184]; «Он, папа, все знает, лучше всех у нас знает» [6, т.14, 496]. Отметим, что особенно часто (49 раз) данную лексему в качестве обращения использует Илюша, что свидетельствует о его духовной близости с отцом, унижение которого стало причиной болезни и последующей за ней смерти мальчика. Обида, нанесенная штабс-капитану Снегиреву Митей Карамазовым, является кровной обидой, обидой, нанесенной кровному родственнику (первоначально кровная обида – обида, смываемая кровью).

В синонимический ряд с доминантной *папа* входит диминутив *папочка*, образованный с помощью суффикса «-очк», который выражает эмоциональную оценку.

Чаще всего (12 раз) данный диминутив использует Илюша в качестве обращения к своему отцу: «Папочка, когда засыплют мою могилку, покроши на ней корочку хлеба» [6, т. 15, 192] или когда говорит о родителе в третьем лице: «Простите папочку, простите папочку» [6, т. 14, 187]. Подобное обращение ребенка к отцу свидетельствует об искренних теплых отношениях между ними.

Дважды диминутив употребляется в рассказе Ивана о ребенке, которого секут родители: «Ребенок кричит, ребенок, наконец, не может кричать, задыхается: «Папа, папа, папочка, папочка!» [6, т. 14, 220]. Отчаянное обращение ребенка к самому родному человеку происходит в тот момент, когда родитель является непосредственным источником боли. Ужас сцены заключается в контрасте между формой и содержанием: орудие пытки находится в руках того, к кому вызывают о спасении. Иван в своем повествовании использует один из приемов эмоционального синтаксиса – градацию, основанную на повторении стилистически маркированных терминов родства, благодаря чему жестокость сцены и ее аномальность становятся наиболее наглядными: родной «отец посек дочку» [6, т. 14, 220].

Один раз диминутив использует Арина Петровна Снегирева в качестве обращения к мужу: «Папочка, дай и мне цветочков» [6, т. 15, 190]. Следует предположить, что роль отца у штабс-капитана выходит на первый план. Он больше отец, чем муж, и это объясняется не только количеством детей у Снегиревых. Снегирев является отцом

семейства («многочисленным семейством обременен» [6, т. 14, 67]), он отец и для умалишенной жены, которую тоже величает маменькой [6, т. 14, 505]: «он с своим семейством, с несчастным семейством больных детей и жены, сумасшедшей, кажется, впал в страшную нищету» [6, т. 14, 176].

Кроме этого, в романе «Братья Карамазовы» встречается диминутив *папенька*, образованный с помощью суффикса «-еньк-», придающего слову уменьшительно-ласкательный оттенок. Он был широко распространен в качестве вокатива среди дворян XIX века в России. Такое обращение демонстрировало почтение детей к родителям, подчеркивало их значимость в семье. Популярность данного вокатива отражена в литературных произведениях.

Особенно активно вокатив *папенька* использовал М.Е. Салтыков-Щедрин. В романе «Господа Головлевы» встречаем: «Хорошо еще, что папенька ни об чем не узнал, – каково бы ему было при его-то положении?» [17]. В цикле очерков «Круглый год»: «Но по части мужских одеяний ничего не нашлось, кроме четырех дворянских мундиров, в которых папенька и дедушка в свое время щеголяли на выборах» [17]; «Представьте себе, папенька точно угадал, что вы сделаете это предположение!» [17]. В цикле очерков «Убежище Монрепо»: «При папеньке при вашем, царство небесное, коли бы этакой случай вышел» [17]. В очерке «В среде умеренности и аккуратности»: «Мы, папенька, вас любим... и мы вам очень благодарны» [17].

В пьесе «Дикарка» А.Н. Островский использует диминутив: «Не от цыган родилась, а от благородных родителей: папенька твой и маменька-покойница были дворяне как следует»; «Папенька у них были офицер» [15].

А.А. Фет в своих рассказах часто использует данный термин: «Боясь замечаний папеньки, я избегал попадаться ему на глаза и неохотно выходил из классной в парадные комнаты»; «... седые усы и белый батистовый галстук придавали папеньке особенно праздничный вид» [20].

Однако в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» диминутив *папенька* используется только в отрицательной коннотации. Например, Митя говорит Алеше с презрением: «Федор Павлович, говорит, папенька наш, был поросенок, но мыслил он правильно» [6, т. 15, 32]. В одном предложении Митя использует обращение по имени-отчеству, термин родства (иронично), а также уничижительное сравнение с животным – все это демонстрирует пренебрежительное отношение Мити к отцу и желание дистанцироваться от него. Отметим, что Иван и Алеша данный диминутив по отношению к Федору Павловичу не используют.

Раkitин о Федоре Павловиче говорит фамильярно, называя его папенькой, хотя не состоит с ним в родстве: «А папенька пьяный и невоздержный беспутник, никогда и ни в чем меры не понимал» [6, т. 14, 73]. Сочетая диминутив с экспрессивно-оценочными прилагательными *пьяный* и *невоздержанный*, Раkitин пытается доказать Алеше, что его отец является человеком, недостойным уважения, любви и прощения.

Используется диминутив *папенька* в уже приведенной нами сцене наказания ребенка родителями, которую приводит в своем рассказе Иван, рассчитывая вызвать негодование Алеша: «Папенька рад, что прутья с сучками, «садче будет», говорит он, и вот начинает «сажать» родную дочь [6, т. 14, 219]. Радость отца от того, что он причиняет боль своему ребенку, становится еще более чудовищной на фоне ласковой лексики *папенька*, которая традиционно подразумевает любовь, ласку и заботу.

В традиционном обществе родители являются источником поддержки и опоры для своих детей. В семье Карамазовых эта модель отношений отсутствует, поэтому рассказчик использует лексику *папенька*, в связи с чем становится очевидным его осуждающее отношение: «...вследствие холодного здравого рассуждения, подсказавшего ему, что от папеньки никакой чуть-чуть серьезной поддержки не получит» [6, т. 14, 15].

Один раз в тексте встречается притяжательное прилагательное, образованное от существительного *papa*. В речи Коли Красоткина: «...я и выменял ему на книжку,

из папина шкафа» [6, т. 14, 493]. В сочетании с существительным, оно определяет принадлежность предмета.

В синонимический ряд с доминантой *papa* входит также лексема *папаша*. В романе «Братья Карамазовы» она встречается 8 раз в негативной коннотации: «...если бы папаша о нем и вспомнил» [6, т. 14, 10]; «...глядя на папашу» [6, т. 14, 73]. Отметим, что данный вариант обозначения Федора Павловича Карамазова используют только автор и Ракитин. Дважды лексему использует Митя в «Исповеди горячего сердца» по отношению к своему начальнику – подполковнику: «А ведь у папаша казенных-то денег четырех тысяч пятисот рублей нет» [6, т. 14, 103].

В традиционной русской культуре лексема *батюшка* используется для обращения к отцу по крови и (или) к духовному наставнику. Обе фигуры являются символом защиты и поддержки для человека. Лексема *батюшка* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» встречается 76 раз. Среди них встречается употребление лексемы в значении кровного родства: «К тому же батюшки не будет» [6, т. 14, 71]; «Да еще же бы с вашим батюшкой!» [6, т. 14, 71]; «Да и нехорошо, батюшка, будет, нехорошо совсем» [6, т. 14, 130].

В значении духовного родства лексема *батюшка* встречается 34 раза. Ее используют по отношению к старцу Зосиме: «Слышали о тебе, батюшка, слышали» [6, т. 14, 45], признавая, таким образом, духовное родство с ним.

Арина Петровна, находясь в парадигме патриархальной семьи, обращается к мужу: «Николай Ильич, батюшка, я ль тебе не угодила» [6, т. 14, 184]. Использование имени-отчества демонстрирует уважительное отношение к супругу, а употребление термина родства показывает, что роль отца выше, чем функция мужа. Кроме этого, в тексте наблюдается инверсия в обращении отца к сыну. Снегирев обращается к Илюше: «Батюшка, милый батюшка!» [6, т. 14, 190]. Такое замещение термина родства поясняет автор: «У него была привычка, еще когда Илюша был в живых, говорить ему ласкаючи» [6, т. 14, 190]. Как указывает С.А. Скуридина, в романе «Преступление и наказание» подобное явление наблюдается по отношению к Родиону Раскольникову, имя которого в рамках народной этимологии связывается с родом: «в одном восклицании Порфирия Петровича имени-отчества Раскольникова и лексем, связанных с родством: «Батюшка! Родион Романович! Родименький! Отец! Да что с Вами?» [6, т. 6, 264] – Раскольников не только связывается со всем человеческим родом, но и отмечается его главное предназначение как мужчины – быть отцом рода [18, 152].

Снегирев в разговоре с Алешей использует лексему родства, перешедшую в разряд междометий, выражающих эмоцию страха, радости, возмущения или удивления: «Батюшки! Да я уж четыре года не видал таких денег, господи» [6, т. 14, 190]. Использование лексемы *батюшка* при вербальном выражении эмоций направлено на скрытое призывание помощи: человек, столкнувшийся с каким-то нестандартным явлением, ищет поддержку у воображаемых защитников, в роли которых могут выступать и представители близкого родства, с детства выполнявшие охранительную функцию, – отец и мать. Подобные междометия часто встречаются в произведениях литературы. Так, у М.Е. Салтыкова-Щедрина встречаем: «Ах, батюшки, воры!» [17]. В очерке В.К. Короленко: «И-и, батюшки! Померзла картошка-то у нас ноне, вся померзла» [12]. В повести В.П. Желиховской: «Ай, батюшки! Никак гроза? – спохватилась Маша» [11].

Лексема *батюшка* в качестве вокатива по отношению к людям, с которыми адресант не состоит в кровном родстве была распространена среди дворян XIX века в России. Такая форма обращения служила маркером социальной иерархии и использовалась для выражения почтения. Ее популярность отражена в литературных произведениях. Активно данную лексему использует М.Е. Салтыков-Щедрин: «Василий Иваныч! батюшка! что с вами?»; «Алексей Степаныч! батюшка! да почему же?» [17]. У А.Н. Островского встречаем: «Точно, батюшка, ваше высокоблагородие, Михайло Тарасыч, я его... топор этот взял» [15]. В романе Л.Н. Толстого: «Ах, батюшки! – вскрикнул Левин так громко, что Сергей Иванович испугался» [19].

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» лексема в подобном значении встречается 15 раз. Служанка обращается к Мите: «Батюшка, Дмитрий Федорович, голубчик, не погубите барыню» [6, т. 14, 367]; штабс-капитан говорит Коле Красоткину, который по возрасту годится ему в сыновья: «Батюшка, ваше превосходительство» [6, т. 14, 505]; денщик Афанасий обращается к офицеру Зиновию, при котором он состоит: «Ваше благородие, батюшка барин» [6, т. 14, 271].

Один раз в романе «Братья Карамазовы» встречается лексема *батька*: «А теперь чего я туда поскачу, если все это батька выдумал?» [6, т.14, 252]. В ней нет нейтрально-официальной (ср. *отец*) и уменьшительно-ласкательной (ср. *папенька*) коннотации. Данную лексему использует помещик Федор Павлович Карамазов с целью превращения важного разговора в плоскость цинизма и фарса.

Всего в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» обнаружено 167 случаев словоупотреблений, входящих в один синонимический ряд с лексемой *отец*. Их анализ позволяет выделить несколько значений, в которых используются термины родства. В прямом значении кровного родства употребляются лексемы *папа* (52), *папаша* (8), *батюшка* (17) и диминутивы *папочка* (14) и *папенька* (6). В качестве подмены термина родства используются лексема *батюшка* (7) и диминутив *папочка* (1). Также встречаются варианты употребления лексемы *батюшка* в качестве обращения к духовному наставнику (34), в качестве маркера социальной иерархии (15), в качестве междометия (3). Кроме этого, лексема *папа* используется в тексте для номинации главы церкви (3); один раз встречается адъектив *папин*.

1. Бертнес Ю. «Христос-отец»: к проблеме противопоставления отца кровного и отца законного в «Подростке» Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. № 5. С. 409–415.
2. Величко М.С., Величко Е.С. Феномен отсутствующего отца: отсутствие отца в добрачных отношениях российской молодежи // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2025. Т. 1. № 14. С. 92–94.
3. Власенко Н.М. Притча о блудном сыне как история о милости отца в романе Ф.М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2022. № 2 (18). С. 54–88.
4. Вохминцева А.В., Толкачева А.А. Освещение проблемы отцов и детей в СМИ // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2024. № 2 (53). С. 116–119.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. А–З. М., 1978.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1988.
7. Дробан В.В. Концепт «отец» в рассказе Т. Толстой «Про отца» // *Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы VI Международной научной конференции, Краснодар, 24–28 октября 2017 года*. Краснодар, 2017. С. 100–104.
8. Дьячковская Т.А. Тема «отцов и детей» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Институты и механизмы инновационного развития в экономике, проектном менеджменте, образовании, юриспруденции, экологии, биологии, политологии, психологии, медицине, философии, филологии, социологии, химии, математике, технике, физике: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–28 декабря 2013 года*. СПб, 2013. С. 49.
9. Емелина Л.А., Яворский С.А. Отцы без права на отцовство: семейно-правовые механизмы обеспечения баланса интересов отцов и детей // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2024. Т. 14. № 6. С. 90–102.
10. Жарова Л.В. Образ современного отца глазами отцов и матерей дошкольников Тверской области // *Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и их наставников, посвященной Году семьи, Тверь, 24–25 апреля 2024 года*. Тверь, 2024. С. 27–32.

11. Желиховская В.П. Во имя долга. Кукла. Над пучиной. Три рассказа для юношества В.П. Желиховской / с рис. А.А. Чикина. СПб., 1899.
 12. Короленко В.Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Повести и рассказы. М., 1953.
 13. Кузнецова Е.В. Идеальный образ отца семейства в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 февраля 2015 года / отв. ред. А.А. Сукиасян. Т. 1. Уфа, 2015. С. 176–178.
 14. Липина А.А. Типология образов отцов и детей «случайных семейств» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Научные труды молодых ученых-филологов: сборник материалов Всероссийской конференции молодых ученых-филологов, Москва, 10–13 октября 2019 года. Т. XIX. Ярославль, 2020. С. 44–49.
 15. Островский А.Н. Дикарка: комедия в 4 д. / соч. А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева. М., 1879.
 16. Пухова Е.А. Образ отца в современной российской ментальности или влияние образа отца на личность // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03–04 октября 2023 года. СПб, 2024. С. 99–103.
 17. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 15. М., 1966.
 18. Скуридина С.А. Об особенностях модели ономастического творчества Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 24. СПб, 2024. С. 144–154.
 19. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман в 8 ч. Ч. 1–4. Л., 1982.
 20. Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. СПб., 2006.
1. Bertnes Yu. "Khristos-otets": k probleme protivopostavleniya ottsa krovnogo i ottsa zakonno v "Podrostke" Dostoevskogo // Problemy istoricheskoy poetiki. 1998. № 5. S.409–415.
 2. Velichko M.S., Velichko E.S. Fenomen otsutstviyushchego ottsa: otsutstvie ottsa v dobrachnykh otnosheniyakh rossiyskoy molodezhi // Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziyskom prostranstve. 2025. T. 1. № 14. S. 92–94.
 3. Vlasenko N.M. Pritcha o bludnom syne kak istoriya o milosti ottsa v romane F.M. Dostoevskogo // Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal. 2022. № 2 (18). S. 54–88.
 4. Vokhmintseva A.V., Tolkacheva A.A. Osveshchenie problemy ottsov i detey v SMI // Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki. 2024. № 2 (53). S. 116–119.
 5. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1. A–Z. M., 1978.
 6. Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. L., 1972–1988.
 7. Droban V.V. Kontsept "otets" v rasskaze T. Tolstoy "Pro ottsa" // Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Krasnodar, 24–28 oktyabrya 2017 goda. Krasnodar, 2017. S. 100–104.
 8. D'yachkovskaya T.A. Tema "ottsov i detey" v romane F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" // Instituty i mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya v ekonomike, proektnom menedzhmente, obrazovanii, yurisprudentsii, ekologii, biologii, politologii, psikhologii, meditsine, filosofii, filologii, sotsiologii, khimii, matematike, tekhnike, fizike: sbornik nauchnykh statey po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 27–28 dekabrya 2013 goda. SPb, 2013. S. 49.
 9. Emelina L.A., Yavorskiy S.A. Ottsy bez prava na ottsovstvo: semeyno-pravovye mekhanizmy obespecheniya balansa interesov ottsov i detey // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2024. T. 14. № 6. S. 90–102.
 10. Zharova L.V. Obraz sovremennogo ottsa glazami ottsov i materey doshkol'nikov Tverskoy oblasti // Psikhologiya, obrazovanie: aktual'nye i prioritetnye napravleniya issledovaniy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov, molodykh uchenykh i ikh nastavnikov, posvyashchennoy Godu sem'i, Tver', 24–25 aprelya 2024 goda. Tver', 2024. S. 27–32.
 11. Zhelikhovskaya V.P. Vo imya dolga. Kукла. Над пучиной. Три рассказа для юношества В.П. Желиховской / с рис. А.А. Чикина. СПб., 1899.
 12. Короленко В.Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Повести и рассказы. М., 1953.

13. Kuznetsova E.V. *Ideal'nyy obraz ottsa semeystva v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" // Sovremennaya nauka: teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Ufa, 25 fevralya 2015 goda / otv. red. A.A. Sukiasyan. T. 1. Ufa, 2015. S. 176–178.
14. Lipina A.A. *Tipologiya obrazov ottsov i detey "sluchaynykh semeystv" v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" // Nauchnye trudy molodykh uchenykh-filologov: sbornik materialov Vserossiyskoy konferentsii molodykh uchenykh-filologov*, Moskva, 10–13 oktyabrya 2019 goda. T. XIX. Yaroslavl', 2020. S. 44–49.
15. Ostrovskiy A.N. *Dikarka: komediya v 4 d. / soch. A.N. Ostrovskogo i N.Ya. Solov'eva*. M., 1879.
16. Pukhova E.A. *Obraz ottsa v sovremennoy rossiyskoy mental'nosti ili vliyaniye obraza ottsa na lichnost' // Aktual'nye voprosy psikhologii razvitiya i formirovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya i praktika: Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Sankt-Peterburg, 03–04 oktyabrya 2023 goda. SPb, 2024. S. 99–103.
17. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochineniy: v 20 t. T. 15. M.*, 1966.
18. Skuridina S.A. *Ob osobennostyakh modeli onomasticheskogo tvorchestva Dostoevskogo // Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. T. 24. SPb, 2024. S. 144–154.
19. Tolstoy L.N. *Anna Karenina: roman v 8 ch. Ch. 1–4. L.*, 1982.
20. Fet A. A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 3. Povesti i rasskazy. Kriticheskie stat'i*. SPb., 2006.

Информация об авторах

Алина Витальевна Вохминцева,
Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия).
394006, Россия, г. Воронеж,
ул. 20-летия Октября, 84.
Ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации.
Научные интересы: термины родства,
лингвистика, поэтика художественного текста.
ORCID ID: 0009-0005-3754-7928
SPIN-код: 1054-1408, AuthorID: 1157816
E-mail: v.alya1@yandex.ru

Светлана Анатольевна Скуридина,
Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия).
394006, Россия, г. Воронеж,
ул. 20-летия Октября, 84.
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации.
Научные интересы: ономастика, лингвистика,
поэтика художественного текста.
ORCID ID: 0000-0002-2313-2482
SPIN-код: 5975-9507, AuthorID: 654307
E-mail: saskuridina@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.05.2026;
одобрена после рецензирования 28.05.2026;
принята к публикации 28.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the authors

Alina V. Vokhmintseva,
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russia).
394006, Russia, Voronezh, 20th Anniversary
of October str., 84
Assistant of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication.
Research interests: kinship terms, linguistics,
poetics of literary text.
ORCID ID: 0009-0005-3754-7928
SPIN code: 1054-1408, AuthorID: 1157816
E-mail: v.alya1@yandex.ru

Svetlana A. Skuridina,
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russia).
394006, Russia, Voronezh, 20th Anniversary
of October St., 84.
Doctor of Sciences in Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication.
Research interests: onomastics, linguistics,
poetics of literary text.
ORCID ID: 0000-0002-2313-2482
SPIN-код: 5975-9507, AuthorID: 654307
E-mail: saskuridina@yandex.ru

The article was submitted 13.05.2026;
approved after reviewing 28.05.2026;
accepted for publication 28.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Вохминцева, А.В., Скуридина, С.А. Термины родства *пана, батюшка* и их производные в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 74–82. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-74-82.

For citation: Vokhmintseva A.V., Skuridina S.A. The terms of kinship *papa*, *father* and their derivatives in F.M. Dostoevsky's novel "The brothers Karamazov" // Philologos. 2026. No. 2 (69). Pp. 74–82. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-74-82.

Права: © А.В. Вохминцева, С.А. Скуридина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

С.С. Егорова
S.S. Egorova

**О ЛЕКСИЧЕСКОМ ПРОСТОРЕЧИИ В РАССКАЗЕ
Н.В. УСПЕНСКОГО «ХОРОШЕЕ ЖИТЬЕ» (1858)**

**ABOUT THE LEXICAL VERNACULAR IN THE STORY
OF N.V. USPENSKY "THE GOOD LIFE" (1858)**

Со становлением реалистического метода в литературе в середине XIX века внимание писателей с грамматически выверенного и благозвучного авторского слова стало смещаться на социально детерминированную речь. В статье на материале рассказа Н.В. Успенского «Хорошее житье» анализируются особенности речи простых людей, исследуются состав и объем лексического просторечия в их дискурсе. Определяется семантика просторечия (как формы существования языка) применительно к середине и второй половине века. Проведенный анализ позволяет заключить, что просторечие для персонажей является единственно возможным способом речевого общения, усвоенным с детства и коммуникативно успешным в разных ситуациях. Просторечие коннотативно передает информацию о социальном статусе говорящих, их образовании, территориальной принадлежности. В статье представлен состав лексического просторечия на основе классификации лексики в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. В качестве лексикографических источников были использованы словари середины и второй половины XIX века: «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук» (1847) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866).

В рассказе Н.В. Успенского персонажи – крестьяне, и спектр тем, поднимаемых в диалогах, полилогах, монологах, характер рассуждений и манера общения дают наглядное представление о том, из чего складывается жизнь и быт крестьянства. Точка зрения ценовальника, для которого выгодно спаивать деревенских жителей, искажает облик русского крестьянина. По отношению к крестьянину название рассказа «Хорошее житье» звучит как горькая усмешка.

Ключевые слова: просторечие, простонародное, сниженная лексика, социально маркированная речь, народная речь, разговорная речь, Н.В. Успенский.

With the formation of the realistic method in literature in the mid-19th century writers began to shift their focus from grammatically correct and melodious authorial language to socially determined speech. In this article based on N. Uspensky's short story "A Good Life" we analyze the characteristics of ordinary people's speech and explore the composition and scope of lexical vernacular/vulgar in their discourse. We also examine the semantics of vernacular

(as a form of language) in relation to the mid-19th and late 19th century. The analysis makes it possible to conclude that vernacular words seem to be the only possible way of communication for the characters, which they have learned since childhood and which is successful in various situations. Colloquial speech conveys information about the social status, education, and territorial affiliation of the speakers. The article presents the composition of lexical vernacular/vulgar speech based on the classification of vocabulary in the Russian Semantic Dictionary, edited by N. Shvedova. Dictionaries of the middle and second half of the 19th century were used as lexicographic sources of information on stylistic characteristics: The Dictionary of Church Slavonic and Russian compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences (1847) and the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. Dahl (1863–1866).

The characters of N. Uspensky's story are peasants, and the range of topics discussed in the dialogues, polylogues, and monologues, as well as the nature of the reasoning and communication style provide a clear understanding of the life and daily routines of the peasantry. Point of view of the tallow-maker, who benefits from getting the villagers drunk, distorts the image of the Russian peasant. In relation to the peasant the title of the story "A Good Life" carries a bitter undertone.

Keywords: vulgar words, vernacular words, reduced vocabulary, socially marked speech, folk speech, colloquial speech, N. Uspenskiy.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-83-90

В статье предлагается описание лексического просторечия в рассказе Н.В. Успенского «Хорошее житье». Проведенный стилистико-семантический анализ речевых партий персонажей с учетом коммуникативных ситуаций, тематики диалогов позволяет выявить черты языковой картины мира русского крестьянства, выражаемой просторечием.

Выбор литературного произведения для анализа обусловлен фигурой самого писателя, хорошо знавшего быт и нравы крепостной деревни. В рассказах Н.В. Успенский изображает беспросветную нищенскую жизнь простого народа. Он сблизил «жанр рассказа из народной жизни с очерком и диалогической сценкой», доверил «повествование человеку из народа – крестьянину», благодаря чему его произведения звучали остросоциально и достоверно [4, 386]. Персонажи рассказа «Хорошее житье» – люди «бесцветные, лишенные инициативы», которые «одинаково живут день за день, не умея сами взяться ни за что новое...» [8, 876–877].

В рассказе использован прием перепорученного повествования. В начальных предложениях третьеличный повествователь знакомит читателя с двумя персонажами – целовальником Андреем Фадеичем и кошкарем Иваном Ивановичем (целовальниками с XIX века назывались продавцы вина в кабаках, которые в знак обещания не разбавлять вино целовали крест; целовальником мог стать в том числе мещанин, купец, государственный крестьянин; кошкарями именовались торговцы, которые ездили по деревням и обменивали мелкий товар на кошек и собак). Эти предложения выдержаны в рамках языковой нормы. Дальнейшее повествование ведется от лица Андрея Фадеича на просторечии; по большей части оно представляет собой монолог – фрагменты воспоминаний о бытности героя кабатчиком. Речь его собеседника, Ивана Ивановича, представлена отдельными репликами, цель которых – стимулировать продолжение рассказа, но и они содержат просторечные черты. В ряде эпизодов целовальник воспроизводит слова других персонажей. Просторечие в рассказе – это естественная речь его носителей.

В.В. Виноградов писал о том, что в XVIII – начале XIX вв. «понятие просторечия как будто является родовым по отношению к разновидностям простой речи, обозначаемой выражениями: низкое просторечие, низкий слог, низкое

слово, простое употребление, простое наречие и т.п.» [1, 233]. В «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном вторым отделением Императорской Академии наук» (1847) (далее также – СЦСРЯ) просторечие было определено как «простой обыкновенный разговор» [5, т. 3, 556]. В статье «Толковые словари русского языка» В.В. Виноградов писал о перемещениях слов из простого слога в «разговорно-литературную речь» на протяжении XIX века. В СЦСРЯ просторечие – это «фамильярный стиль устной городской речи» [2, 221]. Сверх того, в СЦСРЯ представлена «широкая область простонародного языка. К ней относятся не только крестьянская и мещанская лексика, но и фамильярно-вульгарные слова, а также частично словарь народной поэзии» [2, 222]. По мнению К.А. Войловой, «противопоставленность простонародному в лексикографии и языке художественной литературы» препятствовала процессу «становления *собственно просторечия* (как стилистической категории)» [3, 113]. В рамках данной статьи просторечие двояко: и как родовое понятие, и как стилистическая категория.

Просторечие персонажей рассказа «Хорошее житье» характеризуется многочисленными отклонениями от норм литературного языка, оно насыщено грубыми словами, диалектизмами, имеет маркеры на всех языковых уровнях (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис), вбирает в свой состав значительное количество пословиц и поговорок. Просторечная и простонародная лексика метка, точна и лаконична; она легко визуализируется, поскольку за ней, как правило, стоит конкретный образ. Ниже приводится состав лексического просторечия в рассказе «Хорошее житье» с опорой на классификацию лексики, представленную в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой. Стилистические пометы приведены в соответствии с СЦСРЯ как наиболее близким ко времени написания рассказа лексикографическим источником. В СЦСРЯ, с его ориентацией, многие слова из рассказа «Хорошее житье» отсутствуют либо отсутствует ожидаемая помета. Часть таких слов имеется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (далее – ТСЖВЯ), иногда с пометой о месте распространения (кур., тмб, смл. и пр.).

- Слова, именующие признак процессуальный (глаголы):

1. Глаголы со значением собственно активных действий, а также со значением мыслительной и эмоциональной деятельности:

- а) мысль, чувство, воля:

– *чухать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Я тебе докладывал, что так и чухают, с кого бы сорвать выпивку?»;

– *облапить* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «А как разведаль, что его жеребенка пропивают, облапил его за шею...»;

– *смекасть* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Сидят они супротив кабака на срубленном дубу и говорят о чем-то; смекают, должно, дерябнуть...»;

– *понукивать* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Староста похаживает посередке, понукивает...»;

– *заприметить* (**прн.** в СЦСРЯ): «Хорошо, Ахрем, как велит бог дойти до своего города, я заприметил, что ты пить воду бестолков»;

- б) поведение, контакты, информация:

– *баять* (**прн.** в СЦСРЯ): «Я ж вам баю, у меня вот до чего дошло: хлеба скоро не будет!»;

– *вякать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Староста дал ему в спину, чтоб попусту не вякал»;

– *горланить* (**в прр.** в СЦСРЯ): «Горланишь: "Соли, дегтю, табаку, мол, лежит баба на боку"»;

– *гнать околесицу* (**нет значения** в СЦСРЯ): «Врет! вишь, гнет экая околесицу...»;

– *расчагокаться* (**отсутствует в СЦСРЯ и в ТСЖВЯ**): «Главная сила, любопытно смотреть на них, как расчагокаются, как расчагокаются, берись за бока да покачивайся»;

– *поддеть* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «...у хозяина поддели на Егорьев день пудов шесть сахару, чистого рефинаду»;

- *объегорить* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *нвг., прм., кур.*): «...как бы дерябнуть где да как бы объегорить кого!»;
- *дерябнуть* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – с пометами *влг., ряз.*): «Первым делом Покровский мужик... чухает: как бы дерябнуть где да как бы объегорить кого!»;
- в) движение и перемещение в пространстве:
 - *улепetyивать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Воров мужики больно презирали: попался вор, аминь! лучше улепetyивай куда подальше...»;
 - *шляться* (**прн.** в СЦСРЯ): «Одно слово, день-деньской шляются, то и норовят, как бы попьанствоваться, взогреть кого»;
 - *переть* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Грязь на улице, ó – ничего! прут гурьбой»;
 - *привалить* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «С чем привалил...»;
 - *вдариться* (**отсутствует в СЦСРЯ**): «Отошел чудок, да как вдарится к кабаку...»;
 - г) физические действия:
 - *бухать* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Вор бросился бухать в ноги то тому, то другому»;
 - *цопать* (только «цапать» – **нейтр.** в СЦСРЯ, в ТСЖВЯ – *тмб, смл.*): «...у меня передки от водовозки стоять, цопай их сюда...»;
 - *куделить* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без обл. помет): «Схватила его, давай куделить...»;
 - *отхлопить* (**нет значения в СЦСРЯ и ТСЖВЯ**): «Да неизвестно, пойдет ли дело в ход; а то правого и виноватого отхлопят ...»;
 - *трескаться* (**прн.** в СЦСРЯ): «Врет! вишь, гнет экося околесицу: трескаться нечего!»;
 - *жрать* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «...у меня не токма что напоить всю деревню, – кажись, дома жрать нечего!»;
 - *наюзиться* (**прн.** в СЦСРЯ): «А староста успел наюзиться переж всех...»;
 - *нарезаться* (**прн.** в СЦСРЯ): «...в Анишине опять есть кабак и гульба такая же, как у нас: вчастью сам голова сберет мужиков к кабаку, на ихний счет нарежется и растянется...»;
 - *нализаться* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без обл. помет): «Точно; как нализался Еремка, все позабыл: играл пески напропалую»;
 - *населезениться* (**отсутствует в СЦСРЯ и ТСЖВЯ**): «... и сами бы населезенились, и товарищ был бы цел»;
 - *натесаться* (**нет значения в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *кур.*): «Народец эвотот чем больше пьет, то больше ожесточается, входит в настоящую силу: норовит натесаться до самого нельзя...»;
 - д) труд, занятия, отдых, развлечения:
 - *кошатничать* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без указания на обл.): «Брошу я кошатничать! наймусь-ко я себе в целовальники!».
 - е) общие обозначения: созидание, изменение, соединение, разъединение, локализация и пр.:
 - *присуседиться* (**прн.** в СЦСРЯ): «Он не отказывается; присуседился к ним».
 - 2. Бытийные глаголы – конец бытия:
 - *скочуриться* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ «окочуриться» с указание на *сарат. и смол.* обл.): «Он, глядь, под Ливнами попил воды и скочурился».
 - Слова, именующие предмет (имена существительные):
 1. Слова, именующие конкретный предмет → слова, именующие все живое:
 - а) названия лиц (по характерным признакам – по личным, общественным отношениям, по профессии, роду занятий, обращения, совокупности лиц):
 - *малка* (**прн.** в СЦСРЯ): «Ну, малка, как?»;
 - *матка* (**в прр.** в СЦСРЯ): «По мне... хочь на месте опеися... мне все равно; что я, matka али дядька их, что ли?»;
 - *бачка* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *ряз., кур., тамб., костр.* от 'батюшка'): «Дело твое, бачка, маленько с хвостиком...»;

- *гурьба* (**прн.** в СЦСРЯ): «Грязь на улице, – ничего! прут гурьбой»;
- б) животных:
 - *коняш/коняшка* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ в одном из случаев с пометой *ряз.*): «Вот оно что!.. прощай же, коняшка!», «Коняш, коняш!..»;
 - в) названия тела, организма, их частей, продуктов жизнедеятельности:
 - *башка* (**в прр.** в СЦСРЯ): «По правде сказать, пустая башка».
- 2. Слова, именующие отвлеченное понятие:
 - а) чувства, эмоциональные состояния, их проявления; свойства и склад личности; поведение и поступки:
 - *калянство* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ *каляный* в значении 'упрямый'): «Одно калянство, упрямость одна»;
 - б) бытийные ситуации, деятельностные состояния, положения вещей, сложившиеся жизненные обстоятельства, факты:
 - *смехота* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без указания на обл.): «Бывало, едешь, едешь с горшками али с дегтем, смехота, ей-богу!..»;
 - в) физические состояния и свойства живых существ, организмов:
 - *болятка* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – только «боляток»): «Дьячок же петь вовсе не умел; за то, говорят, и отставили его, что уши в церкви драл до самой до болятки...».
 - Слова, именующие непроцессуальный признак:
 1. Слова, именующие признак предмета (прилагательное):
 - *забубенный* (**прн.** в СЦСРЯ): «Слободка порядочная; народ все однодворцы, такие забубенные головы...»;
 - *брюхата* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «...никак человек шесть детей имел, мал мала все меньше, жену (она в то время была брюхата)...»;
 - *толстобрюхой* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «А хозяин, тресни его бока, все расписал про меня; вся причина, толстобрюхой вникнуть не мог, как было дело...»;
 2. Слова, именующие ситуативные состояния (предикатив):
 - *не надыть/надыть* (**нет в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *твер.*): «...этого тоже надыть уботворить...», «...не надыть: вор захочет, все сделает...».
 - Слова, собственно квалифицирующие (модальные слова, частицы, междометия):
 - *шмыг*, от *шмыгать* (**прн.** в СЦСРЯ): «Вот Еремка-запевало видит, что до него очередь доходит – шмыг замок в сторону... отбросил»;
 - *кажись* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *сев. и вост.*): «...у меня не токма что напоить всю деревню, – кажись, дома жрать нечего!»;
 - *ишь* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – без указания на обл.): «Ишь парит как!»;
 - *нешто* (**прн.** в СЦСРЯ): «Баба дура, нешто она понимает!»;
 - *небось/небойсь* (**прн.** в СЦСРЯ): «...законодатель, вишь, пришел; до тебя небойсь жил целовальник, не токмо телят, лошадей принимал», «А что, небось теперь давно журавли прилетели?»;
 - *авось* (**нейтр.** в СЦСРЯ): «Лучше авось не сыщут»;
 - *экося* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – «экосе»): «Врет! вишь, гнет экося окоlesiцу: трескать нечего!»;
 - частица *–от*, **прибавляемая к словам**: «Что значит замысловатый народ-от», «А за дуб-от я в тот же день дал пятачок свезть в город и получил билетиками три целковых»;
 - частица *–кася*: «Ну-кася, Руднев, следствуй трепака!»;
 - *незымь* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *кур.*, от «незаймать»): «Ну его, так его! туда ему дорога... поделом, незымь его разгуляется... незымь!»
 - Слова, собственно связующие:

– *кабысь/кабыть* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – с перечнем областей): «Бачка и остался, кабысь несолоно хлебал», «А вор Еремка захмелел: кабыть ополоумил совсем, орет...»;

– *ан* (**в прр.** в СЦСРЯ): «Ан дело-то и сметили»;

– *али* (**прн.** в СЦСРЯ): «Бывало, едешь, едешь с горшками али с дегтем, смехота, ей-богу!...»;

– *одначе* (**отсутствует в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – *зап., юж.*): «На что лучше – воры есть: одначе нет!»;

– *промеж* (**прн.** в СЦСРЯ): «А тут же промеж сходки кто цалуется, кто лезет к рылу с кулаками...»;

– *переж* (**нет в СЦСРЯ**, в ТСЖВЯ – «переже»): «А староста успел назюзиться переж всех...».

• Слова указующие:

– *кажинный* (**нет в СЦСРЯ** при наличии в ТСЖВЯ): «Кажинный почесть день гульба, кажинный день: подрался кто – выпивка!».

Состав семантических групп свидетельствует о преобладании в лексическом просторечии конкретных существительных, называющих человека по различным признакам: внешности, поведению, физиологическим особенностям, и глаголов, связанных с эмоциональной сферой, именующих физические действия, речевую деятельность, поведенческие особенности, движение, а также лексики, определяющей и оценивающей качество и степень чего-либо, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания (модальные слова, частицы, междометия).

Представленное в рассказе лексическое просторечие позволяет сформировать языковой портрет персонажей, сообщает об их социальном статусе и отсутствии образования. Языковые данные предоставляют сведения о месте проживания персонажей. Так, ряд слов в ТСЖВЯ отнесен к курскому говору. По топонимике рассказа угадывается место действия: соседняя губерния с Курской – Орловская, поскольку в тексте упомянуты такие географические объекты, как Покровское и Ливны, расположенные в этой области; также упоминаются деревня Анишино (сейчас она в Тульской области) и Тула, находящиеся в границах другого соседствующей с Орловской губернией субъекта.

В рассказе изображаются конкретные ситуации, разворачивающиеся на улицах села, в риге, в кабаке, в поле – в повседневном обиходно-бытовом пространстве деревенских жителей. В разговорах персонажей, сотканных из просторечных и простонародных слов, затрагиваются актуальные для них темы, как то:

– служба и работа (рассказ героя о службе в кабаке в Покровском, о службе приказчиком, работе торговцем и мечте вернуться к целовальничьей должности);

– приезд судей и отказ переносить кабак в другое место;

– назначение дня начала пахоты;

– погода и народные приметы, связанные с погодными явлениями (прилет журавлей – к потеплению);

– состояние земли перед весенними посевными работами;

– выбор сельского мужика в ратники;

– семейное и материальное положение возможных ратников;

– характер отдельных мужиков, опасения относительно возможной мести;

– о воровстве и поисках виновного;

– организация попойки и выбор мужика, за чей счет она будет, обсуждение имущества, которое можно отдать кабатчику в качестве платы;

– этикетные ситуации: приветствие («Здорово, кум». – «Здорово»), прощание («Ну, прощай». – «Прощай»), слова поддержки и пожелания («Бог помочь»);

– оценочные суждения (в частности, о целовальничьем «житье»).

Повседневная жизнь и повседневные заботы составляют мир крестьянской жизни. Показательны в рассказе многочисленные наречия времени: «теперь», «таперь», «теперича»,

«none», «завсегда», «вчастью», «перва», «переж», «напоследях», «запрежде» и др. Но этот мир деформируется и разрушается из-за пьянства: «Первым делом покровский мужик замешан вот на чем: как, значит, утро забрезжилось, заря еще не занималась, ни росинки во рту нет, глаз путем не прочистил, а уж чухает: как бы дерябнуть где да как бы обегорить кого!» [7, 61–62]. В лексикон рассказа входит внушительный перечень синонимичных глаголов со значением «напиться»: «назюзиться», «нарезаться», «населезениться», «нализаться» и пр. Мужик–землепашец и мужик–пьяница словно имеют разную мораль. Из рассказа целовальника видно, как крестьяне с легкостью предают друг друга, сообщая старосте и односельчанам, что, например, Федька Зобов на день раньше установленного вышел землю пахать; отдавая в ратники того, кто наиболее уязвим и безропотен (Ахрем, единственный кормилец большой бедной семьи, несет рекрутскую повинность от села, тогда как вора не решаются отправлять в ратники, чтобы по возвращении он не учинил мести).

Интерес кабатчика и торговца состоит в сугубо материальной выгоде, в том, чтобы нажиться любым способом. Ему выгодно спивать мужиков, и то, что для них – временное удовольствие, а по существу – беда и горе, для целовальника – желанная работа, обеспечивающая нетрудное сытое существование. Андрей Фадеич характеризует такое свое «житье» как «оченно хорошее» («Да, хорошо, оченно хорошо было жить в Покровском. Вспомнить любо!»), и Иван Иванович решает тоже идти в целовальники, поскольку «такой жизни... нигде не слыхивал» [7, 72].

Н.В. Успенский неслучайно, конечно, использовал в названии рассказа яркое и емкое «житье» вместо литературного «жизнь». «Житье» – тот фокус, который вводит в рассказ разные точки зрения и сообщает ему глубокий художественный смысл. «Житье» в соответствии с определением СЦСРЯ – «образ жития в отношении к нравам и поведению» [5, т. 1, 410]. Для автора и повествователя «житье – это не жизнь, ибо в житье нет какой-либо духовной составляющей и иного смысла, кроме наживы и пьянства. Целовальник и мужик стоят по разные стороны «товарного обмена», но «хорошее житье» нравственно губит обоих.

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.

2. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, С. 206–242.

3. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке: дис. д-ра филол. наук. М, 2000.

4. Зубкова К.Ю. Успенский Николай Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. Б.Ф. М.; СПб., 2019. Т. 6. С–Ч. С. 386–389.

5. Словарь церковно-славянского и русского языка / сост. Второе Отделение Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847.

6. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / [Сочинения] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., М., 1903–1911.

7. Успенский Н.В. Хорошее житье // Успенский Н.В. Повести, рассказы и очерки. М., 1957. С. 59–73.

8. Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1950. Т. 7. Статьи 1860–1861 годов. С. 855–889.

1. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov. M., 1982.

2. Vinogradov V.V. Tolkovye slovari russkogo yazyka // Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M., 1977, S. 206–242.

3. Voylova K.A. Sud'ba prostorechiya v russkom yazyke: dis. d-ra filol. nauk. M, 2000.

4. Zubkova K.Yu. Uspenskiy Nikolay Vasil'evich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar' / gl. red. B.F. Egorov. M.; SPb., 2019. T. 6. S–Ch. S. 386–389.

5. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* / sost. Vtoroe Otdelenie Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t. SPb., 1847.
6. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. / [Sochineniya] Vladimira Dal'a. 3-e izd., ispr. i znach. dop., izd. pod red. [i s predisl.] prof. I.A. Boduena-de-Kurtene. SPb., M., 1903–1911.
7. *Uspenskiy N.V. Khoroshee zhit'e* // *Uspenskiy N.V. Povesti, rasskazy i ocherki*. M., 1957. S. 59–73.
8. *Chernyshevskiy N.G. Ne nachalo li peremeny?* // *Chernyshevskiy N.G. Polnoe sobranie sochineniy*: v 15 t. M., 1950. T. 7. *Stat'i 1860–1861 godov*. S. 855–889.

Информация об авторе

Светлана Сергеевна Егорова,
ГАОУ «Научно-исследовательский и проектный
институт Генерального плана города Москвы»
(Москва, Россия).
125047, г. Москва, 2-я Брестская улица, д. 2/14.
Главный специалист по организации конгрессных
мероприятий, соискатель.
Научные интересы: стилистика, история русского
литературного языка.
ORCID: 0000-0002-8650-5784
SPIN: 9567-4206, AuthorID: 1276243
E-mail: egorova3058@gmail.com

Поступила в редакцию 13.03.2026;
одобрена после рецензирования 05.05.2026;
принята к публикации 05.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Svetlana S. Egorova,
Scientific Research and Design Institute
of the General Plan of the city of Moscow
(Moscow, Russia).
125047, Moscow, 2nd Brestskaya street, 2/14.
Main specialist in organizing congress events.
Candidate for a scientific degree.
Research interests: stylistics, history of the Russian
literary language.
ORCID: 0000-0002-8650-5784
SPIN: 9567-4206, AuthorID: 1276243
E-mail: egorova3058@gmail.com

The article was submitted 13.03.2026;
approved after reviewing 05.05.2026;
accepted for publication 05.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Егорова, С.С. О лексическом просторечии в рассказе Н.В. Успенского «Хорошее житье» (1858) // *Филологос*. 2026. № 2 (69). С. 83–90. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-83-90.

For citation: Egorova, S.S. About the lexical vernacular in the story of N.V. Uspensky "The good life" (1858) // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 83–90. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-83-90.

Права: © С.С. Егорова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

М.Л. Карданов, Д.Х. Шугушева
M.L. Kardanov, D.H. Shugusheva

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЗВУКОВ В АДЫГСКИХ И ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

PARALLEL MEANINGS OF SOUNDS IN THE ADYGH AND LATIN LANGUAGES

Предметом исследования является определение конкретного значения для звука [y] на междисциплинарном уровне в адыгских языках (современном кабардино-черкесском и адыгейском) и возможной его параллели в латинском. Отличие наших изысканий от последователей фоносемантики заключается в том, что выводится не абстрактное или описательное значение, а закономерность, которая просматривается с точки зрения естественных наук, в данном случае, с позиции физики. Цель работы состоит в определении атомарного значения звука и раскрытии квантового значения. В исследовании использованы метод компонентного анализа, выявления семантического сходства, семантической реконструкции с учетом примеров из родственного языка на стыке лингвистики и законов физики. Научная новизна исследования состоит в выявлении «атомарного» и «квантового» значения звука. Данные термины используются в связи с тем, что семантика звука рассматривается на стыке лингвистики и физики. Выходя за рамки просодической характеристики звука, удалось установить единую энергоинформационную характеристику анализируемой единицы и ее внутреннюю насыщенность. Результаты исследования сводятся не к выявлению преобладающего положения или исключительности конкретного языка, а всего лишь представляют собой попытку определения взаимосвязи между разнотелными языками через призму смысловозначительной стороны звука при междисциплинарном изучении. Они могут послужить определяющими характеристиками для доказательства родства языков и могут быть использованы как в компаративистике, так и для дальнейших этимологических исследований на стыке лингвистики и естественных наук. Авторы приходят к выводу, что языковая единица от звука до слова является носителем естественнонаучных закономерностей.

Ключевые слова: адыгские языки, латинский язык, значение звука, семантика, параллельные значения.

The subject of the study is to determine the specific meaning for the sound [u] at the interdisciplinary level in the Adyghe languages (modern Kabardino-Circassian and Adyghe) and its possible parallel in Latin. The difference between our research and the followers of phonosemantics is that it does not derive an abstract or descriptive meaning, but a pattern that is viewed from the point of view of natural sciences, in this case, from the perspective of physics. The purpose of the work is to determine the atomic meaning of sound and reveal the quantum meaning. The study uses the method of component analysis,

identification of semantic similarity, and semantic reconstruction based on examples from a related language at the intersection of linguistics and the laws of physics. The scientific novelty of the study is to identify the "atomic" and "quantum" meaning of sound. These terms are used due to the fact that the semantics of sound is considered at the intersection of linguistics and physics. Going beyond the prosodic characteristics of sound, it was possible to establish a single energy-information characteristic of the analyzed unit and its internal saturation. The results of the study are not limited to identifying the predominance or exclusivity of a particular language, but only an attempt to determine the relationship between diverse languages through the prism of the semantic side of sound at the junction of interdisciplinary study. They can serve as defining characteristics for proving the kinship of languages and can be used both in comparative studies and for further etymological research at the confluence of linguistics and natural sciences. The conclusion of the research boils down to the fact that the linguistic unit from sound to word are carriers of natural scientific patterns.

Keywords: *Adyghe languages, Latin, sound meaning, semantics, parallel meanings.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-91-98

Адыгскими языками в языкознании считают современные адыгейский и кабардино-черкесский. Как известно, научное изучение адыгских языков по историческим меркам началось сравнительно недавно, но за это время появились фундаментальные работы по всем разделам грамматики. На исследования М.А. Кумахова, А.К. Шагирова, Х.Ш. Урусова, Д.И. Ашхамафа, З.И. Керашевой и других выдающихся адыговедов в области словообразования, структуры корня, синтаксиса, этимологии ссылаются лингвисты, занимающиеся абхазо-адыгскими и кавказскими языками. Благодаря их изысканиям адыгские языки становились объектом исследования ученых из Италии, Германии, Америки, Японии и других стран, таких, как Дж. Коларуссо, К. Вамлинг и др.

Отдавая дань уважения всем предыдущим исследователям адыгских языков, во многом будучи солидарны с ними, отмечаем некоторые недостатки их гипотез, где-то развиваем их и, конечно же, затрагиваем вопросы, которые остались в стороне. Как известно, язык изучался и изучается в плоскости самого языка и практически нет попыток связать его с такими науками как физика, биология или химия. Проводимое междисциплинарное исследование на стыке лингвистики и естественных наук является в адыговедении новым направлением, которому мы посвятили уже несколько научных статей.

Предметом исследования стало определение атомарного (лингвистического) и квантового значений в звукосоответствиях в адыгских и латинском языках.

Известно, что звук, тем более гласный, в языкознании не рассматривается как носитель конкретной информации. По словам В. Гумбольдта, «...они лишь сопутствуют согласным, и, как это уже признано наиболее проникательными языковедами, служат главным образом для уточнения значения слова, образованного посредством согласных» [3, 19]. Вопреки такому мнению, Н.Ф. Яковлев в адыгских языках отмечал: «центробежное и центростремительное значение, т.е. значение реального направления движения, представляет собой одно из древнейших значений чередования гласных "э" и "ы" в корне глагола. Центробежная и центростремительная формы глаголов существуют не только у кабардинцев и адыгейцев, но зарегистрированы в языках многих еще более архаичных народов (индейцев С. Америки и др.)» [12, 81]. В этом исследовании Н.Ф. Яковлев и поддержавшие его точку зрения в более поздних изысканиях Х.Ш. Урусов, М.А. Кумахов, З.И. Керашева, Г.В. Рогава, А.К. Шагиров были близки к раскрытию значения двух гласных в адыгских языках на междисциплинарном уровне, но результат все же остался в плоскости самого языка. Если компаративисты при определении языкового родства рассматривают звукосоответствия как один из аспектов их близости, то наш подход

позволяет выявить семантическую нагрузку звука – квантовое значение. Количество звуков в языках ограничено и, соответственно, объем сравниваемых единиц не может быть бесконечным. Б.А. Серебrenников отмечает, что «Для доказательства родства языков необходимо реконструировать общую праязыковую схему. В первую очередь следует реконструировать общую схему вокализма и консонантизма» [6, 8]. Вместо реконструкции схем в исследовании проводится раскрытие семантики звука, что может полностью исключить случайность совпадений. Несмотря на то, что латинский язык относят к ностратической макросемье [7, 253], а адыгские языки к сино-кавказской [7, 313], сравнивается конкретное физическое значение двух звуков, а не простое их присутствие в сопоставляемых словах. Определив семантику звуков в адыгских языках, мы предприняли попытку сравнительного анализа с примерами из языка другой макросемьи. Понятно, что «родственными могут быть только такие языки, между системами которых устанавливаются регулярные соответствия. При этом, однако, хорошо известны примеры наличия регулярных соответствий, возникающих в результате массовых заимствований...» [9, 780]. Если сравниваемые примеры не единичны и относятся не только к значению одного звука, то это показывает некоторую закономерность, а именно – содержательную сторону звука. Количество анализируемых примеров не говорит о каких-либо заимствованиях; определяя значение слов, мы не определяем язык-реципиент и не выявляем язык-донор. Проводимое исследование позволило понять семантику звука, где кроме лингвистического (атомарного) значения, он имеет еще и микрозначение (квантовое), в связи с чем в оборот вводятся два термина: «атомарное значение» (подразумевает семантику самого звука на лингвистическом уровне) и «квантовое значение» (те микрозначения, которые содержатся внутри атомарного). Такой подход разрешает рассмотреть параллели в языках не в простом звукосоответствии, а в их семантике, где суммой квантовых значений (микрозначений) является атомарное (макрозначение) значение слова. Мы не можем говорить о точном количестве микрозначений или «квантовых значений» внутри макрозначений, но на данном этапе удалось выявить одно – физическое.

Используемые в исследовании методы компонентного анализа, выявления семантического сходства, семантической реконструкции из родственных адыгских и неродственного латинского языка позволяют исключить случайность совпадений, а их раскрытие на уровне физики только подтверждает возможное наличие общего праязыка.

Научная новизна работы состоит в определении атомарного (лингвистического) значения звука, которое противоречит общепринятым представлениям о нем, а также в раскрытии квантового значения, скрытого внутри атомарного.

Общеизвестно, что звук считается неделимым элементом языка. Он не рассматривается как смысловесущая единица, и наличие собственной семантики у него исключается. Из-за отсутствия работ в языкознании по выявлению семантики звука практически всеми исследователями отвергается альтернативный взгляд, но сквозное значение звуков в адыгских языках во всех словах, где бы он не присутствовал, противоречит общепринятым канонам. Здесь мы можем быть солидарны с известным лингвистом, автором фундаментальных трудов по кабардино-черкесскому языку Н.Ф. Яковлевым. Анализируя звуки исследуемого языка, ученый отмечает, что «пока не будут изучены и объяснены во всех подробностях – и со стороны значения, и со звуковой стороны – все входящие в их состав семы, научные изыскания не могут быть остановлены» [12, 256]. Развивая точку зрения Н.Ф. Яковлева, нами проводится параллель между конкретным звуком и физическим явлением в природе.

С. Бурлак и С. Старостин пишут, что «при нынешнем состоянии научных знаний для того, чтобы гипотеза имела право на существование, нужно, чтобы она не противоречила многочисленным известным фактам и не нарушала уже установленных закономерностей» [2, 7], но если в эти закономерности не укладываются примеры из языка, наверное, следует обратить внимание и на другие гипотезы. Тем более, что сам

С. Старостин писал об отсутствии как точного родства языков, так и процедуры доказательства такого родства [8]. Семантика макрозначения и микрозначений выводится нами не из нескольких примеров; напротив, определяемые атомарное и квантовые значения являются следствием обобщения из адыгских слов, в которых они фигурируют, что отрицает факт случайного совпадения. А соответствия определяемых макро- и микрозначений с примерами из латинского языка приводит к мысли, что сравниваемые языки в историческом прошлом, возможно, имели один праязык.

Дешифруя звук и, соответственно, слова из адыгских языков, мы заметили не единичные сходства с их звучаниями в других языках, даже таких, которые далеки от адыгских. Отмечается, что номинации, считающиеся заимствованными из других языков, легко интерпретировались через призму выводимых адыгских макро- и микрозначений. Не пренебрегая мнением ученых, что в разносистемных языках могут найтись примеры, сходные по звучанию, мы анализировали семантику звука и слова целиком. Данное исследование не является отрицанием имеющихся изысканий по глоттогенезу, наоборот, мы во многом солидарны по вопросу возможного изменения как формы слова, так и звука.

Поддерживая и развивая гипотезу С. Бурлак и С. Старостина о возможности существования «в праиндоевропейском языке слова "ухо", имевшего фонетический облик, из которого выводятся перечисленные слова языков-потомков» [2, 65], мы обращаем внимание на схожесть в латинском, литовском и русском языках: *auris*, *ausfi's*, *ухо*. Для звука [у] в адыгских языках нами выводится физическое колебание, волна – в адыгских языках *уалэ*, где фигурирует анализируемый звук [у], в латинском – *unda*, с тем же компонентом. В физике известно, что волны – это «изменения во времени (возмущения) какого-либо из физических параметров среды (полей), распространяющиеся в пространстве и переносящие энергию и информацию» [1]. Если взять примеры из языка, которые непосредственно связаны с действиями *говорить* и *слушать*, то цепочка выглядит следующим образом: *лун* «звучать» – лат. «*sonus*»; орган, который принимает волны – *тхэкълумэ* «ухо/*auris*»; выполняемое действие – *дэлуэн* «слушать», лат. «*audio*». То, что в адыгских языках двух-, трех и четырехзнаковые буквы с компонентом [у/и] являются не одной буквой, а комплексом, мы писали ранее. Х.Ш. Урусов рассматривает исследуемый звук как «полугласный элемент личного префикса» [10, 366], который не оформляется собственным семантическим значением. Известный адыгский компаративист А.К. Шагиров, не анализируя отдельно звук для глагола *уэн* «бить», привлекает для сравнения пример из убыхского – *йэ* «бить» [11, 92]. Немного иную точку зрения находим у Н.Р. Иванокова, по мнению которого [уэ] надо рассматривать в значении «окружающая нас воздушное пространство» [4, 133].

С точки зрения лингвистики можно было бы говорить о случайном совпадении, но исследования на стыке лингвистики и физики заставляют смотреть на факты под другим углом. «Ухо» *тхэкълумэ* ловит волны [у/и], создаваемые оппонентом [*лун*], а объект выполняет действие *дэлуэн* [слушать] с компонентом того же [у/и]. Таким образом, создающего «волны» [у] слышит адресат, выполняя действие по его улавливанию [*дэлуэн*] через орган, способный это осуществить – *тхэкълумэ*.

Исходя из конкретных значений звуков, мы не можем согласиться с мнением А. Мейе, который полагал, что «языковый знак произволен: он имеет значение только в силу традиции. Если по-французски единичность выражается словами *un*, *une*, а двойственность – словом *deux* и т.д., то это происходит не потому, что слова *un*, *une*, *deux* и т.д. сами по себе имеют какое-то отношение к единичности, двойственности и т.д., но исключительно в силу обычая, усваиваемого от говорящих теми, кто учится говорить» [5, 10]. Произвольность языкового знака не могла бы выстроить закономерность, которая наблюдается при его междисциплинарном исследовании. Для большей наглядности относительно значения звука [у], приведем еще несколько адыгских и латинских примеров со звуком [у]:

уафэ «небо» – лат. *caelum*

уэиш «дождь» – лат. *pluvia*
 шу «всадник» – лат. *eques*
 Iyгъуэ «дым» – лат. *fumus*
 уэрэд/орэд «песня» – лат. *cantus*
 ежъу/жъу «припев» – лат. *chorus*
 дауц «шум» – лат. *sonitus*
 дауэ «спор» – лат. *disputatri*
 зауэ «война» – лат. *bellum*
 нэху «свет» – лат. *lux*
 дуней «вселенная» – лат. *universum*
 гъуагъуэ «гром» – *tonitrus*
 уд «колдун» – лат. *maleficus*
 хужъ/фыжъ – лат. *clarus*
 цхъуэ «серый» – лат. *griseus*
 къацхъуэ «голубой» – лат. *venetus*
 гу «сердце» – лат. *aura*.

Таких примеров-параллелей по данному звуку [у – и] может быть больше, по крайней мере в адыгских языках много номинаций, в которых он фигурирует, где выдерживается сквозное значение «волна».

Другим звуком для смылосодержательного сравнения является [р – г]. Общеизвестно, что приставка *re-* в нерусских словах считается латинской морфемой со значением «возобновляемое, воспроизводимое действие», которое в адыгских языках имеет форму *къытРЕгъазэ* «повторяет, снова, возобновляет». Наш подход в дешифровке звуков показывает, что данная морфема, во-первых, до своей грамматикализации была корневым элементом, во-вторых, *re-* рассматривается как комплекс, состоящий из [р/г] и [е] с собственными значениями.

В адыгских языках все существительные с компонентом [р/г] имеют форму «круга», а номинации, относящиеся к другим частям речи с данным звуком, указывают на наличие «точки опоры». Следует заметить, что в обоих словах – круг, опора – из русского языка и во многих примерах, рассматриваемых ниже, присутствует данная буква. Это говорит о том, что семантика звука прослеживается не только в адыгских или латинских примерах. Отталкиваясь от «точки опоры», предмет, пока не потеряет полученную при этом энергию, будет находиться в движении, но при этом не сможет выйти за *хъурей* «круг/circus», а каждый круг, как известно, имеет радиус. Для того чтобы начертить круг с равноудаленными от центра *курым/гурым* «центр/centrum» внешними границами, нужна точка опоры, которая обозначается звуком [р/г]. Отрезок, соединяющий центр круга с любой точкой внешней границы есть сам радиус, поэтому и исследуемый нами звук стоит на первом месте. Диаметр – продолжение этого отрезка (радиуса) до противоположной границы, иными словами, диаметр является отражением радиуса, поэтому [р/г] переходит на последнюю позицию, что говорит о иерархичности звуков в номинациях. Иерархичность наблюдается в адыгских языках, а примеры *радиус* – *диаметр* наталкивают на то, что такой процесс, возможно, присутствует и в латинском.

Гипотезу нашей версии об иерархичности можно проследить на примерах адыгского языка: *зыРыз* «по одному» (букв. один в отражении одного); *тIурымI* «по два» (два в отражении двух); *цырыц* «по три» (три в отражении трех) и такое словообразование наблюдается до десяти. Начиная с цифры 11, для участия звука [р/г] в образовании номинаций нет необходимости, так как в них зашифрованы иные значения. Теперь сравним примеры из адыгских языков и латинского, где звук [р/г] является компонентом номинаций:

хъурей «круг» – лат. *circus*
къытрегъазэ «повторяет» – лат. *repetit*
арэзы «согласие» – лат. *concordia*
нэрылагъу «реальный» – лат. *realis*

курб/кумб «впадина», «углубление» – лат. *recessus*

уклуриин «падать» – лат. *recido*

клэрыгэцлэн «прислонять» – лат. *reclinare*

аргуэру «опять/снова» – лат. *iterum*

рыпэгэн/ирипэгэн «гордиться» – лат. *superbia*

архъуанэ «водоворот» – лат. *vorago*

Если значение [p/ɣ] во многих приведенных примерах лежит на поверхности, то дешифрованную нами семантику слов нэрыльагъу «realis», рыпэгэн/ирипэгэн «superbia» следует раскрыть. Как и в остальных номинациях, исследуемый звук сохраняет свое значение: нэрыльагъу «realis» – нэ («глаза»), замечая объект, полученные первичные данные о нем «отражаются» -ры- и передаются мозгу, таким образом, точкой опоры для глаза становится объект, на который обращены глаза; человек имеет свойство рыпэгэн/ирипэгэн (гордиться) «superbia» перед кем-то, и этот кто-то становится точкой отражения.

Опираясь на выводимую семантику звуков, которые образуют макрозначение слова, мы разделяем точку зрения А. Мейе, который писал, что «язык распространяется, лишь когда он является носителем культуры, внушающей уважение. Иногда распространение языка полностью обусловлено превосходством культуры: так, ионийско-аттическое койне вытеснило все другие греческие говоры, так как его носители были наиболее типичными представителями эллинской цивилизации» [5, 23].

В случае с праадыгами и латинянами такие связи не описываются, значит, речь не может идти о каких-либо тесных контактах. Возможно, их следует рассматривать как остатки элементов праязыка с сохранением их произношений.

Выводы. Звук не только обладает собственной семантикой, но и содержит в себе квантовое значение, определение которого возможно лишь на стыке наук. В небольшом исследовании не представляется возможным обозначить все параллели в адыгских и латинском языках на атомарном и квантовом уровнях, но количество приводимых примеров может говорить о не случайности совпадений. Сравнимые звуки и в целом номинации в таких разнотипных языках позволяют, на наш взгляд, выдвигать гипотезу о том, что вопросы языкового родства нельзя рассматривать исходя только из характеристик звуков по месту или способу образования. Такое компарирование закончится очень быстро, тем более что количество звуков в языках ограничено. Исследование же звуков на стыке лингвистики и естественных наук не только увеличит шансы определения праязыка или нескольких праязыков, но и раскроет секреты мирозидания.

1. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/vibratsiia-961b67> (дата обращения: 22.03.2026).

2. Бурлак С.А., Старостин С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М., 2011.

3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / [пер. с нем. под ред. с предисл. и примеч. Г.В. Рамиеви]. М., 1984.

4. Иванков Н.Р. Избранные труды. Нальчик, 2015.

5. Мейе А.А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

6. Серебренников Б.А. Проблемы достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства / [Б.А. Серебренников, Т.С. Шарадендзе, Г.А. Зограф и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников]. М., 1982. С. 6–62.

7. Старостин Г.С. К истокам языкового многообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е.Я. Сатановским. М., 2015.

8. Старостин С.А. О доказательствах языкового родства. URL: <https://chronologia.org> (дата обращения: 21.03.2026).

9. Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007.

10. Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик, 1980.

11. Шагиров А.К. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2 т. Т. 2. П-1 / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1977.*
12. Яковлев Н.Ф. *Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948.*

1. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.* URL: <https://bigenc.ru/c/vibratsiia-961b67> (data obrashcheniya: 22.03.2026).
2. Burlak S.A., Starostin S.A. *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy. M., 2011.*
3. Gumbol'td V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu / [per. s nem. pod red. s predisl. i primech. G.V. Ramishvili]. M., 1984.*
4. Ivanokov N.R. *Izbrannye trudy. Nal'chik, 2015.*
5. Meye A.A. *Sravnitel'nyy metod v istoricheskom yazykoznanii. M., 1954.*
6. Serebrennikov B.A. *Problemy dostatochnosti osnovaniya v gipotezakh, kasayushchikhsya geneticheskogo rodstva yazykov // Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira. Problemy rodstva / [B.A. Serebrennikov, T.S. Sharadzenidze, G.A. Zograf i dr.; otv. red. B.A. Serebrennikov]. M., 1982. S. 6–62.*
7. Starostin G.S. *K istokam yazykovogo mnogoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii s E.Ya. Satanovskim. M., 2015.*
8. Starostin S.A. *O dokazatel'stvakh yazykovogo rodstva.* URL: <https://chronologia.org> (data obrashcheniya: 21.03.2026).
9. Starostin S.A. *Trudy po yazykoznaniiu. M., 2007.*
10. Urusov Kh.Sh. *Morfemika adygskikh yazykov. Nal'chik, 1980.*
11. Шагиров А.К. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2 т. Т. 2. П-1 / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1977.*
12. Яковлев Н.Ф. *Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948.*

Информация об авторах

Мусадин Латифович Карданов,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия).
360004, Кабардино-Балкарская республика,
г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
Кандидат филологических наук, заведующий
кафедрой кабардино-черкесского языка
и литературы КБГУ.
Научные интересы: языкознание, этимология,
семантика.
ORCID ID: 0000-0002-3393-549X
SPIN-код: 1071-2277, AuthorID: 981076
E-mail: musadin07@mail.ru

Джулета Хабасовна Шугушева,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия).
360004, Кабардино-Балкарская республика,
г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры кабардино-черкесского языка
и литературы КБГУ.
Научные интересы: языкознание, этимология,
семантика.
ORCID ID: 0000-0001-7162-5057
SPIN-код: 3509-7970, AuthorID: 979257
E-mail: shugushd@mail.ru

Information about the authors

Musadin L. Kardanov,
Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov
(Nalchik, Russia).
360004, Kabardino-Balkarian Republic,
Nalchik, 173 Chernyshevsky St.
Candidate of Sciences in Philology,
Head of the Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature at KBSU.
Research interests: linguistics, etymology,
semantics.
ORCID ID: 0000-0002-3393-549X
SPIN-code: 1071-2277, AuthorID: 981076
E-mail: musadin07@mail.ru

Djuleta H. Shugusheva,
Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov
(Nalchik, Russia).
360004, Kabardino-Balkarian Republic,
Nalchik, 173 Chernyshevsky St.
Candidate of Sciences in Philology,
Associate Professor of the Department of Kabardino-
Circassian Language and Literature at KBSU.
Research interests: linguistics, etymology,
semantics.
ORCID ID: 0000-0001-7162-5057
SPIN-code: 3509-7970, AuthorID: 979257
E-mail: shugushd@mail.ru

Поступила в редакцию 29.04.2026;
одобрена после рецензирования 05.06.2026;
принята к публикации 05.06.2026;
опубликована 23.06.2026.

The article was submitted 29.04.2026;
approved after reviewing 05.06.2026;
accepted for publication 05.06.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Карданов, М.Л., Шугушева, Д.Х. Параллельные значения звуков в адыгских и латинском языках // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 91–98. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-91-98.

For citation: Kardanov, M.L., Shugusheva, D.H. Parallel meanings of sounds in the adygh and latin languages // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 91–98. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-91-98.

Права: © М.Л. Карданов, Д.Х. Шугушева (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

А.А. Рутенко
A.A. Rutenko

НАИМЕНОВАНИЯ ПОСУДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

NAMES OF DISHES IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SEMANTIC CHANGES

В статье рассматривается динамика значения лексем, номинирующих посуду в различные периоды существования русского языка. ЛСГ «Посуда» активно пополняется новыми наименованиями и в настоящее время, однако наибольший интерес представляют лексемы, существующие с древнерусского периода и претерпевшие изменения в семантике: сужение или расширение значения, переход в другие лексико-семантические группы или формирование переносных значений. Приводятся данные словарных статей, дающие возможность проследить, как менялась семантика наименований посуды. Предлагается классификация лексико-семантических вариантов лексем ЛСГ «Посуда» с суффиксами -ник и -ниц. Описываются однозначные лексемы с указанными суффиксами и многозначные, имеющие различные лексико-семантические варианты. В состав ЛСГ «Посуда» входят не только однозначные слова, функционирующие в составе только одной лексико-семантической группы, но и многозначные, которые в зависимости от значения входят в разные лексико-семантические группы. В связи с этим в статье рассматриваются лексемы, в семантической структуре которых наблюдались различные семантические процессы: утрата лексемами ряда ЛСВ, формирование новых лексико-семантических вариантов, также рассматриваются лексемы, в семантической структуре которых происходят разнонаправленные процессы: как появление новых ЛСВ, так и их утрата, ряд ЛСВ переходит в другие лексико-семантические группы, ряд лексико-семантических вариантов пополняет ЛСГ «Посуда» в результате перехода из других лексико-семантических групп, формируются переносные значения, становящиеся в ряде случаев основными. Приводятся примеры из художественных произведений русской литературы, иллюстрирующие актуальность и частотность употребления лексем ЛСГ «Посуда» и их лексико-семантических вариантов. С этой целью выбираются не только произведения русской классики, но и тексты современных авторов. В связи с активным изменением бытовых реалий, развитием прогресса и техники, происходят изменения и в семантике наименований предметов посуды. Рассмотрение этих изменений – важный аспект для изучения лексико-семантической группы «Посуда» в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: семантика, семантические изменения, динамика значения, лексема, лексико-семантическая группа (ЛСГ), лексико-семантический вариант (ЛСВ), многозначное слово.

The article examines the dynamics of the meaning of lexemes that nominate dishes in various periods of the Russian language's existence. The lexical-semantic group "Dishes" is actively replenished with new names, but the most interesting are the lexemes that have existed since the Old Russian period and have undergone changes in their semantics, such as narrowing or expanding their meaning, transitioning to other lexical-semantic groups, or developing figurative meanings. The article provides data from dictionary entries that allow us to trace the evolution of the semantics of dish names. The article proposes a classification of lexical-semantic variants of the lexemes of the lexical-semantic group "Dishes" with the suffixes -ник and -ниц. It describes unambiguous lexemes with these suffixes and polysemantic lexemes with various lexical-semantic variants. The lexical-semantic group "Dishes" includes not only unambiguous words that function as part of only one lexical-semantic group, but also polysemantic words that belong to different lexical-semantic groups depending on their meaning.

Keywords: semantics, semantic changes, dynamics of meaning, lexeme, lexical-semantic group (LSG), lexical-semantic variant (LSV), polysemantic word.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-99-108

Вопросам семантики посвящено множество исследований: это работы таких ученых, как А.А. Уфимцева, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Е.Б. Никифорова, Л.Л. Васильев, М.В. Никитин, И.А. Стернин, Г. Пауль и др. Так, А.А. Уфимцева отмечала, что «лингвистика знала длительные периоды спада исследовательского интереса к содержательным аспектам языка в целом, к лексической семантике, в особенности. Сегодня мы являемся свидетелями противоположного процесса – чрезмерного увлечения семантикой» [28, 10]. В наши дни интерес исследователей к вопросам семантики по-прежнему остается высоким.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Посуда» является одной из самых древних: лексемы, номинирующие посуду, встречаются уже в первых древнерусских памятниках письменности, причем значение слов могло сохраняться или меняться со временем. Изменение семантики наименований посуды – важный вопрос для изучения ЛСГ «Посуда» в диахроническом аспекте.

В ЛСГ «Посуда» существуют значительное количество многозначных лексем, реализующих несколько лексико-семантических вариантов. «Слово опознается лишь в одном его значении, и связь между разными лексико-семантическими вариантами полисемантического слова может актуализироваться только при наличии некоторых мыслительных усилий» [26, 37]. Проследим, как менялось значение лексем данной ЛСГ со временем.

Некоторые лексемы используются не только как обозначение предмета посуды, но и в качестве меры веса, количества продуктов, которое в эти емкости вмещалось, что типично для ЛСГ «Посуда». Такими лексемами являются: *бадьа, бидон, блюдо, бочка, братина, бутылка, ведро, горшок, графин, ендова, кадка, кастрюля, котел, корчага, кринка, кружка, кувшин, лохань, лукно, мерзавчик, миска, рюмка, сковорода, стакан, стопка, тарелка, туес, ушат, фужер, чан, чарка, чаша, чашка, шкалик, шот и штоф*. Из них 78% лексем обозначают сосуды для напитков, а 22% – емкости для пищи.

Интерес с точки зрения динамики значения представляют наименования посуды с суффиксами *-ник* и *-ниц*. Исходя из зафиксированных словарями значений этих лексем, мы можем разделить их на две группы: 1) лексемы однозначные; 2) многозначные лексемы (имеющие разные ЛСВ: 'посуда', 'любитель', 'продавец', 'род деятельности, профессия', другие значения).

1) Первая группа составляет абсолютное большинство (61% от всех лексем с суффиксами *-ник* и *-ниц*). Это следующие лексемы: *бутербродница, взварница, горчицница, джемница, кашник, кокотница, компотница, конфетница, лимонадник, менажница, мерник,*

ножницы, огуречник, оловянный, орешница, пасочница, пашотница, пашетница, подойник, поильник, половник, поросятница, рыльник, сливочник, солонница, сотейник, соусник, спагетница, супница, сухарница, сырница, толоконница, тортница, фондюшница, фруктошница, хренница, чудушница и шубница. Данные лексемы реализуют только один ЛСВ.

2) Вторую группу составляет 39% лексем, имеющих несколько лексико-семантических вариантов. Поскольку суффиксы *-ник* и *-ница* в русском языке реализуют не одно значение, то и у лексем исследуемой группы с такими суффиксами обнаруживаются различные лексико-семантические варианты, которые можно представить в виде таблицы:

лексема	'посуда'	'любитель чего-либо'	'продавец чего-либо'	'род деятельности, профессия'	другие значения
блинница	+		+	+	
вафельница	+		+	+	
гусятница	+			+	
икорник	+	+	+		
квасник	+		+	+	+
кисельница	+	+	+	+	+
кофейник	+	+			
кофейница	+	+			+
лимонница	+	+			+
молочник	+		+		
мучница	+				+
овощник	+		+		+
олейница	+				+
опарник	+				+
пирожница	+			+	
рассольник	+				+
салатник	+	+			
сахарница	+	+		+	
селечница	+	+	+		
сметанница	+	+			
уксусница	+		+	+	+
утятница	+			+	+
хлебница	+		+	+	
чайник	+	+			+
чайница	+	+			

Так выглядят лексико-семантические варианты лексем ЛСГ «Посуда» с суффиксами *-ник* и *-ница*.

В некоторых лексемах суффиксы *-ник* и *-ниц* взаимозаменяемы. Например, у лексемы *икорник* кроме значения 'посуда' есть еще значения 'любитель чего-либо' и 'продавец чего-либо' [7, 41]. Лексема *икорница* также функционирует во всех перечисленных значениях.

У лексемы *кисельница* суффиксы *-ник* и *-ниц* взаимозаменяемы и имеют одни значения: 'посуда', 'продавец киселя' и 'любитель киселя', но фиксируются и другие: 'хилый человек', 'щавель' (твр., пск.) для лексемы *кисельник*, а также значение 'слякоть' у лексемы *кисельница* [7, 110]. В словаре Т.Ф. Ефремовой отмечаются значения 'продавец киселя' и 'изготовитель киселя', но оба с пометой *устар.* [12, 965].

Согласно словарю В.И. Даля, лексема *салатник* имеет значения 'посуда' и 'любитель салатов'. Эти же два значения отмечаются и у лексемы *салатница* [8, 130]. Словарь Т.Ф. Ефремовой фиксирует у обеих лексем только значение 'посуда' [14, 175]. В произведениях литературы можем встретить лексему в значении 'миска для салата': *«Во всяком маленьком ресторане можно увидеть француза, который, спросив на завтрак порцию салата, сначала съест политую соусом траву, потом начнет вытирать салатник хлебом и съест хлеб, а наконец поднимет посудину и посмотрит на обратную сторону, нет ли и там чего»* (М.Е. Салтыков-Щедрин, «За рубежом», 1811 г.) [25]. Лексема актуальна и в наше время. Так, она используется, например, в переводном тексте: *«Я достал из холодильника большую салатницу из голубого окинавского стекла и вылил туда остававшиеся в бутылке пять миллиметров приправы»* (Харуки Мураками «Охота на овец», 1982 г.) [18].

У лексемы *уксусница* кроме значения 'сосуд для уксуса' в словаре В.И. Даля отмечаются также значения 'изготовитель уксуса' и 'продавщица уксуса' (в тех же значениях функционирует и лексема *уксусник* [4, 486]. В современном толковом словаре наименование *уксусница* встречается в значении 'сосуд для уксуса', а также в значении 'растение' [7, 629].

Лексема *утятница* имеет значения 'сосуд для приготовления мяса утки' (лексема *утятник* функционирует в этом же значении), 'работница, ухаживающая за утками', 'щука, питающаяся утками', 'собака, которая ходит за утками', [7, 673]. Наименование *утятник* функционирует в значениях 'сосуд для приготовления мяса утки', 'ястреб, который охотится на уток' [8, 520].

В других же наименованиях суффиксы *-ник* и *-ниц* формируют разные ЛСВ. Например, лексема *гусятница* имеет два значения: 'посуда для жаренья и тушенья' и 'женщина, ухаживающая за гусями', а лексема *гусятник* имеет уже другие значения – 'помещение для гусей', 'растение', 'ястреб' [12, 529]. В словаре В.И. Даля отмечаются у лексемы *гусятник* и значения 'любитель чего-либо', 'продавец чего-либо' [6, 411].

Лексема *квасник* реализует следующие значения: 'сосуд для хранения и розлива кваса', 'продавец кваса' и 'изготовитель кваса'. Словарь В.И. Даля фиксирует и еще одно значение – 'лепешки, на которые наливают кипятки и делают квас' [7, 103]. Лексема же *квасница* употребляется только в двух последних значениях, в значении 'посуда' не употребляется [12, 954].

Лексему *овощник* современные словари фиксируют со значением 'продавец овощей' [12, 424]. В словаре В.И. Даля находим лексему и со значением 'посуда' с пометой *стар.*, а также в значении 'огород' (орл., кал.). У лексемы *овощница* совпадает значение 'продавщица чего-либо' [7, 642]. В XVI столетии лексема употреблялась со значением 'сад'.

Иная ситуация складывается с лексемами *кофейник* и *кофейница*. В нашей ЛСГ лексемы имеют разные значения – 'сосуд для варки кофе' и 'банка для хранения зерен', совпадают они в значении 'любитель кофе', но у лексемы *кофейница* есть и другое значение: 'гадалка на кофейной гуще'. Аналогичную ситуацию наблюдаем и у лексем *чайник* и *чайница*, которые в нашей ЛСГ имеют значения 'сосуд для заваривания чая' и 'банка для хранения сухого чая', но совпадают в значении 'любитель чая' [8, 581]. Словарь Т.Ф. Ефремовой у лексемы *чайник* фиксирует новое значение 'неопытный человек', а вот значение 'любитель чая' уже не отмечает [14, 806]. В произведениях литературы можно

встретить лексемы в разных значениях: «*В пылу такой восторженности вдруг вздумалось ему наградить свою чайницу и кофейницу Аксютку, которую он бог знает за что постоянно жаловал*» (С.Т. Аксаков «Семейная хроника», 1856 г.) [1]; «*Большие стеклянные банки с кофе, корицей, ванилью, хрустальные чайницы, судки с маслом, с уксусом*» (И.А. Гончаров «Обломов», 1859 г.) [3].

Таким образом, анализ разных ЛСВ всех наименований посуды с суффиксами *-ник* и *-ниц* (таких в ЛСГ «Посуда» насчитывается 64 лексемы), позволяет прийти к следующему выводу: из всех наименований посуды с указанными выше суффиксами 29% лексем реализуют значение 'любитель чего-либо', 21% – это лексемы со значением 'продавец чего-либо' и столько же – реализующие значение 'род деятельности, профессия', еще 29% имеют прочие значения. Все эти наименования являются многозначными и помимо значения 'посуда' обязательно имеют и как минимум одно другое значение.

Как уже отмечалось, в состав ЛСГ «Посуда» входят не только однозначные слова (например, такие как *братина, бурдюк, декантер*, т.е. лексемы, которые функционируют в составе только одной ЛСГ), но и многозначные, которые в зависимости от значения входят в разные лексико-семантические группы. В связи с этим необходимо упомянуть и о лексемах, в семантической структуре которых наблюдались различные семантические процессы. Рассмотрим эти группы.

1. В первую группу входят лексемы, которые со временем утратили ряд ЛСВ. Например, у лексемы *штоф* ('сосуд для вина, водки') после перехода на метрическую систему мер исчезло значение 'старинная русская мера объема жидкости' [14, 894]. У лексемы *кружка* также было утрачено значение 'мера объема', равная 1/8 ведра. Другой ушедший в прошлое ЛСВ этой лексемы – 'сосуд для сбора пожертвований' приводится в современном словаре с пометой *устаревшее* [14, 894].

В современном языке лексема *плошка* реализует один ЛСВ ('плоский сосуд из глины, миска'): «*Обрадовался Алешка – давно молока хотел, – все до дна выпил и плошку языком вылизал*» (Б.С. Житков «Вечер», 1931 г.) [15]. Но ранее у лексемы было и значение 'сосуд с фитилем или свечой для освещения', что отражено в текстах прошлых веков: «*Тут весь театр осветился плошками, и зрители захлопали в знак удовольствия*» (Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1793 г.) [16]. Словарь Т.Ф. Ефремовой дает помету *устаревшее* к лексеме *плошка* в значении 'сосуд с фитилем или свечой для освещения' [13, 747].

Устаревшая лексема *поставец* ранее реализовала лексико-семантические варианты 'чаша с крышкой', 'шкаф для посуды' и 'подставка для свечи или лучины' [14, 922], что отражено в произведениях литературы прошлых веков: «*Катерина сняла со стола старый ковер, потом открыла сундук, вынула из него драгоценную скатерть, всю расшитую яркими шелками и золотом, и накрыла ею на стол; потом вынула из шкафа старинный, прадедовский, весь серебряный поставец, поставила его на середину стола и отделила от него три серебряные чарки – хозяину, гостю и чару себе; потом важным, почти задумчивым взглядом посмотрела на старика и на гостя*» (Ф.М. Достоевский «Хозяйка», 1847 г.) [11]; «*Он прислал мне в ответ два маленькие ящичка: один лакированный, с инкрустацией из перламутра, другой деревянный, обтянутый кожей акулы, миниатюрный поставец, в каком возят в дороге пищу*» (И.А. Гончаров «Фрегат "Паллада"», 1857 г.) [4]. В современном языке лексема больше не востребована.

2. Во вторую группу входят лексемы, которые формировывали новые ЛСВ. Например, у лексемы *дежа* 'сосуд для замешивания теста' позже развивается и значение 'сосуд для замешивания теста на хлебозаводах' [5, 550]. С развитием производства лексема употребляется не только для обозначения домашней утвари, но и по отношению к посуде, предназначенной для приготовления хлеба на заводе в больших объемах. В таком значении этот предмет посуды уже представляет собой металлический сосуд, а не деревянный, и отличается значительно большим размером. Оба ЛСВ входят в состав ЛСГ «Посуда».

У лексемы *котел* ('сосуд округлой формы для варки пищи'), известной с древних времен, в словарях отмечаются и другие ЛСВ: 'окружение войск противника' и 'деньги, поставленные на кон в азартных карточных играх' [12, 1048]. Отметим, что у образованной от нее лексемы *котелок* другие ЛСВ отличаются – 'мужская шляпа', 'голова' и 'умственные способности', последние два приведены с пометой разговорно-сниженное [12, 1048].

Лексема *кубок* имеет не только значение 'сосуд в виде чаши' (устаревшее), но и значение 'приз в виде такого сосуда' (переносное) [12, 1079].

У лексемы *лагун* ('деревянный сосуд для перевозки воды') со временем развилось новое значение: 'металлический бак с краном для питьевой воды на судне' [12, 1100].

С развитием машиностроения у лексемы *масленка* ('емкость для сливочного масла') появились два новых значения: 'приспособление для смазки частей машин' и 'устройство для подачи смазочных веществ на трущиеся поверхности машин, механизмов', которые входят в другие ЛСГ [13, 34].

Лексема *розетка* ('небольшое блюдце') имеет сеть лексико-семантических вариантов, входящих в разные ЛСГ: 'предмет посуды', 'орнамент в виде цветка' (в архитектуре), 'ленты на платье, собранные в пучок', 'группа листьев, расположенных скученно', 'устройство для присоединения электроприборов к электрической цепи', 'кружок для подсвечника, предохраняющий от капающего воска' и 'абажур для электрической лампы' [14, 143]. В произведениях литературы можем встретить разные ЛСВ: «*М-р Никола и т-р Жуквич, оба в белых галстуках и с розетками распорядителей, принимали всех чуть ли не в передней*» (А.Ф. Писемский «В водовороте», 1871 г.) [23]; «*Отовсюду лезли в глаза розетки, гирлянды, вензеля и короны, сияли золотом слова "Боже, царя храни" и "Славься, славься, наш русский царь"; тысячи национальных флагов свешивались с крыши, торчали изо всех щелей, куда можно было сунуть древко*» (М. Горький «Жизнь Клима Самгина», 1936 г.) [5]; «*Новая жена королевича... налила нам прекрасно заваренный свежий красный чай в стаканы с подстаканниками и подала в розетках липовый мед...*» (В. Катаев «Алмазный мой венец», 1975–1977 гг.) [17].

Лексема *стакан* имеет ЛСВ, входящие в состав других лексико-семантических групп: 'гильза артиллерийского снаряда' и 'устройства, детали цилиндрической формы' [14, 397].

У лексемы *ступа* ('сосуд, в котором толкут что-либо пестом') со временем появилось еще одно значение – 'монументальное сооружение для хранения ценных реликвий' (в буддийской архитектуре) [14, 438].

Лексема *чумичка* в значении ('большая разливательная ложка или ковш') в словаре Т.Ф. Ефремовой приводится с пометой *диалектное*, но также отмечается и значение, относящееся к характеристикам человека – 'грязный, неопрятный человек' [14, 846]. Примечательно, что в словаре В.И. Даля наоборот – значение 'грязнуля' дается с пометой *диалектное*, а у значения 'посуда' такой пометы нет [8, 614]. Например, «*И знаешь, обо всем толкование: что, например, значит метла, лопата, чумичка, ухват?*» (Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели», 1859 г.) [10]; «*Жмигулина. Да тебе что за печаль? Что ж, по-твоему, чумичкой ходить, как ты?*» (А.Н. Островский «Грех да беда на кого не живет», 1862 г.) [21].

3. В третью группу входят лексемы, в семантической структуре которых происходят разнонаправленные процессы: как появление новых ЛСВ, так и их утрата. Например, у лексемы *бочка* ('большой деревянный сосуд') до 1918 г., когда была введена метрическая система мер, было значение «старинная русская мера объема, равная 492 л.» [12, 203]. В XX в. один ЛСВ у этой лексемы исчез, но в этом же столетии появился другой – «одна из фигур высшего пилотажа в авиации» [12, 203]. В произведениях литературы встречаем оба ЛСВ: «*У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки*» (А.С. Пушкин «Капитанская дочка», 1836 г.) [24]; «*Они пронеслись прямо над танками, и передний истребитель... в двух десятках метров от земли сделал бочку и свечой, почти вертикально, пошел вверх*» (В.О. Пелевин «Принц Госплана», 1991 г.) [22].

Лексема *латка* ('миска для жаренья, тушенья'), в современном языке имеет еще одно значение – 'заплата' [12, 203]. Но ранее у нее были и другие лексико-семантические варианты: 'кушанье из рыбы' и 'отдушник в печи' (диалектные) [7, 240]. Например, «*Кашиевар налил им две чашки щей и поставил на стол целую латку с жареной рыбой*» (Ф.М. Достоевский «Записки из мертвого дома», 1862 г.) [9]; «*Лицо у него было подвязано тряпкой и на голове торчало что-то вроде монашеской скуфейки; одет он был в короткую хохлацкую чумарку, всю усыпанную латками, и в синие шаровары навыпуск, а обут в лапти*» (А.П. Чехов «Степь», 1888 г.) [29].

У лексемы *поднос* устаревшее значение 'подношение, подарок' исчезло, а в современном языке осталось только значение 'специальная доска для подачи' [13, 805]. В XIX в., как отмечает словарь В.И. Даля, было еще одно значение – 'кожаная подкладка' (у сапожников), не зафиксированное в современных словарях [8, 191].

Лексема *тарелка* ('столовая посуда с плоским дном'), имеет несколько более поздних ЛСВ: 'телевизионная антенна в форме диска', 'неопознанный летающий объект', 'репродуктор в форме диска' (устаревшее) [14, 484]. В словаре В.И. Даля отмечается также устаревшее теперь значение 'бляха у рукояти шпаги' [8, 391].

Можно сделать вывод, что нередко появление у лексем ЛСГ «Посуда» новых значений связано с развитием науки и техники. Так, например, с развитием судоходства у лексем *банка, ковши, лагун* появились новые ЛСВ, которые входят уже в другие лексико-семантические группы, с появлением машиностроения – у лексем *масленка* и *черпак*, авиации – у лексемы *бочка* и *штопор*, прочих технологий – у лексем *дежа, розетка, стакан, тарелка, турка* и др. Пять лексем (*квашина, перечница, пестерь, чайник* и *чумичка*) обозначают характеристики человека. Лексема *контейнер* (в значении 'вместилище для перевозки грузов') изначально принадлежала к другой лексико-семантической группе, позже, расширив свое значение, стала относиться и к ЛСГ «Посуда». В ЛСГ «Посуда» из других лексико-семантических групп пришли такие лексемы: *лопата, молоток, топорик, формочка, шпатель, шпатель и щипцы*. Сами приспособления изначально использовались совсем в других сферах жизни и с другими целями, но их устройство и механизм работы позже стали использовать в кулинарии, добавив таким образом к наименованиям еще один лексико-семантический вариант. Отметим, что большинство таких лексем переходило в нашу лексико-семантическую группу из ЛСГ «Инструменты». То, что раньше могло использоваться для грубой работы с различными материалами (*молоток, топорик, шпатель*, например), с развитием кулинарного искусства стало употребляться в приготовлении продуктов. Функциональное назначение осталось прежним, но, перемещенное в другую сферу, лексемы входят в состав ЛСГ «Посуда» (например, *молоток* – предмет, предназначенный для того, чтобы что-либо отбивать или *топорик* – устройство для рубки чего-либо). Так развиваются новые значения.

Ряд лексем теряет ЛСВ. Так, исчезло значение 'мера объема жидкости' у трех лексем: *бочка, кружка* и *штоф*. Устарели некоторые значения лексем *кринка, латка, плошка, поднос*. Лексема *веко* в современном языке не употребляется в значении 'посуда'.

Проанализированный нами материал позволяет сделать вывод, что динамические процессы в ЛСГ «Посуда» протекают постоянно, поскольку активно меняются бытовые реалии, меняется и семантика наименований предметов посуды: исчезают старые ЛСВ; формируются новые ЛСВ; ряд ЛСВ переходит в другие лексико-семантические группы; ряд ЛСВ пополняет ЛСГ «Посуда» в результате перехода из других лексико-семантических групп; формируются переносные значения, причем со временем они могут стать основными.

1. Аксаков С.Т. Семейная хроника. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0014.shtml?ysclid=mp80yrjc85544870343 (дата обращения: 05.01.2026).

2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.

3. Гончаров И.А. Обломов. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0014.shtml?ysclid=mp80yrjc85544870343 (дата обращения: 02.01.2026).

4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0082.shtml?ysclid=mp8194bowl36400022 (дата обращения: 04.01.2026).
5. Горький М. Жизнь Клим Самгина. URL: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/text_1927_zhizn_klima_samgina_part_1.shtml?ysclid=mp81c4aat419793524 (дата обращения: 04.01.2026).
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / [предисл. А.М. Бабкина]. 7-е изд. Т. 1. А–З. М., 1978.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / [предисл. А.М. Бабкина]. 7-е изд. Т. 2. И–О. М., 1978.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / [предисл. А.М. Бабкина]. 7-е изд. Т. 4. Р–Я. М., 1978.
9. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0030.shtml?ysclid=mp81mm4k3n584761978 (дата обращения: 02.01.2026).
10. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0270.shtml?ysclid=mp81g03wu2767309419 (дата обращения: 03.01.2026).
11. Достоевский Ф.М. Хозяйка. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0170.shtml?ysclid=mp817v1b6j527508410 (дата обращения: 06.01.2026).
12. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 Т. Т. 1. А–Л. М., 2006.
13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 Т. Т. 2. М–П. М., 2006.
14. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 Т. Т. 3. Р–Я. М., 2006.
15. Житков Б.С. Вечер. URL: http://az.lib.ru/z/zhitkow_b_s/text_0410.shtml?ysclid=mp8150f54h508135165 (дата обращения: 02.01.2026).
16. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0320.shtml?ysclid=mp81669my6510750038 (дата обращения: 04.01.2026).
17. Катаев В. Алмазный мой венец. URL: <https://www.rulit.me/books/almaznyj-moj-venec-s-podrobnyim-kommentariem-read-39279-1.html?ysclid=mp81e6tmha55368275> (дата обращения: 04.01.2026).
18. Мураками Х. Охота на овец. URL: <https://oriental.ru/txt/murakami/sheephunt.shtml> (дата обращения: 06.01.2026).
19. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
20. Никифорова Е.Б. Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы: коллективная монография / под ред. д-ра филол. наук, проф. Е.Б. Никифоровой. Волгоград, 2012.
21. Островский А.Н. Грех да беда на кого не живет. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0070.shtml?ysclid=mp81hncbf321837598 (дата обращения: 03.01.2026).
22. Пелевин В.О. Принц Госплана. URL: <https://books.yandex.ru/books/LxNLk3bk/read-online?ysclid=mp81lnrmia66103627> (дата обращения: 04.01.2026).
23. Писемский А.Ф. В водовороте. URL: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0150.shtml?ysclid=mp81aty6qr487380615 (дата обращения: 06.01.2026).
24. Пушкин А.С. Капитанская дочка. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0430.shtml?ysclid=mp81j2cfigm854176210 (дата обращения: 06.01.2026).
25. Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0350-1.shtml?ysclid=mp80ryxfs0679812424 (дата обращения: 04.01.2026).
26. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: 3 т. Т. 2. Ч. 1: Л–О. М., 1989.
27. Стернин И.А. Лексическое значение слова и речи. Воронеж, 1975.
28. Уфимцева А.А. Лексическое значение [Принцип семилогического описания лексики] / отв. ред. Ю.С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1986.
29. Чехов А.П. Степь. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_1888_step.shtml?ysclid=mp81pkdod2568690941 (дата обращения: 04.01.2026).
1. Aksakov S.T. Semeynaya khronika. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0014.shtml?ysclid=mp80yrjc85544870343 (data obrashcheniya: 05.01.2026).

2. Vasil'ev L.M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika*. M., 1990.
3. Goncharov I.A. *Oblomov*. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0014.shtml?ysclid=mp80yrjc85544870343 (data obrashcheniya: 02.01.2026).
4. Goncharov I.A. *Fregat «Pallada»*. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0082.shtml?ysclid=mp8194bowl36400022 (data obrashcheniya: 04.01.2026).
5. Gor'kiy M. *Zhizn' Klima Samgina*. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1927_zhizn_klima_samgina_part_1.shtml?ysclid=mp81c4aat419793524 (data obrashcheniya: 04.01.2026).
6. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* / [predisl. A.M. Babkina]. 7-e izd. T. 1. A–Z. M., 1978.
7. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* / [predisl. A.M. Babkina]. 7-e izd. T. 2. I–O. M., 1978.
8. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* / [predisl. A.M. Babkina]. 7-e izd. T. 4. R–Ya. M., 1978.
9. Dostoevskiy F.M. *Zapiski iz mertvogo doma*. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0030.shtml?ysclid=mp81mm4k3n584761978 (data obrashcheniya: 02.01.2026).
10. Dostoevskiy F.M. *Selo Stepanchikovo i ego obitateli*. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0270.shtml?ysclid=mp81g03wu2767309419 (data obrashcheniya: 03.01.2026).
11. Dostoevskiy F.M. *Khozyayka*. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0170.shtml?ysclid=mp817v1b6j527508410 (data obrashcheniya: 06.01.2026).
12. Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 T. T. 1. A–L. M., 2006.*
13. Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 T. T. 2. M–P. M., 2006.*
14. Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 T. T. 3. R–Ya. M., 2006.*
15. Zhitkov B.S. *Vecher*. URL: http://az.lib.ru/z/zhitkov_b_s/text_0410.shtml?ysclid=mp8150f54h508135165 (data obrashcheniya: 02.01.2026).
16. Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0320.shtml?ysclid=mp81669my6510750038 (data obrashcheniya: 04.01.2026).
17. Kataev V. *Almaznyy moy venets*. URL: <https://www.rulit.me/books/almaznyj-moj-venec-s-podrobnym-kommentariem-read-39279-1.html?ysclid=mp81e6mmha55368275> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
18. Murakami Kh. *Okhota na ovets*. URL: <https://oriental.ru/txt/murakami/sheephunt.shtml> (data obrashcheniya: 06.01.2026).
19. Nikitin M.V. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya*. M., 1988.
20. Nikiforova E.B. *Slovo i znachenie vo vremeni i prostranstve: dinamicheskie protsessy: kollektivnaya monografiya / pod red. d-ra filol. nauk, prof. E.B. Nikiforovoy*. Volgograd, 2012.
21. Ostrovskiy A.N. *Grekh da beda na kogo ne zhivet*. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0070.shtml?ysclid=mp81hncbf321837598 (data obrashcheniya: 03.01.2026).
22. Pelevin V.O. *Prints Gosplana*. URL: <https://books.yandex.ru/books/LxNLk3bk/read-online?ysclid=mp81lnrmia66103627> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
23. Pisemskiy A.F. *V vodovorote*. URL: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0150.shtml?ysclid=mp81aty6qr487380615 (data obrashcheniya: 06.01.2026).
24. Pushkin A.S. *Kapitanskaya dochka*. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0430.shtml?ysclid=mp81j2cfigm854176210 (data obrashcheniya: 06.01.2026).
25. Saltykov-Shchedrin M.E. *Za rubezhom*. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0350-1.shtml?ysclid=mp80ryxfs0679812424 (data obrashcheniya: 04.01.2026).
26. Sreznevskiy I.I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka: 3 t. T. 2. Ch. 1: L–O. M., 1989.*
27. Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova i rechi*. Voronezh, 1975.
28. Ufimtseva A.A. *Leksicheskoe znachenie [Printsip semilogicheskogo opisaniya leksiki] / otv. red. Yu.S. Stepanov; AN SSSR, In-t yazykoznaniya. M., 1986.*
29. Chekhov A.P. *Step'*. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_1888_step.shtml?ysclid=mp81pkdod2568690941 (data obrashcheniya: 04.01.2026).

Информация об авторе

Анастасия Александровна Рутенко,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия).
400066, Россия, Волгоградская область,
Волгоград, пр. В.И. Ленина, 27.
Аспирант кафедры русского языка
и методики его преподавания.
Научные интересы: лексикология, этимология,
диахроническое языкознание.
ORCID ID: 0009-0004-1663-323X
E-mail: belousova.nastya122@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.04.2026;
одобрена после рецензирования 21.05.2026;
принята к публикации 21.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Anastasiya A. Rutenko,
Volgograd State Social-Pedagogical University
(Volgograd, Russia).
400066, Volgograd region, Volgograd,
Lenina str., 27.
Postgraduate student of the Department
of Russian Language
and Methods of Teaching.
Research interests: lexicology, etymology,
and diachronic linguistics.
ORCID ID: 0009-0004-1663-323X
E-mail: belousova.nastya122@yandex.ru

The article was submitted 13.04.2026;
approved after reviewing 21.05.2026;
accepted for publication 21.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Рутенко, А.А. Наименования посуды в русском языке: семантические изменения // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 99–108. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-99-108.

For citation: Rutenko, A.A. Names of dishes in the Russian language: semantic changes // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 99–108. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-99-108.

Права: © А.А. Рутенко (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / INTERDISCIPLINARY RESEARCH

А.А. Терин
A.A. Terin

ЭТНОГЛЮТТОНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КИНОЖАНРА УЖАСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «SINNERS» РЕЖИССЕРА Р. КУГЛЕРА)

THE ETHNOGLUTTON COMPONENT OF THE HORROR FILM GENRE (BASED ON THE MATERIAL OF THE FEATURE FILM "SINNERS" DIRECTED BY R. COOGLER)

В представленном исследовании дается описательный анализ языковой и паралингвистической системы этноглuttonии в кинокартине, относящейся к жанру ужасов. Материалом исследования послужил американский художественный фильм «Sinners» (Грешники) режиссера Райана Куглера как поджанр фильмов ужасов про вампиров. В данной работе фильм рассматривается как разновидность полимодального текста, единство вербального и невербального, обрабатываемое индивидуумом сенсорными системами зрения и слуха (модальностями). Анализируемый материал является прецедентным: во-первых, репрезентация этнических групп в кинокартине обусловлена историческими событиями и процессами, которые проходили в 30-е годы XX века в период Великой депрессии в США; во-вторых, межличностные взаимоотношения внутри одной группы и/или с представителями другой также отражают сложное и порой форсированное становление межкультурных связей разных этносов одной страны; в-третьих, различные стратегии в вербальной коммуникации между главными героями демонстрируют доминантные черты этноса. Этноглuttonический компонент в фильме представлен многогранно: 1) хронотоп картины и деятельность персонажей относятся к коммуникации, связанной с алиментарной культурой представленных этносов; 2) коммуникация с использованием лексических знаков лингвосемиотической системы глuttonии передает быт и социальный статус героев; 3) фразеологический набор данной знаковой системы представлен в сферах общения, абсолютно не относящихся к ритуалам приготовления, подачи и потребления пищи, что подчеркивает атрибутивную функцию данных лексем; 4) использование отдельных знаков-глuttonимов, знаков-квалификаторов и знаков-процессивов задает тон повествованию, балансируя между мрачным нарративом и комичными ситуациями. Таким образом, этноглuttonический компонент в фильме

ужасов не только дает развитие сюжету, но и является жанрообразующим элементом.

Ключевые слова: глоттонический дискурс, этноглuttonия, полимодальный текст, фильм ужасов, фильм «Sinners», «Грешники».

The presented research provides a descriptive analysis of the linguistic and paralinguistic system of ethnogluttony in a horror film. The research material is the American feature film "Sinners" directed by Ryan Coogler as a kind of a horror film about vampires. In this paper, the film is considered as a type of polymodal text, the unity of the verbal and non-verbal, processed by an individual's sensory systems of vision and hearing (modality). The analyzed material is precedent-setting: firstly, the representation of ethnic groups in the film is due to historical events and process that took place in the 1930s during the Great Depression in the USA; secondly, interpersonal relationships within one group and/or with representatives of another also reflect the complex and sometimes forced formation of intercultural relations amongst different ethnic groups of a single country; thirdly, different strategies in verbal communication between the main characters demonstrate the dominant features of the ethnic group. The ethnoglutton component in the film is presented in various ways: 1) the chronotope of the film and the activities the main characters conduct relate to communication related to the alimentary culture of the represented ethnic groups; 2) communication with using lexical items of the linguistic and semiotic system of gluttony conveys the life and social status of the characters; 3) the phraseological set of the items of the system is presented in communication spheres that are absolutely unrelated to the rituals of cooking, serving and consuming food, which emphasizes the attributive function of these items; 4) the use of concrete items from the system (items denoting food and drinks, quality, and cooking processes) set the tone for the narration, balancing between a gloomy narrative and comical ones. Thus, the ethnoglutton in a horror film not only develops the plot, but is also a genre-forming element.

Key words: glutton discourse, ethnogluttony, polymodal text, horror film, "Sinners".

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-109-115

Когнитивная система глuttonии, предложенная исследователем А.В. Оляничем, структурирует материальный и духовный мир, связанный с процессами добычи, обработки, приготовления, подачи и приема пищи [3, 24]. Вербальное и паралингвистическое выражение данных знаниевых аспектов реализуется через различные средства лингвосемиотической системы глuttonии [3, 29]. Анализ данной семиотической среды заслуживает особого внимания, так как ее репрезентация в массовой и элитарной культуре обширна, но малоизучена. Главной особенностью глuttonической коммуникации и ее лингвосемиотической системы является универсальность и повсеместность. Использование ее в различных многочисленных контекстах позволяет раскрыть частные когнитивные структуры базовых этнокультурных концептов.

Произведения детской литературы являются средой реализации глuttonической коммуникации. Использование в них наименований блюд волшебного и реального миров позволяет реализовать автору свой индивидуальный стиль, раскрыть сущность своего этноса и показать быт героев [2]. Тексты кулинарных рецептов, представленные в классическом готическом фэнтези, служат не только элементом передачи мрачной атмосферы, но и становятся стимулом для развития первичных навыков приготовления блюд традиционной кухни страны автора [5]. Литературное описание повышенного чувства голода, безудержного аппетита и неподобающего поведения во время приема пищи воспитывает в человеке столовый этикет [6]. Многогранное проявление гедонизма и его

девиаций у героев литературных произведений отражает современные проблемы социума, связанные с чрезмерным или дефицитным потреблением пищи [4]. Лексические знаки глоттонической коммуникации, представленные в книгах для детей, не только выполняют рекреационную функцию, но и воспитательную. Полисемантический характер данного дискурса многогранно расширяет просветительский потенциал книг для читателя.

Исследователь Г.М. Боваева в своем диссертационном исследовании подтвердила гипотезу о том, что «лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений детерминирована территориально обусловленными и исторически сложившимися традициями» [1, 4]. Ритуальный характер глоттонии делает данный вид коммуникации не только дискурсом реализации базовой потребности, но и культурогенным источником. В свою очередь, стоит отметить, что деятельность, регламентируемая алиментарной культурой, оказывает влияние на поведение участников коммуникации и принятие ими решений. Таким образом, цель нашего исследования заключается в описании этноглоттонического компонента в жанре фильмов ужасов.

Фильм *Sinners* (Грешники), который произвел фурор на 98-ой церемонии награждения премии «Оскар», является американским фильмом ужасов с элементами мистики и мюзикла, получившим рекордные 16 номинаций и 4 награды, что подтверждает важность данного культурного феномена в обществе. Сюжет фильма повествует о двух днях из жизни афроамериканских братьев-близнецов, которые вернулись из Чикаго в родной город в южном штате Миссисипи. В городе ветров братья работали на итальянский и ирландский мафиозные кланы, о чем говорят их характерные наряды. Действие фильма разворачивается в 1932 году в период Великой Депрессии в США и описывает продолжение сегрегации и дискриминации этнических меньшинств.

Кинофильм как текст относится к полимодальному тексту [7], единству вербальных и невербальных данных, получаемых зрительными и слуховыми сенсорами. На протяжении всего действия картины яркие визуальные образы дополняют хронотоп происходящего. В родном городе братья решают открыть джук-джойнт (*juke joint*). Лексический знак-локатив *juke joint* обозначает заведение на юге США, где люди могут танцевать, пить алкоголь, принимать пищу, играть в азартные игры и слушать блюз. Данная лексема прецедентна и этнически маркирована, она используется исключительно темнокожими героями, проживающими на юге Америки. Как правило, зданием для джук-джойнта являлся старый склад или скотобойня (*slaughterhouse*), а главной особенностью данных заведений являлась их дешевизна и доступность для бедных слоев населения. Подобные бары были теми немногочисленными местами, где рабочие хлопковых плантаций могли социализироваться после тяжелого физического труда.

Чтобы устроить вечеринку (*big event tonight*) в своем джук-джойнте, братья нанимают людей для приготовления блюд из разных продуктов питания и подачи напитков, для этого они отправляются в продовольственный магазин (*Delta Grocery*), которым владеет китайская семья. В магазине они заказывают мясо сома на сотню персон (*catfish for a hundred people*). Стены бакалеи также обладают информацией глоттонической коммуникации – именно на них висят плакаты с наименованиями продуктов питания и стоимостью: *BEST CREAMERY BUTTER 55c*. 'лучшее сливочное масло за 55 центов', *RED VELVET/ ALMOND/ CHOCOLATE CAKE de LUXE 65c*. 'великолепные красный бархат/ торт со вкусом миндаля/ шоколадный торт за 65 центов', *PREMIUM FLOUR 36c*. 'мука высшего сорта за 36 центов', *SPECIAL BLEND COFFEE 39c*. 'кофе особого помола за 39 центов'. Данная информация отражает способы продвижения продуктов питания среди покупателей периода Великой депрессии. Стоит отметить, что на вывесках указана стоимость продукта, но количество за стоимость отсутствует. Можно предположить, что для владельцев магазина был уместен торг в процессе рыночных отношений.

Рассмотрим следующий пример:

«Rush job. Gon' cost you. / I'm listenin'. / Twenty. Fifteen for the front door sign and five for the menu. / Ten. Seven for the front door sign, three for the menu. / Sixteen. / Fifteen. / Done. /

Oh. We only got one color, by the way. / What color you got? / Red. / Thirteen. / Fourteen fifty. / Fourteen. Throw these flowers right here, and we got a deal. / Done» [9]. (Срочная работа. Обойдется дорого. / Слушаю. / Двадцать. Пятнадцать за табличку на двери и пять за меню. / Десять. Семь за табличку, три за меню. / Шестнадцать. / Пятнадцать. / Готово. / Только у нас один цвет остался. / Какой цвет у вас? / Красный. / Тогда тринадцать. / Четырнадцать пятьдесят. / Четырнадцать. Заверните мне эти цветы. По рукам? / По рукам) (перевод наш. – А.Т.).

Жена владельца магазина Грейс, узнав о срочности работы по декорированию джук-джойнта, устанавливает высокую стоимость, которую один из братьев начинает сбивать. Узнав, что для вывески и меню в джук-джойнт, у торговцев лишь один красный цвет, брат использовал это как повод дополнительного снижения суммы оплаты, что повлекло дальнейшие торги. Для финализации диалога была названа конечная стоимость и совершена быстрая смена темы – переход с обсуждения вывесок и разработки меню на обсуждение букета цветов, который приглянулся герою. По улыбке хозяйки мы видим, что она довольна торгами. Подобные неформальные переговоры являются искусством и характерны для представителей китайского народа, что отражает их этнокультурную специфику в глюттотонической коммуникации. Кроме того, вежливая и местами дружелюбная коммуникация происходит между представителями двух разных этнических меньшинств, которые претерпевали дискриминацию со стороны белого населения США.

Не считая членов Ку-клукс-клана, эпизодично появившихся в самом конце фильма, в анализируемой кинокартине все герои представлены этническими меньшинствами: афроамериканцами, китайцами, ирландцами и коренным народом Чокто. Главный антагонист, ирландский иммигрант, он же вампир Реммик, пытается скрыться от всадников Чокто, которые являются охотниками на кровожадных существ. Спрятавшись у супругов (представителей Ку-клукс-клана), ирландец обращает их в вампиров. Стоит отметить, что всадники из племени Чокто (охотники на вампиров) пытались предостеречь пару, однако те отвергли помощь. Подобное мимолетное появление коренного народа в фильме олицетворяет попытки европейских колонизаторов приобщить его к привычному для европейцев быту, традициям, языку и религии. Подобная ассимиляция не увенчалась успехом и привела к драматическим последствиям в виде сокращения численности коренного населения и уничтожения культуры. Дальнейшее деструктивное взаимодействие антагониста-ирландца с главными героями имеет свой исторический контекст. Ирландские иммигранты в США также претерпевали дискриминацию со стороны колонизаторов, однако их внешнее сходство давало им преимущество, которым они пользовались. Например, они были более востребованными на рынке труда, а в годы Великой депрессии, период тотальной безработицы выполняли труд разнорабочих, который до этого приносил доход преимущественно темнокожему населению. Данные примеры подчеркивают многослойность и прецедентность данного фильма.

С наступлением вечера в джук-джойнте собираются посетители, начинаются танцы под ритмы блюза, на кухне жарится сом во фритюре, а в баре подаются различные напитки: *whiskey* 'виски', *Irish beer* 'ирландское пиво', *Italian wine* 'итальянское вино', *corn liquor* 'бурбон'. Лексема *corn liquor* обозначает алкогольный напиток, дистиллированный из кукурузного пюре, как правило, изготовленный незаконно. По стоимости он является самым дешевым. Его упоминание в сюжете подчеркивает низкий финансовый достаток темнокожих американцев на юге в период Великой депрессии. Рассмотрим пример:

«Too fancy for me. Ma'am. I don't need no ice or nothin'. Corn liquor'll do. / That'll be fifty cent. / Goddamn, I just got thirsty. But these is good down at the Maybell General Store. / You like that cold, right?» [9]. (Для меня это слишком чересчур. Мэм. Мне не нужен ни лед, ничего еще. Пусть будет бурбон. / Это будет 50 центов. / Черт возьми, у меня только 30. Но вот эти деревяшки вполне в ходу в магазине Мейбел) (перевод наш. – А.Т.).

Посетитель джук-джойнта является простым разнорабочим, что также подчеркивается его речью (*I don't need no ice or nothing* – многократное отрицание,

нетипичное для традиционной английской грамматики, *these is good* – отсутствие согласования подлежащего со сказуемым). Его финансовый статус настолько низок, что он не в состоянии рассчитаться полностью за напиток и вынужден доложить деревянные жетоны, которые применимы лишь в местном продовольственном магазине. Несмотря на сложности с деньгами, ему дают заказанный напиток, даже со льдом, что показывает доброжелательное отношение работников бара. Алкоголь и ритуалы, связанные с его приемом, как правило, относятся к вакхическому дискурсу [8], а приведенная выше ситуация показывает взаимодействие посетителя и бармена, представляющих дискриминируемое этническое меньшинство в сложный период для страны.

В разгар вечера Реммик и его новообращенные вампиры добираются до джук-джойнта. Конвенциональные вампиры не могут войти в дом без приглашения живого человека. Желая присоединиться к веселью, троица исполняют свободную интерпретацию народной песни «*Pick Poor Robin Clean*» (*Я обчистил бедного Робина до нитки*). Фразовый глагол *pick clean* имеет два значения, и в исполнении песни при помощи зевгмы они употребляются оба: 1) разорить, обчистить (*I picked poor Robin clean*); 2) разделить, освежевать, отделить от костей (*I picked his head* 'я отделил его голову', *I picked feet* 'я отделил его ноги', *I woulda picked his body, but it wasn't fit to eat* 'я бы отделил его туловище, но его неудобно есть') [9]. Второе значение относит глагол *pick clean* к знакам-процессивам лингвосомиотической системы глоттонии. Исполненная вампиром песня про неудачного игрока в карты приобретает мрачный характер, присущий киножанру ужасов. Получив отказ, кровожадные злодеи отступают. Далее, в силу случайного стечения обстоятельств, злодеи выманивают нескольких персонажей и обращают их в вампиров. С точки зрения глоттонической коммуникации, а именно ее квази-проявления, в картине реализуется сюжетный хиазм: главные герои пьют ирландское пиво, а ирландец насыщается кровью главных героев.

Далее, узнав вампирскую сущность злодеев при помощи маринада (*a jar of pickle juice*) для чеснока (*pickled garlic*), герои пришли к выводу, что им необходимо переждать ночь до рассвета (*we just gotta hole up till sunrise*). Для борьбы они начали искать чеснок (*garlic*), осиновый кол (*wood*), серебро (*silver*) и святую воду (*holy water*), что принято считать каноничными средствами для борьбы с кровожадными существами. Рассмотрим следующий разговор героев:

«We all gon' eat this clove of garlic. / I don't much like the taste of it. / Ain't no one saying you gotta like it. We just gotta figure out if any of us left is one of them. / You don't got none of the pickled ones? / This is ridiculous. / Smoke, put the gun down. / Shut up. Eat, or I'll shot» [9]. (Мы все съедем зубчик чеснока. / Мне не очень нравится его вкус. / Никто не говорит, что он должен вам нравится. Нам просто нужно выяснить, есть ли среди нас вампиры. / А маринованный чеснок не остался? / Это абсурд. / Смоук, опусти пистолет. / Заткнись. Ешь, чеснок или я тебя пристрелю) (перевод наш. – А.Т.).

Узнав, что среди оставшихся выживших в джук-джойнте может находиться самозванец, герои решают съесть по зубчику чеснока, так как это смертельно для вампира. В данном примере через возведение бытового спора о вкусовых предпочтениях до вопроса жизни и смерти достигается комический эффект. Кроме того, чеснок как трофоним является сюжетообразующим компонентом фильма ужасов про вампиров, развивая сюжет и определяя действия главных героев.

В конце фильма лишь два героя доживают до рассвета, один из них гибнет в борьбе с членами Ку-клукс-клана. В предсмертной агонии он видит дух своей возлюбленной в белом одеянии, кормящей грудью их общего ребенка, что также является компонентом глоттонической коммуникации (образ кормилицы), подчеркивающим, что герой, переходя в мир мертвых, обрел покой рядом с хранительницей очага. Ночь с вампирами и утро с представителями группы ненависти метафорично показывают опасность и скоротечность жизни дискриминируемых этнических групп не только в период 30-х годов XX века,

но и сегодня. Фильм поднимает социальные вопросы, с которыми сталкивается современное общество, а глуттония и связанные с ней образы дополняют повествование.

В простом общении героев также используются лексемы лингвосомиотической системы глуттонии, относящиеся к метафорическому арсеналу. Среди них: 1) *be fishers of men who sin* – быть ловцами тех, кто грешит (об апостолах); 2) *bite off more than you can chew* – зариться на кусок, который не проглотить (взять на себя слишком много); 3) *pop like fish grease* – взорваться как рыбий жир (для описания полной наполненности места или заведения); 4) *hungry as dogs* – быть голодным как собака; 5) *get enough pepper on us* – иметь достаточно перца при себе (о наличии порохового оружия). Данные примеры подтверждают идею, что глуттоническая коммуникация является разновидностью дискурса массовой коммуникации. Лексемы, связанные с алиментарной культурой, внедрены во все сферы деятельности человека и используются как в прямом, так и переносном смысле.

Таким образом, можно сделать вывод, что этноглуттония получает развернутую вербальную и невербальную репрезентацию в фильме ужасов как разновидности полимодального текста. Знаки лингвосомиотической системы глуттонии отражают быт людей того или иного исторического периода, детерминированный конкретной территорией. Глуттоническая коммуникация между героями выявляет доминантные черты характера как представителей их этносов, отмечая сходства и различия. Подобные ситуации также являются сюжетным двигателем и жанрообразующим компонентом. Без атрибутов и ритуалов алиментарной культуры невозможно реализовать сюжет традиционного фильма ужасов про вампиров. Перспективы дальнейшего исследования видятся в детальном рассмотрении глуттонической коммуникации в жанре детектив.

1. Боваева Г.М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений (на материале глуттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

2. Капкова С.Ю. Трофонимы и их функции в современной литературной английской сказке (на материале сказки С. Миллигана) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 47–56. DOI 10.18384/2310-712X-2019-1-47-56.

3. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. Волгоград, 2014.

4. Терин А.А., Капкова С.Ю. Гедонизм в современной английской художественной литературе для детей (на материале произведений Д. Уоллиамса) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 4 (60). С. 60–79. DOI 10.36622/VSTU.2023.70.22.005.

5. Терин А.А., Капкова С.Ю. Кулинарный дискурс в английской эксцентрической литературе для детей // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2025. № 3 (67). С. 62–74. DOI 10.36622/2587-8085.2025.26.61.005.

6. Терин А.А., Капкова С.Ю. Репрезентация голода, насыщения и процесса пищеварения в произведении «Code names bananas» Дэвида Уоллиамса // Российский лингвистический бюллетень. 2025. №5 (65). DOI 10.60797/RULB.2025.65.3. URL: <https://rulb.org/archive/5-65-2025-may/10.60797/RULB.2025.65.3> (дата обращения: 14.03.2026).

7. Терин А.А. Описание Рождества в глуттоническом дискурсе (на примере детских произведений Мерсера Майерса) // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация), Москва, 30 января 2025 года. М., 2025. С. 606–611.

8. Терин А.А. Репрезентация гастрономического дискурса (на материале колонок из *The Guardian* Дэвида Уильямса) // Казанская наука. 2025. № 5. С. 312–314.

9. *Sinners: Transcript*. URL: <https://sinnersmovie.fandom.com/wiki/Sinners/Transcript> (дата обращения: 15.03.2026).

1. Bovaeva G.M. Lingvokul'turnaya spetsifika etnicheskikh pishchevykh predpochteniy (na materiale glyuttonicheskikh nominatsiy kalmytsko-, russko- i nemetskoyazychnykh

etnosov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2012.

2. Kapkova S.Yu. Trofonimy i ikh funktsii v sovremennoy literaturnoy angliyskoy skazke (na materiale skazki S. Milligana) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. № 1. S.47–56. DOI 10.18384/2310-712X-2019-1-47-56.
3. Olyanich A.V. Potrebnosti – diskurs – kommunikatsiya: monografiya. Volgograd, 2014.
4. Terin A.A., Kapkova S.Yu. Gedonizm v sovremennoy angliyskoy khudozhestvennoy literature dlya detey (na materiale proizvedeniy D. Uolliamsa) // Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2023. № 4 (60). S. 60–79. DOI 10.36622/VSTU.2023.70.22.005.
5. Terin A.A., Kapkova S.Yu. Kulinarный diskurs v angliyskoy ekstsentricheskoй literature dlya detey // Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2025. № 3 (67). S. 62–74. DOI 10.36622/2587-8085.2025.26.61.005.
6. Terin A.A., Kapkova S.Yu. Reprezentatsiya goloda, nasyshcheniya i protsessa pishchevareniya v proizvedenii «Code names bananas» Devida Uoll'yamsa // Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten'. 2025. № 5 (65). DOI 10.60797/RULB.2025.65.3. URL: <https://rulb.org/archive/5-65-2025-may/10.60797/RULB.2025.65.3> (data obrashcheniya: 14.03.2026).
7. Terin A.A. Opisanie Rozhdestva v glyuttonicheskom diskurse (na primere detskikh proizvedeniy Mersera Mayersa) // Novyy mir. Novyy yazyk. Novoe myshlenie. Sbornik materialov VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (filologiya, pedagogika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya), Moskva, 30 yanvarya 2025 goda. M., 2025. S. 606–611.
8. Terin A.A. Reprezentatsiya gastronomicheskogo diskursa (na materiale kolonok iz The Guardian Devida Uil'yamsa) // Kazanskaya nauka. 2025. № 5. S. 312–314.
9. Sinners: Transcript. URL: <https://sinnersmovie.fandom.com/wiki/Sinners/Transcript> (data obrashcheniya: 15.03.2026).

Информация об авторе

Алексей Александрович Терин,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева
(Воронеж, Россия).
394006, Россия, Воронежская область,
Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
Аспирант, преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Научные интересы: глуттонический дискурс.
ORCID ID: 0000-0003-2425-6142
SPIN-код: 8237-4516; AuthorID: 1139029
E-mail: terin.aleshka@yandex.com

Поступила в редакцию 27.03.2026;
одобрена после рецензирования 06.05.2026;
принята к публикации 06.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Aleksei A. Terin,
Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev
(Voronezh, Russia).
394006, Voronezh oblast, Voronezh,
20 Letiya Oktyabrya Street, 95.
Postgraduate student, Lecturer of the Department
of Humanities and Socio-Economic Disciplines.
Research interest: glutton discourse.
ORCID ID: 0000-0003-2425-6142
SPIN-code: 8237-4516; AuthorID: 1139029
E-mail: terin.aleshka@yandex.com

The article was submitted 27.03.2026;
approved after reviewing 06.05.2026;
accepted for publication 06.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Терин, А.А. Этноглуттонический компонент киножанра ужасов (на материале художественного фильма «Sinners» режиссера Р. Куглера) // Philologos. 2026. № 2 (69). С. 109–115. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-109-115.

For citation: Terin, A.A. The ethnoglutton component of the horror film genre (based on the material of the feature film "Sinners" directed by R. Coogler) // Philologos. 2026. No. 2 (69). Pp. 109–115. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-109-115.

Права: © А.А. Терин (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

НАУЧНАЯ МЕМУАРИСТИКА / SCIENTIFIC MEMOIRISTICS

А.А. Кораблев
A.A. Korablev

В ЖАНРЕ МЕТАЖИЗНИ

IN THE GENRE OF METALIFE

Памяти Бориса Павловича Иванюка

Статья посвящена личности и творческой деятельности выдающегося теоретика литературы Бориса Павловича Иванюка, профессора Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, представителя Донецкой филологической школы, воспитанника Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича. Охарактеризованы основные аспекты его научных интересов: теория метафоры, жанрология, новые прочтения русской классики. Рассмотрено своеобразие его поэтического творчества. Представлены фрагменты стенографических композиций («стенодрамы») донецких конференций, где зафиксированы вопросы и ответы Б.П. Иванюка в ходе научных дискуссий – проявления живой реакции на выступления коллег и активной работы мысли. Полемическая коллизия, возникшая на юбилейной конференции в ДонГУ, куда профессор приехал со своим учеником, показательно характеризует его как наставника и педагога. Важными для понимания личности Б.П. Иванюка являются самоопределения, высказанные им в интервью донецкому коллеге, среди которых особенно значимы принципы коллективного филологического сознания – целостность и толерантность.

Ключевые слова: Борис Павлович Иванюк, теория метафоры, жанрология, стихи Бориса Иванюка, Донецкая филологическая школа, стенодрамы.

The article is devoted to the personality and creative work of Boris Pavlovich Ivanyuk, an outstanding literary theorist, professor at the Bunin Yelets State University, a representative of the Donetsk philological school, and a graduate of the Chernivtsi National University named after Yuri Fedkovych. The article describes the main aspects of his scientific interests, including the theory of metaphor, genre studies, and new interpretations of Russian classics. It also examines the uniqueness of his poetic work. The article presents fragments of stenographic compositions ("stenodrama") from Donetsk conferences, where B.P. Ivanyuk's questions and answers during scientific discussions are recorded, demonstrating his lively reactions to his colleagues' presentations and his active thought process. The polemical conflict that arose at the anniversary conference

at Donetsk State University, where the professor arrived with his student, provides valuable insights into his role as a mentor and educator. The self-definitions expressed by B.P. Ivanyuk in an interview with a Donetsk colleague are crucial for understanding his personality.

Key words: Boris Pavlovich Ivanyuk, metaphor theory, genre studies, Boris Ivanyuk's poetry, Donetsk Philological School, stenodramas.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-116-132

Борис Павлович Иванюк, о котором отныне приходится говорить в прошедшем времени, был причастен трем литературоведческим сообществам – Черновицкому, Донецкому и Елецкому. Не знаю, как в других местах, но в Донецке он был удивительно свой. Он свободно, без акцента, владел донецким филологическим диалектом, обладал даром диалогического отношения к словам, к людям, к миру, органично совмещал в своей деятельности теорию и практику и в этом совмещении достигал эстетических эффектов, когда виртуозно сопрягал далековатые понятия в неожиданные сентенции и афористичные дефиниции.

Открываем его монографию – и вовлекаемся в какую-то неостановимо устремленную энергию вдохновленной мысли. Это же музыка, орган!

«"Все огромное здание Вселенной, преисполненной жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры" – это высказывание Ортеги-и-Гассета может украсить в качестве эпиграфа любую книгу о метафоре. И не только потому, что оно обладает риторической изысканностью, свойственной афоризму герметической правотой и, конечно же, метафорически емким содержанием. В нем заключено высокое оправдание гносеологического любопытства целого цеха метафорологов, существующего не одно тысячелетие...» [3, 5].

Казалось, филология для Бориса Павловича не работа, а увлечение. Вспоминается, как однажды, приехав в Донецк, он стал с ходу звать к себе в Елец – поговорить о Гончарове. Тогда он перечитал «Обломова» и ахнул, сколько там всего неведомо-интересного. Слушая его, сразу захотелось и перечитать, и приехать. И ведь для этого всего-то нужно было быть и самому хоть немного Борисом Павловичем, чтобы так, вдруг, отложив неотложные дела, преступив обстоятельства и обязательства, уклониться в какое-то непредсказуемое интеллектуальное приключение.

А бывало и наоборот. Когда Борис Павлович наконец-то получил от меня давно обещанную, но сильно задержавшуюся статью, а вернее, введение в криптографию чеховской «Степи», он тут же загорелся и ответил так: «Я и сам давно замыслил написать о "Степи". Вы меня раздразнили» (9.12.2023). Мне неизвестно, насколько далеко продвинулось его исследование, если было начато, но у меня нет сомнений, что даже в набросках оно посверкивает неожиданными наблюдениями и яркими открытиями. Хорошо было бы сопоставить наши тропинки: совпадения послужили бы дополнительным доказательством, а расхождения обозначили бы проблемы.

Даже составление словарей (поэтической речи [7] и литературных жанров [8]), не прекращавшееся на протяжении многих лет, выглядело у Бориса Павловича как занимательное коллекционирование. Особенно когда он описывал какой-нибудь экзотический экземпляр (например, «абecedарий» или «махакавью»). А некоторые его словарные статьи настолько обстоятельны, что представляются его открытиями (например, «валета» [2, 40–45]).

Когда же Бориса Павловича как известного жанролога пригласили принять участие в солидном грантовом проекте, он с не меньшим энтузиазмом выстроил из своих экспонатов словарную теорию жанра [5, 30–47].

А незадолго до кончины, предчувствуя неизбежное и следуя ходу времени итогов, он филологически прощается со своей филологией – публикует словарную статью о поминальных жанрах («некролог», «эпигидий», «мартиролог», «реквием») [6, 5–10].

* * *

А еще, не будем забывать, Борис Иванюк – поэт. Своеобразный, филологичный, метафоричный, интровертивный. С такой же, как и его наука, стилистикой: в жанрах предельно сжатого микромира и с причудливой словарной оптикой метаобразности. В соответствии с авторской концепцией, метафоры Иванюка герметичны (требуют сосредоточенной и концептуальной распаковки), онтологичны (являют событийность проживаемой жизни) и прагматичны (предопределяют диалог автора с читателем, с внешним миром, с жизненной предзаданностью) [4, 263–273].

Например, исповедальное четверостишие, начинающееся по-дантовски: «Я начал с середины...» Эта начальная середина означена определением «черешневая», причем дважды, усиливая его в тесном окружении соседстве четырех плотно поставленных строк – явное указание на особую значимость, чуть ли не ключевую, этого странноватого эпитета. Как можно догадаться, «**черешневое**» – это звуковая аллюзия на город **Черновцы**, где в 1947 году родился поэт, где жил, где в 1970 году закончил университет и потом работал там же с 1977 года. Аллюзийный образ пространства обращается в ассоциативный образ времени. Внешний мир («глушь черешневая») становится внутренним («черешневой косточкой»), вмещающим пережитое и предстоящее. «Косточка» концентрирует в себе опыт и возможности, обусловленные не только жизненной программой, но и местом произрастания.

Я начал с середины. И в глуши
черешневой, слежавшейся и прелой,
оглох и стал, как пригоршня, оседлым,
с черешневою косточкой внутри [9, 48].

Прощальные стихи тоже полны аллюзий – пушкинских, булгаковских... («Пора, мой друг, пора / На курсы кройки и пера!»). Прощальные признания о себе, о своем пути, о своих истоках: «И с тихой ниткой на запястье, / Хлебнув, отправлюсь восвояси, / У Хлебникова молока».

Мы думали, что он звездочет и книжник? Да, но: «Слабеет звездная узда, / Черствеют человечьи книги...»

Мы думали, что он слишком сложен? А он о себе: «простак».

Взгляд поэта мигает, смахивая слезу, – вот он еще здесь, а вот уже нездешний:

И в пасторальных постелах
Туда, где верхние овечки,
Туда, где примостилась речка
У нижних хижин...

Вдали от постоянных книжек
Новопреставленный простак
Беседует с немолчной речкой
На перепончатом наречьи... [1, 280]

* * *

Черновцы и Елец – места и периоды жительства профессора Иванюка, в Донецке же он бывал моментами, но это были моменты счастья – и для него, и для нас. Некоторые его выступления зафиксированы в анналах донецкой филологии. Там он живой.

Он умел слушать. Обращаясь в слух, он преображается: становится тем, кого слушает. А слушает по-разному: то с радостным узнаванием, то с ироническим недоверием, то с испытывающим или генерирующим вопросом, то поддерживая и поощряя солидарной репликой. То романтик, то реалист, то модернист, то постмодернист...

Там, в стенодрамах донецких конференций, он живет, чем в статьях, где его свобода ограничена научным дискурсом, и естественней, чем в словарях, где жанры мумифицированы, а термины неразговорчивы. Где метафора – только звук, угасаемый в цветущем камне.

А если нам представляется, что его образ в нашей памяти иллюзорный или призрачный, а подобию произвольны, то это может означать, что мы недостаточно внимательно читали великого метафоролога профессора Б.П. Иванюка.

Б.П. ИВАНЮК:

*выступления на конференции «Наследие М.М. Бахтина
и проблемы развития диалогического мышления в современной культуре»,
Донецкий государственный университет,
28–30 ноября 1996 года [10, 108–110, 116, 122–123, 123–124, 125, 148]*

«...описание человеческого опыта метафорическим языком для его кодированной передачи будущему адресату, как это было сделано в свое время мифом» (из доклада «Диалог и метафора»).

[ответы на вопросы]

М.М. Красиков. Хочу спросить о том, куда не завела вас ваша речь: что будет за постмодерном?

Б.П. Иванюк. Я предполагаю, что, естественно, должны возникнуть произведения, пародирующие постмодернизм (кстати, самопародирование есть в характере самого постмодернизма), а потом, когда возникает эффект поставленных друг против друга зеркал, приводящий к тому, что называется дурной бесконечностью, появится потребность заземления и, наверное, возникнет мифологизированное художественное сознание, которое будет не просто соотноситься с архаическим, первородным мифом, но и вступать с ним в диалогические отношения.

Э.М. Свенцицкая. Как соотносятся мифологическая реальность и диалог?

Б.П. Иванюк. Вы имеете в виду реальность мифа? Инструментом создания реальности мифа является «метаморфоза» – то, что Лосев называет «универсальным оборотничеством». Мы не можем говорить о прямом, даже о типологическом сходстве метаморфозы и диалога, но в функциональном отношении они для меня сближаемы: диалог является инструментом осуществления постмифологической культуры.

А.О. Панич. Роман Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» можно ли отнести к постмодернистским произведениям, и если нельзя, то почему?

Б.П. Иванюк. Вообще у нас всегда так получается: как только возникает понятие, оно начинает жить самостоятельно, не обращая внимания на сдерживающие начала. И я думаю, что это естественно и нормально. Лучше раскатать тесто широко и потом уже делать из него какие-то фигуры... С постмодернизмом такое же получилось. И с диалогом. Теперь под постмодернизмом понимают почти все. Получается такой постмодернизм без берегов. Но, наверное, есть какая-то внутренняя граница, и в постмодернизме, и в диалоге, которая указывает пределы дозволенного в самом себе. Такой внутренней границей в постмодернизме, я считаю, является принцип игры – игра прежде всего с прежней культурой. Игра, которая дистанцирует культуру и в то же время обласкивает ее, признавая, что это материал как бы и условный, но в то же время и связанный с реальным общечеловеческим переживанием. Таков постмодернизм, в отличие от модернизма, который все-таки нигилистически обходился с предшествующей культурой. И давайте хоть

как-нибудь соблюдать хронологические границы: постмодернизм – это, условно говоря, после модернизма.

В.В. Медведева-Гнатко. Насколько применительно по отношению к таким явлениям, как самопародирование, рефлексия, которые мы наблюдаем в постмодернизме, положение Бахтина о кризисе авторства?

Б.П. Иванюк. Кажется, Деррида говорит, что надо все время находиться между разными стилями, как-то дистанцироваться по отношению к ним... Само по себе, даже такое, признание стиля говорит о персоналистичности постмодернистского сознания. Но понятие авторства в постмодернизме иное – игровое. Здесь нет высокого, серьезного авторства, хотя оно до конца и не отрицается. Бахтин же имел в виду какие-то жанрово-стилистические факторы, обуславливающие целостность, и в этом смысле говорил о кризисе авторства.

В.В. Федоров. Скажите, на ваш взгляд, кентавр – является метафорой?

Б.П. Иванюк. Ну, если иметь в виду, что это не просто механическое соединение человека и лошади, то, наверное, да... Все-таки здесь есть какая-то возгонка одного предмета в другую ипостась.

В.В. Федоров. В таком случае другой вопрос: может ли возникнуть диалог между человеком и лошастью?

Б.П. Иванюк. Внутренний монолог, наверное, а не диалог...

И.А. Попова-Бондаренко. Есть ли основания говорить о каких-то глобальных, структурообразующих метафорах в постмодернистской культуре?

Б.П. Иванюк. Да, каждая эпоха имеет какие-то базисные метафоры...

И.А. Попова-Бондаренко. Существуют ли отношения диалогичности между базисными метафорами?

Б.П. Иванюк. Диалог предполагает сходство несходного, это сближает его с метафорой. Если речь идет о диалоге культур, то, конечно же, одна базисная метафора сменяет другую именно по принципу противопоставленности. Но антитеза – это не абсолютное разведение. Антитеза является внутренней закономерностью целостности. Поэтому можно говорить, что смена базисных метафор – это, в некотором смысле, и диалогизм.

Б.Я. Клепалов. Можно ли сам диалог назвать сверхметафорой?

Б.П. Иванюк. Можно, наверное. Вполне.

[вопросы к выступающим и их ответы]

Б.П. Иванюк (Н.Д. Тамарченко). А вот это соотношение – содержания и возможности, идеи и формы... наверное, как-то соотносимо с аристотелевскими парами? Может быть, надо было об этом хотя бы вспомнить...

Н.Д. Тамарченко. Понятно. Ну, я, конечно, признаю за Борисом Павловичем полное право считать, что это было сделать необходимо. Я только напомню, что философия Соловьева (конечно, это хорошо известно) представляет собою неоплатоническое явление, так что тут уж скорее надо было говорить о Платоне. Но я это делать не берусь, поскольку я в этой области не профессионал. Я этим занялся исключительно потому, что мне хотелось прояснить для себя категории автора и героя у Бахтина, и с точки зрения этой совершенно конкретной и глубоко практической задачи, мне кажется, что вполне достаточно ограничиться его непосредственными источниками.

Б.П. Иванюк (А.В. Домащенко). В принципе, можно по-разному толковать это стихотворение и эту фразу – «Мысль изреченная есть ложь». Можно сказать, что все сказанное есть ложь. А можно сказать иначе: речь, продолжившая мысль, это ложь, но мысль, переданная речевым сущим, это метафора. Можно, в конце концов, сказать, что всякая попытка выразить мысль по тютчевской фразе, это тоже ложь. И так далее. То есть возникает целый ряд решений, и все это напоминает ртутный шарик, который мы тщетно пытаемся надавить. Поэтому у меня появляется естественный скепсис: а вообще допустима

ли какая-либо определенная трактовка этого стихотворения или надо подходить к нему с какой-то плавающей, заведомо факультативной логикой?

А.В. Домащенко. Истина не устанавливается голосованием. Я думаю, подход к тому или другому произведению определяется самим произведением. И мне кажется, что мой подход в большей степени определяется самим произведением, которое я пытался понять, нежели другие подходы. Но это – мое мнение о моем подходе.

Б.П. Иванюк (А.О. Паничу). Не вписывается ли эта нелюбовь к филологам у Чехова в общий контекст нелюбви к профессии как таковой? Как у Кафки: антитеза «профессия – жизнь»...

А.О. Панич. Я бы уточнил. Чехов не то чтобы не любит вообще филологов – он не любит состоявшихся филологов. Филологов несостоявшихся он любит, и я пытался показать, что с ними связаны наиболее оптимистические перспективы в мире Чехова. Что касается профессии, так одно из общих мест в чеховедении 70-х заключается в том, что оценка человека у Чехова вообще индифферентна по отношению к профессии. И вот этот тезис можно было бы уточнить следующим образом: все герои Чехова едины в плане культурных проблем, которые перед ними стоят, но в плане способов решения, которые они находят или не находят, они различны, и в этом смысле профессия для человека играет огромную роль: чеховский филолог никогда не будет решать эти общие культурные проблемы тем же способом, как и чеховский философ, а чеховский философ – как чеховский художник, и т.д., и т.д.

Б.П. Иванюк. Вы говорили, что слово и молчание – это такая пара, с которой связано, я не понял, какое-то открытие Бахтина?

А.О. Панич. С этим связано самоопределение Бахтина. Я не хочу сказать, что Бахтин первым додумался, что кроме слова есть молчание, или наоборот, и что они как-то соотносятся. Мне кажется, что эта оппозиция актуальна для самоопределения Бахтина как филолога и как философа.

Б.П. Иванюк (С.И. Кормилову). Можно ли сказать, что в основном понятия Бахтина тяготеют к архитектурной основе, а не композиционной?

С.И. Кормилов. Могу сказать, что, говоря о композиционных понятиях, Бахтин, как правило, имел в виду понятия также и архитектурные. И вот тот спор, который здесь возник, насчет того, откуда мы идем к познанию, от идеи или от материала, был совершенно закономерен. Действительно, эти два подхода в высшей степени уязвимы. Мы все-таки всегда имеем представление о некоем целом, а? Просто как читатели. А потом это представление более или менее проверяем, в зависимости от того, какую конкретную задачу мы перед собою ставим. Идем ли мы сверху, снизу, сбоку, сзади – это зависит от нашей конкретной задачи. Так вот, Бахтин, конечно же, имел в виду эту целостность и утверждал приоритет архитектуры.

[выступление на заключительном заседании]

Б.П. Иванюк. Когда Михаил Моисеевич начинал свое выступление, за окном раздавался стук... Это напомнило мне финальную сцену «Вишневого сада». И вот в связи с этим у меня такая ассоциация: мы тут много говорили о диалоге, но, наверное, очень важно, почему Бахтин пришел к этой идее и почему так потом культивировал ее, обласкивал... Я думаю, что для него это был выход из одиночества. Как и для Достоевского. Да и для нас, приезжающих в Донецк, это такое же, и в профессиональном, и экзистенциальном смысле, преодоление нашего вынужденного одиночества.

Я приезжаю в Донецк, зная, что здесь каждый в своем жанре, в своем стиле, на своем месте – Панич, Медовников, Гиршман... Есть ощущение – в хорошем смысле – ожидаемости. Я как бы иду на спектакль, который хорошо знаю, но иду во второй раз, в третий... Потому что... ну, мне это нравится...

Б.П. ИВАНЮК:
выступления на конференции
«А.С. Пушкин: филологические и культурологические проблемы изучения»,
Донецкий государственный университет,
28–31 октября 1998 года [11, 71–72, 30–31, 34–35, 37, 52, 56–57, 79, 83]

Все сказанное мной дает возможность сделать такую обобщающую заявку: уподобление с его соотнесенностью с экзистенциальной парадигмой вечного исчезновения (я здесь несколько форсирую семантику) и ассоциация с ее соотнесенностью с экзистенциальной парадигмой вечного возвращения, становится параметром осознания и интерпретации пушкинского художественного сознания (*из доклада «Стихотворения-сравнения А.С. Пушкина»*)

[ответы на вопросы]

С.Н. Бройтман. Мне не совсем ясно, по какому принципу вы разделяете стихотворения-уподобления от ассоциативных. Что здесь служит материальным основанием для различения?

Б.П. Иванюк. Порядок следования. Если вначале представлен объект, с которым соотносится предмет (предмет = объект рефлексии), то происходит, естественно, уподобление, а если наоборот, то проявляется самодостаточность объекта рефлексии, и возникает ассоциирование (ассоциативный прыжок, скачок и т.д.).

И.А. Попова-Бондаренко. Насколько я понимаю, ваша типология приложима не только к Пушкину?

Б.П. Иванюк. Да. Но у Пушкина есть и одно, и другое: и установка на исчезновение, и наоборот, на самосохранение, самодостаточность. Можно, конечно, рассмотреть, как это складывалось во времени, в каких соотношениях и пропорциях... Я только подошел к этой проблеме.

Н.А. Петрова. Такое посягательство на чужие образы вообще в природе вещей?..

Б.П. Иванюк. Каверзный вопрос... Потому что, естественно, я должен ответить «да». Панметафоризм такой получается. И почти никакой шутки в этом понятии – панметафоризм – нет...

А.А. Кораблев. Хотя имя дико... (*Смех.*)

Н.С. Бройтман. Но, с другой стороны, Пропп говорил, что метафоризм мышления – это то, что нас погубит...

Б.П. Иванюк. Скажем так: и он прав... (*Смех.*) Вообще-то есть тенденции к преодолению метафоризма... Метаметафоризм – это ведь метафора кризиса...

М.М. Гиришман. Пан Мифологизм и пан Метафоризм. (*Смех.*) И пока можно находиться между ними – жизнь продолжается...

Н.С. Бройтман. А что выступает в качестве объекта уподобления? И вот тот эффект онтологизации, о котором вы говорили, возникает при любом типе объекта или только при некоторых типах?

Б.П. Иванюк. Я не рискну сразу ответить. Я не обращал на это специального внимания. Есть, я думаю, некоторая зависимость: сравнение с природным объектом – в большей степени уподобление, с культурной реалией – скорее ассоциирование... Но это предварительные наблюдения.

Н.С. Бройтман. Мне кажется, что если объект уподобления явно имеет мифологическую семантику, тогда и возникает то, о чем вы говорите, а в иных случаях это может и не возникать.

[вопросы к выступающим и их ответы]

Б.П. Иванюк (М.М. Гиришману и А.А. Кораблеву). У меня вопрос, который я хотел задать Михаилу Моисеевичу, но опоздал, а теперь увидел, что могу адресовать его и Александру Александровичу. Михаил Моисеевич говорил о том, что пушкинское поэтическое сознание оказывается исторически недостижимым, Пушкин как бы заблокировал возможности последующего самоосуществления. (*Реплика: «А Блок?»*) Естественно возникает вопрос о том, что исторически необходимо искать какой-то новый фокус целостности (например, реализованный у Хлебникова – кстати, день рождения которого сегодня). А ведь действительно это так, действительно заблокировал... Может быть, этот новый фокус целостности содержится в постмодернизме?... А то получается, что Пушкин отрезал путь всему последующему человечеству. И Константин Глебович Исупов как-то мило оправдал все это, что, мол, что бы мы ни сделали – скажем, почесав правое или левое ухо – мы находимся в силовом поле пушкинского сознания, пророчества и т.д. Вопрос: не заблокировал ли Пушкин возможность осуществления той целостности, которая в нем исторически уже состоялась?

К.Г. Исупов. Я, право, ничего такого не говорил. (*Смех.*)

М.М. Гиришман. Я могу сказать, что я вообще про заблокированность, по-моему, ни звука не говорил. (*Смех.*) Но я говорил о том, что Пушкин, действительно, максимально вывел принцип «*вновь ищущего союза волшебных звуков, чувств и дум*». С одной стороны, есть абсолютная уверенность, что это есть, но, с другой стороны, чтобы это появилось, надо найти его, и найти иначе, не по-старому, нужно – «*вновь*». В этом отношении Пушкин живет тогда, когда читают и пишут стихи. Вот эта необходимость вновь-обретения оказывается Пушкиным утвержденная как некая всеобщая закономерность. Так что это не столько блокирование, сколько некоторое открытие, но, как говорил Толстой, не расширяющее возможности, а сужающее их. Пушкин как бы требует от каждого найти себя в себе, и найти не то, что ты можешь делать (потому что можешь ты очень многое), а найти то, чего ты не можешь не делать.

А.А. Кораблев. И Гоголь, и Соловьев, и многие другие, кто влиял на формирование национальной поэтической рефлексии, увидели в Пушкине явление поэта как такового – поэта, явившего сущность поэзии. Поэтому естественно, что в читательском сознании происходит отождествление этих понятий – «Пушкин» и «поэт». И поэтому всякое приближение к поэзии, распаковывание возможностей поэтических – приписывается и Пушкину. Так что если конкретно-исторически отвечать на этот вопрос, мы не закончим эту дискуссию, а если отвечать на него в общем, то ее можно и не начинать.

Б.П. Иванюк (В.И. Тюне). Мы знаем, что есть «горизонт ожидания» и т.п. А вы говорите о «виртуальном потенциале»...

В.И. Тюне. Я имел в виду простую вещь: одно дело, когда ребенка заставляют заучивать, что Пушкин «сквозь магический кристалл» что-то там «неясно различал», и другое дело – дать ему кусочек этого кристалла. Чтобы у него немножечко закружилась голова. От возможности написать «роман». Чтобы действительно приоткрылась даль, которую видел и Пушкин.

Б.П. Иванюк (О.В. Таракановской). Вы говорите об «общем деле» и о том, что у Пушкина возникает установка на «частное дело». Но, говоря словами современного поэта: а что потом?

О.В. Таракановская. А «частное дело» – это то, к чему человек призван, что он реально может сделать в общении с другими людьми, и вот из этого возникает «общее дело».

Б.П. Иванюк (*Н.Т. Рымарю*). Мне кажется, что одна из важных проблем романа [«Евгений Онегин»] – проблема конфликта между природой и текстом. Не является ли сон примирением, великим компромиссом или даже разрешением этого конфликта?

Н.Т. Рымарь. Связанность сознания человека литературными моделями, которые реализуются на уровне текста, обнаруживает и ограниченность каждого персонажа... Но через мотив сна эта замкнутость преодолевается.

Б.П. Иванюк (*О.В. Зырянову*). Вы говорите о феноменологизации жанра. А что вы имеете в виду? Это индивидуальное варьирование жанрового канона или это все-таки тенденция к разрушению жанра как такового?

О.В. Зырянов. Это, конечно, не разрушение жанра. Это как бы переход его в новое художественное качество. Потому что жанр – это онтологическая категория художественного мышления, она никем не отменяема. В.Н. Турбин очень хорошо об этом писал: художник мыслит жанрами; «Евгений Онегин» – это жанровая энциклопедия, энциклопедия жанров... И вообще, художник смотрит на мир глазами жанра. И если бы это было иначе, глаза его просто разбежались бы, они вылезли бы из орбит, они стали бы, я не знаю, вращаться по каким-то хаотическим орбитам...

Феноменологизация жанра – это его актуализация, актуализация его памяти. Обратите внимание, Пушкин идет в память жанра, в архаическую память, возрождает его исходный потенциал, который был завещан. У Пушкина, как, может быть, ни у кого другого из поэтов, его современников, и вообще в XIX веке, жанр актуализирован с огромной силой. Таким образом Пушкин создавал эталонный текст. Он создал эталонный текст элегии. Другое дело, что Пушкин, видимо, занимал позицию диалогическую: т.е. как художник, как персона, как творческая индивидуальность он вступает в диалог с жанровой памятью.

Б.П. Иванюк (*А.О. Паничу*). Евгений – «ни зверь, ни человек». Но и Всадник – тоже «ни зверь, ни человек»...

А.О. Панич. Да, они одной природы – именно поэтому Петр отозвался на зов Евгения. Евгений одержим бесом (это очень четко прописано по тексту: там все хрестоматийные признаки одержимости налицо), и именно поэтому, когда он вызывает к Петру, Петр узнал себе подобного и оглянулся. Конечно, они одной природы.

В.В. Федоров. Но можно сказать и наоборот, что Медный Всадник – это и зверь, и человек.

Б.П. Иванюк. И человек, и металл...

А.О. Панич. И этот модус промежуточного существования человека вполне адекватен модусу промежуточного существования города: те же вурдалаки, о которых сегодня было говорено, по-моему, тоже вписываются в этот топос...

Б.П. Иванюк (*В.С. Баевскому*). В стихотворении «Пестель, поэт и Анна» – почему на первом месте стоит Пестель?

В.С. Баевский. Я не решаюсь прямо отвечать на этот вопрос. Но я могу рассказать историю создания этого стихотворения, и, может быть, из нее станет ясно. Самойлов был на литературной декаде, которые в советские времена проводились периодически, и там ночью, в гостинице, стал звонить домой. Его долго не соединяли, и он разговорился с телефонисткой, которую звали Анна. У них завязался телефонный флирт, и Самойлов так домой и не дозвонился, улегся спать, а когда на следующее утро проснулся, у него все это претворилось в стихотворение. Обратите внимание, что Анна там не видна – там только ее голос. Я предполагаю (но это только мое предположение), что поскольку «поэт» для Самойлова не только Пушкин, но и он сам, он на первое место поставил другого...

Б.П. ИВАНЮК:

*выступления на международной научной конференции,
посвященной 40-летию кафедры теории литературы
«Донецкая филологическая школа: итоги и перспективы»,
Донецкий национальный университет,
10–12 ноября 2006 года [12, 141–142, 154, 186–188, 189–190,
192, 202, 204, 205–206, 216, 218]*

Начну с очевидного. Восприятие произведения различает в нем две умоизобразительные ипостаси, миметизирующие «единство» и «множественность» мира... Наличие этих ипостасей обуславливает и две тенденции в поведении практикующего сознания, при мысленном их упрощении: «центростремительную» – от «периферии», от «абсолютно внешнего» (Ж. Делез и Ф. Гаттари) к «центру», к эйдосу, и обратную, «центробежную». Две эти взаимосвязанные процедуры неизбежны и обязательны для предварительной верификации целостности художественного произведения. Но в этом «маятниковом» движении можно предвидеть гносеологическую обреченность и самого произведения, и его соучастника... (из доклада «О "двойном бытии" целостности художественного произведения»).

[ответы на вопросы]

Е.Ю. Сокрута. Что приобретет филолог, «преодолевший» в себе литературоведа?

Б.П. Иванюк. На этот лукавый вопрос отвечу так. В одной из своих работ Георгий Дмитриевич Гачев говорит о «жизнелитературе», я сейчас – о «жизнелитературоведении». Без этого единства и литература, и литературоведение останутся ремеслом. Но речь идет не о биографической причастности науке, без которой не может состояться ни отдельный литературовед, ни научная школа, в том числе Донецкая, отличающаяся от научного направления как раз этой экзистенциальной приверженностью общему делу. И в этом плане вряд ли стоит соглашаться с суждением Р.-М. Рильке о том, что «есть между жизнью и большой работой старинная какая-то вражда». Речь идет о персонифицированности литературоведческой рефлексии, о том, что сама процедура общения с текстом предполагает осмысление и себя в нем и его в себе. Такой релятивистский подход, как мне кажется, свидетельствует о зрелости целостного метода, исповедуемого Донецкой школой. Филолог, способный к личностному транскрибированию текста, приобретает и свободную ответственность анализа, и ответственную свободу интерпретации художественного текста, а сам текст – перманентную диалогичность и, следовательно, актуальность. Так что и литературовед, и текст становятся обретенными.

Е.Ю. Сокрута. Возможно ли «двойное бытие» для начинающего исследователя?

Б.П. Иванюк. Вопрос сразу же вызывает представление о двух, не всегда, конечно же, возрастных, векторах практического поведения литературоведа в отношении к тексту: послушничество и своеволие. Первый предполагает «жертвенный» отказ от себя, самообезличивание ради оптимального воспроизведения структурированного смысла текста, а второй – отказ от аналитического вживания в текст и использование его в роли опорного повода для экспликации собственного сознания. Оба эти вектора вполне реализуются в современной литературоведческой практике. И то, и другое – приемлемо, и каждый вправе выбрать или отыскать свою жердочку балансирования между этими двумя соблазнами. Поэтому вопрос не в том, возможно ли «двойное бытие» для начинающего исследователя, возможно ли быть и «в себе», и «не в себе» одновременно, а в том, чтобы в авторской игре проявить авторскую исповедь.

[вопросы к выступающим и их ответы]

Б.П. Иванюк (Н.Т. Рымарю). Вы говорите о «проясненном» и «замутненном» слове. А допускаете ли вы возможность *катарактического* слова? Что имеется в виду: это когда

альянс звука и смысла разрушается, звуковой комплекс (неважно, какой – «молоко», «бумага»...) вызывает некий надстроечный смысл, никак не связанный с базовым понятием. Если допускаете, то где границы коннотации такого слова?

Н.Т. Рымарь. Да, но эти границы должны быть где-то глубоко... Я думаю, что само выделение такого слова продуктивно, потому что оно позволяет понять формы смерти слова, а может быть и напротив, указывает на непознанное, на другую глубину, к которой, может быть, это слово восходит, так что наше представление о «базовом понятии», содержащемся в слове, оказывается совсем неадекватным его истинной природе.

Б.П. Иванюк. Любопытно было бы создать анти-словарь, где слово сопровождал бы такой коннотативный текст, который не имел бы к нему никакого отношения.

Н.Т. Рымарь. Это было бы занятное, может быть, и увлекательное чтение...

[застольное обсуждение доклада Б.П. Иванюка]

С.В. Медовников. У нашей кафедры есть не только прошлое, у нее есть друзья. Они разбросаны по огромному пространству – от Владивостока до Ельца... *(Смех.)* Я хочу предложить тост за наших друзей. И особенно за одного из них – за нашего дорогого Бориса Павловича Иванюка. Находясь под большим впечатлением от его доклада, я посвятил ему стихотворение...

СЛОВО О СЛОВАХ
БОРИСУ ПАВЛОВИЧУ ИВАНЮКУ
ОТ ПРИЛЕЖНОГО СЛУШАТЕЛЯ

Verbatim: «Литература – это то понятие,
которое позволяет нам сесть за стол»
(Из доклада).

Я жил прицельно... ё-моё,
Мне на плечо садились птицы,
И вдруг двойное бытиё
Пересекло мои границы.

Я нищим стал в один момент
И проклял жизнь свою еловую.
Но выпал мне абонемент
В литературную столовую.

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги!
Теперь мы все – одна семья –
Едим гуляш и курьи ноги.

Б.П. Иванюк. Алаверды!

И я здесь был,
Усы мочил,
Медовникова пиво пил...

А теперь по поводу того, о чем говорил Сан Саныч:

Здесь 40 лет народ водил

И Моисей, и Михаил
Туда-сюда, вперед и вспять
По полю дикому. И что же?
Кто, наконец, ответить сможет,
Как эту целостность понять?

Я в Донецк не просто езжу (25 лет, кстати!). И вот в дороге, во время бессонницы, я что-то сочинял. А что делать?

В.В. ФЕДОРОВУ
Дано мне слово – что мне делать с ним,
Онтологическим таким?

А.А. КОРАБЛЕВУ
Лишь я звезде позволить смог
Вступить с другою в диалог.

А.В. ДОМАЩЕНКО
Ступай за мною, не робей,
В реке купаться, герменей!

За донецкое многоцветие! Профессиональное, человеческое, кулинарное...

Е.Ю. Сокрута:

СТИШОК ПРО ИВАНЮКА
Мимо ристалищ, капищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо шикарных кладбищ,
Мимо больших базаров
Шел Иванюк. Пел песни.
Розы дарил прохожим.
Мол, и мы тоже вместе.
Мол, и мы тоже можем.
Но видели люди:
С цветами, из Золотого века
Шествует к ним филолог,
Похожий на человека.

И.А. Попова-Бондаренко:

БОРИСУ ИВАНЮКУ и ДОНАЛЬДУ УЭСЛИНГУ
Как схожи, приглядеться если,
Коллеги Иванюк-Уэслинг!
Но в Штаты нам Иванюка
Пускать не следует пока:
Их формы, словно динамит,
Елецкий мастер разгромит.

Ю.Б. Орлицкий. Я скажу два слова. Был в советское время журнал, который назывался «Наука и жизнь». Название предполагало разъединенность этих понятий.

Но когда я бываю в Донецке, я всегда чувствую, что наука – это и есть жизнь. (Аплодисменты.)

Кто-то. Но не наоборот.

Б.П. Иванюк. Декарт сказал: «Мыслю – следовательно, существую». А в «Литературной газете» я прочитал развитие этого тезиса: «Не мыслю – следовательно, я живу». (Смех.)

Н.В. Кораблева. Борис Павлович, из вашего доклада я поняла, к чему нужно стремиться: к «состоянию онтологического покоя и субстанциальной неразличимости». (Смех.)

[заключительное обсуждение доклада Б.П. Иванюка]

А.О. Панич. ...в ситуации перехода от модерна к постмодерну возможна еще третья мировоззренческая установка. И эту третью установку, еще одну альтернативу, как раз и представляет собой философия диалога. Ее формируют люди, которые недостаточно наивны и недостаточно традиционалистичны, чтобы примкнуть без остатка к одному гранд-нарративу, и недостаточно циничны, чтобы подвергнуть сомнению все гранд-нарративы в равной степени. В результате возникает совершенно особая установка на целое, которое преодолевает себя изнутри себя навстречу другим целым, но сохраняя и корни в себе, и в то же время возможность увидеть целое другого. Отсюда проистекает философия диалога, отсюда проистекает установка, которая тоже неоднократно озвучивалась на конференции: здесь можно, с одной стороны, вспомнить Бориса Павловича [Иванюка] и его тезис о литературоведе, который преодолевает себя как литературоведа, а рядом поставить откомментированный очень глубоко Виктором Ароновичем [Малаховым] тезис философии диалога о бытии, которое преодолевает себя как бытие, но преодолевает его и не в виде кантовской трансценденции, и не в виде диалектического снятия. И то, и другое очень важно, потому что эти два «не» подводят к вопросу, который уже давно ставит Александр Александрович [Кораблев], – к вопросу о диалогике. К вопросу о том, нужно ли эту установку на диалог подкрепить особого рода логикой. Я очень долго к этому тезису относился скептически. Сейчас я бы сказал, что я вижу условия, при которых это можно было бы осуществить...

Д.С. Урусов. Когда Борис Павлович [Иванюк] сказал, что будущее принадлежит филологии, или науки вообще не будет, имея в виду гуманитарную науку, он прав, но только в том смысле, что то, что принадлежит будущему – это уже не филология.

Е.Ю. Сокрута. Что касается впечатлений, то как-то именно сегодня, к концу конференции, у нас, у принимающей стороны, появилось ощущение, что жизнь удалась. Первые два дня это было не так очевидно, а вот сегодня – стало. И когда в пятницу Борис Павлович [Иванюк] говорил о единстве жизни и литературоведения, это как-то не сходило, а сегодня – сошлось.

* * *

Невозможно было не заметить, что на конференцию 2006 года Борис Павлович Иванюк приехал в Донецк не один, а со своим аспирантом Дмитрием Сергеевичем Урусовым. Благое дело – окунуть ученика в купель целостности, визуализировать в его сознании облики именитых филологов, подружить его с донецкой молодежью – словом, закрепить и продолжить донецко-елецкие онтологические отношения...

Так можно было подумать, если бы не доклад, с которым приехал ученик. Он приехал, чтобы *деконструировать* Донецкую филологическую школу, или, проще говоря, разрушить ее, или, как он сам выразился, похоронить ее, демонстративно вбить гвоздь в ее гроб. И время для этой акции выбрал самое подходящее – юбилей, торжество, стечение друзей и сторонников из разных мест Украины, России, Беларуси и даже из более отдаленных краев – из США, Японии, Германии...

Выступление Урусикова было в жанре: именно таким, каким должно быть разрушение филологического Карфагена, – побуждаемое знанием исторической необходимости и чувством личного долженствования:

Д.С. Урусиков. ...Так вот, так как это конференция подведения итогов, попробую их подвести. В отличие от вас. Так как вы не хотите ставить точку, то попробую поставить ее я, потому что если вы не будете ее ставить, то другие поставят. <...>

Я не полемизирую здесь с Донецкой школой непосредственно. Фактически реальным объектом моей деконструкции является филология вообще, в основании которой лежит метод герменевтики, и, условно говоря, пресуппозицией которой является понятие целостности. Так вот, речь фактически идет об упразднении самой филологии.

Чем больше вы будете способствовать вытеснению подобного рода произошедшего эпистемологического сдвига, пытаясь его законсервировать в теоретических формах той системы мышления, которая была характерна для предшествующего периода, т.е. собственно филологии, тем больше в конце концов масштаб и интенсивность деконструкции вы получите на выходе. Чем больше вытеснение, тем масштабнее деконструкция.

Это были итоги, а теперь что касается перспективы. Единственной перспективой является непосредственное расформирование школы. Не дожидаться, пока придут люди и сделают это за вас, не спрашивая вас и не дожидаясь, будете ли вы ставить точку или не будете.

Намерения и решительность молодого человека в целом понятны. Интереснее другое: почему учитель, зная умонастроения ученика, привез его в Донецк? Можно подумать, что он соучастник этой деконструкции. Или даже инициатор. Разве не он воспитал наследника?

Скандал вышел на славу. Выступление Урусикова вызвало возмущения и возражения, оно запомнилось и потом вспоминалось. Но сейчас мы вспоминаем Бориса Павловича и обращаемся к нему: что это было?

Чтобы правильно понять этот момент в целостной биографии нашего друга, надо учесть важное обстоятельство: шокированы и возмущены были гости, а не хозяева конференции. И не потому, что донецкие такие деликатные. Отнюдь. Они такие по духу своей школы. Они слышали человека, имеющего свою позицию, и отнеслись к его выступлению с пониманием, а кое-кто и с одобрением.

С.М. Медовников. Мы уже третий день здесь хорошо сидим и рассуждаем, а Вишневый Сад уже продан... Невозможно пройти мимо той полемики, которая недавно произошла. Ее можно описать в литературоведческой терминологии. Это трагическая ситуация. Вот наш мир, он устоялся, он самодостаточен, имеет свое оправдание и свой смысл... Пришел человек, другой, настоящий, дерзкий, и он видит несовершенства этого мира и хочет его сдвинуть. А мир не хочет сдвигаться, ему удобно в своем пребывании.

На самом деле нет здесь особо высокого драматизма, потому что только то убеждение истинно, которое допускает прямо противоположное о себе мнение. А нам этого очень не хватало. Мы можем сказать Дмитрию Сергеевичу [Урусикову] спасибо, и он, кстати, не похож на розового комсомольского вождя. Он похож на убежденного, мужественного человека, который отстаивал свою истину. Достоин и горячо. Так и нужно. А кто прав? – в трагедии нет виноватых, а все правы. Во всяком случае, у нас еще один мощный повод для того, чтобы задуматься. К тому же полемика – это перец конференции. Может быть, сама конференция – только приправа к полемике.

А.О. Панич. Мне тоже хочется сказать Дмитрию Сергеевичу [Урусикову] спасибо за очень провокативный доклад, который уж в одном, во всяком случае, преуспел: он никого не оставил равнодушным, и некоторые не вполне корректные вопросы меня задели

еще больше, чем само выступление Дмитрия Сергеевича – они, как мне кажется, показывают, что, возможно, есть определенное рациональное зерно в том, что он говорил.

По ходу – две реплики в качестве эпиграфов к тому, что я собираюсь сказать.

Во-первых, фраза «Избавьте меня от вашего диалогизма» замечательно прозвучала как реплика в диалоге, и здесь вызывает оптимизм сам факт, что перформативная сторона этой реплики в известном смысле снимает или, во всяком случае, остраивает план содержания.

А второе – вчера премьер-министр Украины В.Ф. Янукович, давая интервью корреспонденту телеканала «Интер», высказывался очень резко об украинском министре иностранных дел, с трудом удерживаясь от перехода на привычный ему донецкий матерный извод русского языка, – удержался и сказал следующее: «Если ты мужчина, уйди сам, а если ты не можешь уйти сам, мы тебе поможем».

Вот стремление Дмитрия Сергеевича помочь Донецкой филологической школе поставить точку, если она сама отказывается это делать, показывает, что Дмитрий Сергеевич успешно продолжает некоторые традиции, уж не знаю, лучшие или худшие, но донецкой культуры, – в этом смысле он вполне наш человек. (*Смех, аплодисменты*).

А.А. Юдин (*Киев*). Когда я слушал доклад Дмитрия Сергеевича [Урусикова], то, с одной стороны, находил его аргументативно очень здорово построенным, но с другой – я отчетливо ощущаю некое явление, некую общность людей, которые мне глубоко симпатичны. Я не могу для себя определить, в чем природа этой общности. Концептуально у меня не хватает ресурсов для этого. И пока я остановился на слове, которое Александр Александрович [Кораблев] обозначил как обозначение своей парадигмы – «тайна». Я хочу сказать, что эта тайна будет, вероятно, занимать мои мысли теперь...

Вот это и есть «целостность», которую, как говорят, так трудно, так невозможно постичь. «Теплота сплывающей тайны». Она постигается в диалоге. А подлинный диалог возникает тогда, когда он предполагает целостность общения. В Донецке есть и свои «деконструктивисты» (В.Э. Просцевичус, В.В. Стамати), которые взрывают слишком закостеневшие смыслы, но, независимо от своих намерений, они восполняют общую, объединяющую всех причастных филологическую целостность.

Когда-то, когда сами организаторы юбилейной донецкой конференции были в возрасте дерзкого ниспровергателя из Ельца, они тоже ездили в стан своих концептуальных противников – в структуралистскую цитадель Тарту. И тоже, что примечательно, по благословию своего учителя – М.М. Гиршмана. И в этих поездках главным было не столько утверждение собственной позиции, сколько понимание, что на высотах и глубинах постигаемого знания противоположности сходятся.

Борис Павлович привез Урусикова в Донецк, может быть, не без колебаний, но с твердой уверенностью, что это поможет ученику критически определиться в своих принципах и воззрениях. Потому что когда-то в Донецке он и сам прошел некую инициацию (назовем ее «дантовой»), которая предопределила его отношение к научному инакомыслию и к самой научности. В 1998 году, отвечая на вопросы историографа Донецкой филологической школы, он рассказал о начале своего научного пути, и теперь уже можно заключить, что этим путем он шел до конца своей жизни. Как идут многие из нас. Чтобы увидеть звезды.

Вопрос. *Что именно отличает донецких филологов от их коллег из других научных центров?*

Б.П. Иванюк. Донецкая филологическая школа, и для меня, и, наверное, для каждого, кто в нее входит, это такое единство биографического, профессионального, психологического... Это то, что можно назвать персоналистическим литературоведением. Я как бы отчуждаюсь от самого себя, когда приезжаю в Донецк,

когда участвую в донецких конференциях – когда все во мне резонирует: человек, профессионал... Я нахожусь как бы внутри своей души, внутри своего сознания, и я вижу, что я сам в разных ипостасях, потому что каждый из представителей этой школы – это моя определенная ипостась. Я как бы сам с собой веду полифонический диалог (полилог)... Вот это чувство причастности к жизни, к литературе, к науке, к себе... – может быть, это и есть главное определение, что такое донецкая филологическая школа...

Вопрос. *Занимают ли работы донецких филологов какое-нибудь место в вашем научном сознании? Имеются ли какие-либо точки соприкосновения или отталкивания?*

Б.П. Иванюк. Я как бы «нашелся»... Я издал методичку, разослал всем, кто мог бы ею заинтересоваться – и единственный человек, который откликнулся, это был М.М. Гиршман. Но дело, в данном случае, не в том, что он таков по сути, а в том, очевидно, что я интуитивно, ощупью, как тропинкой в темноте, шел к тому, что, оказывается, было открыто в Донецке. Меня «нашли», но я брел к этому и сам. Та определенная профессиональная установка, которая у меня уже была, тут вдруг оказалась реализованной.

Во-первых, конечно, целостность. Я действительно целостник (по крайней мере, пытаюсь им быть), поскольку это качество не столько реального, сколько идеального.

А во-вторых – то, что мне всегда и по жизни нравится, и профессионально: толерантность. Открытость. Вот как мы объясняем реализм (это как бы и очень просто, и очень сложно): признание жизни какой она есть. А значит, признание толерантного существования в самом себе, в своих профессиональных и просто человеческих размышлениях. Не бояться, не сужать себя (вопреки Достоевскому – что человек широк, надо бы его сузить...). Жить открыто.

И все это я нашел в донецком филологическом мышлении, в донецком филологическом сознании. Поэтому я сюда приезжаю как к самому себе. Не как к храму. Я просто чувствую, что как-то сам расширяюсь, становлюсь толерантным, многоаспектным, много-значительным. Поэтому, общаясь с каждым из персонифицированных участников этого коллективного филологического донецкого сознания, я понимаю, что я общаюсь сам с собой. Это для меня важно, эти два принципа: целостность и толерантность [11, 12, 18–19].

1. Иванюк Б. Из цикла «Закладки» // В кругу друзей, коллег, учеников: сборник научных статей к 75-летию профессора Бориса Павловича Иванюка. Елец, 2023. С. 275–280.

2. Иванюк Б.П. Валета: словарный формат // *Philologos*. 2019. № 1 (40). С. 40–45.

3. Иванюк Б.П. Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). Черновцы, 1998.

4. Иванюк Б.П. Метафорический код восприятия художественного текста // В кругу друзей, коллег, учеников: сборник научных статей к 75-летию профессора Бориса Павловича Иванюка. Елец, 2023. С. 263–273.

5. Иванюк Б.П. Основные направления исследования жанра в жанрологических понятиях // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О.В. Зырянов, Т.А. Снигирева, Е.К. Созина [и др.]. Екатеринбург, 2010. С. 30–47.

6. Иванюк Б.П. Поминальные стихотворные жанры: словарный формат // *Philologos*. 2025. № 3 (66). С. 5–10.

7. Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М., 2007.

8. Иванюк Б.П. Словарь лиро-эпических жанров. Елец, 2019.

9. Иванюк Б. [Стихи] // Дикое поле. Донецк, 2004. Вып. 5.

10. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления. Донецк, 1997.

11. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Пушкинский выпуск. Донецк, 1999.

12. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Ретроспекции. Донецк, 2007.

1. Ivanyuk B. Iz tsikla «Zakladki» // V krugu družey, kolleg, uchenikov: sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu professora Borisa Pavlovicha Ivanyuka. Elets, 2023. S. 275–280.

2. Ivanyuk B.P. Valeta: slovarnyy format // *Filologos*. 2019. № 1 (40). S. 40–45.
3. Ivanyuk B.P. *Metafora i proizvedenie (strukturno-tipologicheskii, istoriko-tipologicheskii i pragmaticeskii aspekty issledovaniya)*. Chernovtsy, 1998.
4. Ivanyuk B.P. *Metaforicheskiy kod vospriyatiya khudozhestvennogo teksta // V krugu družey, kolleg, uchenikov: sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu professora Borisa Pavlovicha Ivanyuka. Elets, 2023. S. 263–273.*
5. Ivanyuk B.P. *Osnovnye napravleniya issledovaniya zhanra v zhanrologicheskikh ponyatiyakh // Evolyutsiya zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossiyskikh protsessov / O.V. Zyryanov, T.A. Snigireva, E.K. Sozina [i dr.]. Ekaterinburg, 2010. S. 30–47.*
6. Ivanyuk B.P. Pominal'nye stikhotvornye zhanry: slovarnyy format // *Filologos*. 2025. № 3 (66). S. 5–10.
7. Ivanyuk B.P. *Poeticheskaya rech': slovar' terminov*. M., 2007.
8. Ivanyuk B.P. *Slovar' liro-epicheskikh zhanrov*. Elets, 2019.
9. Ivanyuk B. [Stikhi] // *Dikoe pole*. Donetsk, 2004. Vyp. 5.
10. Korablev A.A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Opyt polifonicheskogo osmysleniya*. Donetsk, 1997.
11. Korablev A.A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Pushkinskiy vypusk*. Donetsk, 1999.
12. Korablev A.A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Retrospektii*. Donetsk, 2007.

Информация об авторе

Александр Александрович Кораблев,
Донецкий государственный университет
(Донецк, Россия).
284637, Россия, ДНР,
Горловка, пр-т Ленина, 170/29.
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории русской
литературы и теории словесности.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология.
ORCID ID: 0000-0003-1362-6283
SPIN-код: 3447-4495, AuthorID: 350701
E-mail: dikoepole@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.04.2026;
одобрена после рецензирования 15.05.2026;
принята к публикации 15.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Alexander A. Korablev,
Donetsk State University
(Donetsk, Russia).
284637, Russia, DPR,
Gorlovka, Lenin avenue, 170/29.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Head of the Department of History of Russian
Literature and Theory of Philology.
Research interests: poetics of text, genre studies.
ORCID ID: 0000-0003-1362-6283
SPIN-code: 3447-4495, AuthorID: 350701
E-mail: dikoepole@rambler.ru

The article was submitted 27.04.2026;
approved after reviewing 15.05.2026;
accepted for publication 15.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Кораблев, А.А. В жанре метажиизни // *Филологос*. 2026. № 2 (69). С. 116–132. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-116-132.

For citation: Korablev, A.A. In the genre of metalife // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 116–132. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-116-132.

Права: © А.А. Кораблев (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «ФИЛОЛОГОС» учрежден Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: ПИ № ФС77- 40325 от 15 июня 2010 г.).

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», а также в актуальную версию Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка».

Журнал публикует разножанровый материал по актуальным лингвистическим и литературоведческим проблемам (статьи, публикации, рецензии, хронику научной жизни и др.). Периодичность издания – четыре номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Всем статьям журнала присваивается цифровой идентификатор DOI.

Принимаются материалы по следующим группам научных специальностей:

- 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;
- 5.9.2. Литературы народов мира;
- 5.9.3. Теория литературы;
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России;
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (славянские языки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная

лингвистика.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: filologos07@mail.ru. Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Более подробная информация – на сайте редакции: www.filologos.ru

Научный журнал

ФИЛОLOGOS

Выпуск 2 (69)

Технический редактор – Н.П. Безногих

Техническое исполнение – В.М. Гришин

Дизайн обложки – Б.П. Иванюк

Подписано в печать 22.06.2026

Дата выхода в свет 23.06.2026

Бумага 67,0 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.

Печать трафаретная

Тираж 1000 экз. Заказ № 33

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1

E-mail: filologos07@mail.ru

Сайт редколлегии: www.filologos.ru

Подписной индекс журнала № **43284** в объединенном каталоге
«Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1